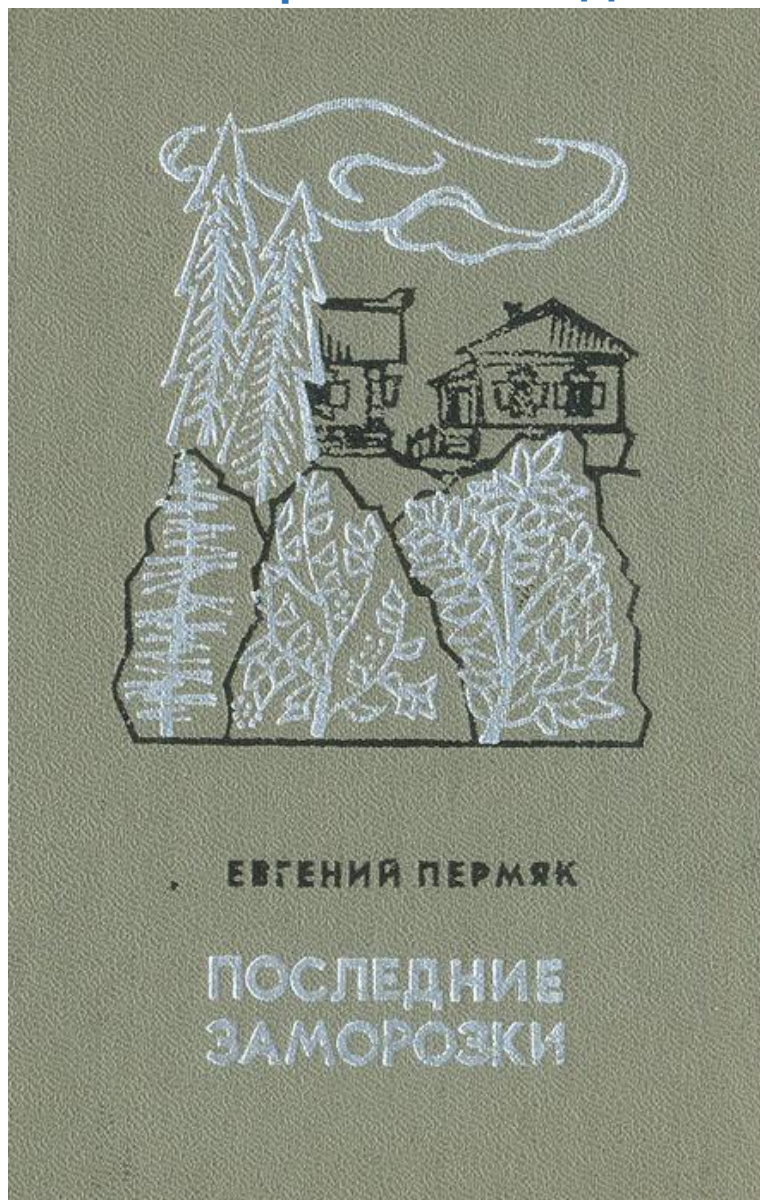

Евгений Пермяк ПОСЛЕДНИЕ ЗАМОРОЗКИ

Роман

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1

Этот маленький роман о радостях и злоключениях молодых людей следует начать со школьной скамьи, на которой сидит Руфина Дулесова. Ей, как и всякой десятикласснице, пока ещё мало лет, а

она уже чувствует себя вполне взрослой и думает о той счастливой весне, которая улыбается каждому на пороге зрелости.

За школьным окном хохочет ручьями весёлый обманщик апрель. Этот озорной месяц на Урале особенно шаловлив. Сегодня — солнце, а завтра — серое небо и белый снег.

Но стоит ли обращать на это внимание? Всё равно апрель сменится маем. С маем придут выпускные экзамены, а там... бал!

Школьный бал! Она — в белом-белом платье. Он — чуточку неуклюжий и робкий. Совсем уж взрослый, но стеснительный-стеснительный... Даже не верится, что ему двадцать два года. Но ему ровно двадцать два. Когда Руфина переходила в третий класс, Алёша Векшегонов заканчивал восьмой.

Как удивлённо раскроет он свои синие глаза, когда увидит её на выпускном вечере в бальном платье! Как смущённо подойдёт он к ней и пригласит на вальс!

Это будет именно так и не может быть по-другому. И наверно, там, на балу, он скажет то главное слово, после которого приходят все лучшие слова, какие только есть на белом свете.

При одной этой мысли у неё и теперь слегка кружится голова. Но в классе слышится:

— Дулесова, пожалуйста, к доске.

Руфина, возвратившись из ожидаемого июня в текущий апрель, с уверенностью хорошей ученицы направляется к доске и берёт мел...

Ей нужно сосредоточиться, заняться решением задачи по тригонометрии, не думать ни о чем «постороннем»... Но она уже дважды стирала написанное. Наконец задача решена. Она возвращается на своё место и снова уходит в мечты.

Ей вспоминается все сначала.

А началось все с производственных мастерских. Тогда завод-шеф помогал оборудовать школьные мастерские не только станками и инструментами, не только снабжал материалами, но и посылал своих мастеров. Одним из них оказался Алёша, Алексей Векшегонов.

Руфина тогда ещё не знала, кем она будет, какой трудовой путь изберёт. Во всяком случае, работа на станкостроительном заводе не манила её. Но младший брат Алексея Векшегонова, одноклассник Руфины, зазвал её на встречу с мастером. И Руфина пришла.

С этого все и началось.

Сначала она не узнала Алёшу Векшегонова, а ведь они жили на одной улице. Это был другой, неизвестный ей человек. Он светился. Глаза блестели. Голос звенел. И как-то необыкновенно красиво вились кудри...

Он говорил об очень знакомом станкостроительном заводе, но говорил так, что Руфина узнавала этот завод, как и Алёшу, впервые.

Алёша рассказывал будто не о цехах, а о сказочных дворцах, где рождаются чудеса из чудес — станки и машины.

Он говорил:

— Любите машины! Никогда и никому не верьте, что машины бездушны, бескровны, мертвы. Так могут думать только те, для кого машина чужда, как солнечный свет темноте. Как грамота — пню. Как музыка — камню... Машина — это изумительное воплощение человеческого гения. Она согрета его теплом, рождена в болях и муках его поисков, рождена для счастья и жизни всех нас. Машина — это сам человек, продолживший себя в металле. В машину человек вдохнул свою душу...

Это была памятная встреча школьников с молодым, влюблённым в свой завод мастером-комсомольцем. Первые занятия в школьных мастерских начались с азов слесарного дела.

Алексей Векшегонов появлялся в школе всего лишь раз в неделю. В субботу. В другие дни с учащимися занимались его «ассистенты». Так шутя называл он молодых слесарей. Приход Алёши был праздником для Руфины. И она, выполнив к субботе своё очередное задание, трепетно ждала оценки мастера, а затем — новой субботы. И так — неделя за неделей, месяц за месяцем.

Покончив с основами слесарного дела в девятом классе, Руфина потянулась к станкам. Она работала в мастерских больше других, оставалась там на час-два и заслужила высокую похвалу Алексея Векшегонова.

— Ты прирождённая станочница, — радовался он. — У тебя замечательная точность движений рук. Понимание операции.

Теперь девушкой руководило не одно лишь желание нравиться Алексею. Сама работа влекла её. Первая слава, как горная тропинка, манила взбираться все выше и выше.

Не отставал от Руфины и её одноклассник Серёжа Векшегонов, брат Алексея. Ему-то уж положено успевать. Он, как и Алексей, с самого раннего детства играючи выковывал наконечники для стрел, мастерил капканчики, ловушки, клетки из проволоки, самодельные ножи с закалкой до синевы... Мало ли есть поделок из металла и дерева, без которых нельзя представить детство уральских мальчишек, растущих рядом с заводами!

Серёжа точно знает, что он, как и брат, будет работать на станкостроительном заводе. Руфина ещё не знает этого. Но если Алёша скажет, Руфина пойдёт на завод.

В восьмом и девятом классах она тайно вздыхала, любуясь своим кудрявым мастером. А теперь любовь заполнила её всю. Любовь уже нельзя было скрыть от матери. Да и зачем? Во многих старых уральских рабочих семьях и теперь поощряются ранние браки. Руфинина мать, Анна Васильевна, вышла замуж семнадцати лет. У Дулесовых нет-нет да и поговаривали об Алексее Векшегонове. И особенно участились разговоры о нем, когда словоохотливая старуха бобылка Митроха Ведерникова принялась ворошить седую давнину о первонасельниках Старозаводской улицы — Векшегоновых и Дулесовых.

Все это хотя и ушло в забвенье, умерло в народной молве, а от прошлого никуда не денешься. Не просто же так, а для чего-то воскрешает былое старая Митроха.

2

Как гласит предание — да и не только оно, но и городской архив, — Дулесовы и Векшегоновы появились на Урале во время царствования Екатерины Второй.

Молодой кузнец Афанасий Дулесов прибыл из Тулы. Его зазвали сюда земляки — туляки, привезённые перевозчиком петровских

времен Демидовым. Говорят даже, что будто бы с Афанасия Дулесова был писан знаменитый лесковский Левша. Эта сущая чепуха порождена желанием Дулесовых возвеличить свой род. Но о том, что предки Дулесовых были отличными мастерами, свидетельствуют и архив и музей. Архив также подтверждает, что глава рода уральских Дулесовых — Афанасий взял себе в жены пойманную им девку-вогулку неизвестной лесной красоты, идолопоклонщицу, и оную продержал взаперти сорок дней, а потом самолично крестил в реке Кушве, научил её русским словам и обычаям.

Молва гласит, что неизвестная лесная вогульская красота жены Афанасия сказывалась в дулесовском роду каждым седьмым ребёнком. И что Руфина так хороша лицом и статностью потому, что она из «седьмых».

Кто не злоупотреблял цифрой семь? Все же, отмечая мистическое, мы не должны забывать, что воскрешённая Митрохой Ведерниковой легенда украшала Руфину, привлекая внимание к ней окружающих, в том числе и Векшегоновых.

Векшегоновы, по скудным сведениям архива и пространным пересказам той же молвы, ведут начало из соликамских строгановских мест древней земли Перми Великой.

Это неоспоримо. Документы архива заслуживают доверия. Можно спорить с молвой. А молва устами того же Ивана Ермолаевича Векшегонова, деда Алексея, твердит, что некий из братьев Строгановых, владевший землями по Каме, Вишере и притокам, был одержим охотой на зверя. У одержимого охотой Строганова был удачливый векшегон. Дословно — человек, гонящий или загоняющий векш. Слово «векша» не исчезло на Урале и теперь. Это белка.

Векшегон, будучи красивым никак не менее тульского предка Дулесовых, кузнеца Афанасия, полюбил дочь Строганова. И когда та ответила ему на любовь (а надежд на согласие быть выданной за смерда-векшегона у неё не было), она предложила побег. И они бежали за хребет Каменного Пояса. То есть по ту сторону Уральского хребта.

Побродяжничав весну, лето и осень, влюблённые покинули леса и ударили челом демидовским людям. Демидовы, нуждаясь в

рабочих руках, не брезговали беглыми, опальными и даже царееотступниками. Векшегон Иов получил для поселения землю напротив туляка Дулесова, а вместе с землёй и фамилию — Векшегонов.

Тем и было положено начало Старозаводской улице.

В разные времена эта улица называлась по фамилии её основателей — то Векшегоновкой, то Дулесовкой. Те и другие до начала нашего столетия враждовали из-за названия улицы. Случались даже драки. Спорили они и в первые годы Советской власти. Дело дошло даже до разбора в городском Совете, который помирил жалобщиков решением: «...впредь предлагается именовать улицу Старозаводской».

У Дулесовых и Векшегоновых случались и светлые полосы длительных перемирий и большой дружбы. Тем и другим хотелось породниться, положив этим конец возможным раздорам и сварам. И такие попытки делались, но каждый раз случалось что-нибудь «роковое» и свадьба расстраивалась.

Последний раз такого рода «роковое» событие произошло с будущим отцом Алексея, с Романом Векшегоновым. Он полюбил сестру отца Руфины, Елизавету. Был помолвлен с нею. Векшегоновы и Дулесовы по этому поводу пировали три дня. Целовались. Клялись в вечной дружбе. Но накануне свадьбы чернобровая и кареглазая Елизавета исчезла. Она была выкрадена — и, как говорят, не без её согласия — удачливым золотопромышленником.

Известно, что и дед Алёши, Иван Ермолаевич, заглядывался на покойную ныне двоюродную бабушку Руфины и та будто бы ему благоволила, но ей перебежала дорогу сухопаренькая, складненькая рудничная девчонка Стеша, ныне Степанида Лукинична, бабушка Алёши, не требовавшая от возлюбленного ни венчальных свечей, ни клятвенных речей, а только одной любви. И она её нашла.

Так было и былём поросло, а теперь пробудились старые надежды. Весны, как говорится, ещё не было, а с крыш капало. Чувствовалось потепление в отношениях Дулесовых и Векшегоновых.

То Руфинина мать, Анна Васильевна, прибежит посоветоваться насчёт чешской мебели, которую завезли в большой универмаг, то

Алёшин отец, Роман Иванович, скажет отцу Руфины насчёт весенней охоты, когда можно выпить-закусить на вольном воздухе.

Все это замечалось на Старозаводской улице, и молва, подогревая события, предрекала то, о чем пока молчали и Дулесовы и Векшегоновы. Между тем события развивались пусть медленно, но неуклонно, и неоткуда было ждать отклонения. И этому верили все, кроме младшего брата Алексея — Серёжи.

О нем особый разговор.

3

Одногодок Руфины, Серёжа Векшегонов до девятого класса сидел с ней на одной парте. В десятом классе, когда его тайные чувства к Руфине определились окончательно и он решил для себя, что рано или поздно Руфина будет носить его фамилию, Серёжа пересел на другую парту.

Это влюблённому юноше казалось правильным во всех отношениях. Всему свой черёд и своё место, а школа школой.

Руфина была очень внимательна к Серёже. Она делилась с ним завтраком. Возвращалась вместе с ним из школы. Танцевала на школьных праздниках. Ерошила его волнистые волосы и даже как-то раз поцеловала. Это было восьмого марта. Она сказала: «Спасибо за поздравление» — и чмокнула его в щеку.

Все это вселяло уверенность и надежды. Серёжа не знал, что Руфина видит в нем будущую родню. К тому же он походил на Алексея, Руфине и в голову не приходило, что мальчишка, с которым она провела в классе столько лет, может вообразить невероятное. Наоборот, внимание к ней Серёжи она объясняла тем, что он, зная сердечные тайны старшего брата, считает Руфину невестой Алексея.

Бедный Серёжа! Ну как же ты, такой умный парень, не задумался над этим и посчитал за любовь её отражение?

Милый, милый, наивный юноша, ты поверил в придуманное тобой и тоже ждёшь школьного выпускного бала...

К этому дню Серёже был сшит настоящий костюм. Он сегодня впервые надел его. В нем он пойдёт в школу. Там вручат ему и Руфине аттестаты зрелости. Серёжа долго стоял перед зеркалом и удивлялся, что взрослый, совсем взрослый костюм не делает его старше. Усы и те пробивались каким-то цыплячьим пушком. Их нельзя было разглядеть, даже уткнувшись в зеркало.

Жаль, что ему сшили не тройку, а пару. Жилетка всегда делает человека солиднее. Может быть, ему начать курить?.. Но будет ли он от этого старше? Да и зачем ему, правдивому человеку, презирующему всякое враньё, обманывать других, а главное — себя?

Раздумывая так, Серёжа решил примерить материно кольцо с изумрудом. Оно, пожалуй, могло придать солидность. Но кольцо совершенно неожиданно сделало его руку девичьей.

«Ничего я не буду делать, — сказал он себе. — Я поднесу ей букет цветов, а в цветы вложу письмо».

Серёжа вырвал из тетради листок и задумался. И было над чем. Листок оказался разграфлённым в клеточку. На таких листках можно решать задачи, но не такие, от которых зависит вся жизнь человека. И он принялся искать лист, достойный его признания в любви к Руфине.

После долгих поисков и размышлений он решил написать письмо на кальке, найденной у Алексея.

Это казалось красивым и необычным. Калька из чистого тонкого батиста. Она гладка, прозрачна и долговечна. В её голубизне есть что-то выражающее нежность его чувств к Руфине.

С чего начать и чем кончить, он знал, а что написать в середине письма — как-то не приходило в голову. Но лиха беда начало. Он вставил чистое перо и принялся писать:

«Солнышко моё, Руфа! Я люблю тебя уже три года. Больше тысячи дней. Я не говорил тебе об этом раньше потому, что мы были школьниками. А теперь у нас аттестаты зрелости. Правда, нам ещё мало лет, поэтому я прошу тебя сказать мне „да“, и потом я буду ждать столько, сколько ты захочешь. И знай, что я дождусь того счастливого дня, когда мы — Векшегоновы и вы — Дулесовы станем, моя любимая Руфа, одной семьёй.

Отныне и навсегда твой Сергей Векшегонов — Дулесов».

Перечитав письмо, проверив, на месте ли запятые, он сложил его треугольником и сунул во внутренний карман пиджака.

Теперь можно идти. Как это приятно... Какой солнечный июньский день... Ни облачка, ни ветерка.

Как хорошо сидит на нем новый костюм...

4

И Руфина в этот час примеряла обнову — белое платье. Его муаровая пышность восполняла недостающее девическому стану.

— Теперь я уже совсем взрослая! — радовалась Руфина, обнимая свою мать, Анну Васильевну. — Только мне, мама, не хочется быть такой высокой, и я надену туфли на низеньком каблуке, хотя они и не очень идут к этому платью.

— Ну что ж, доченька, можно и на низком, — согласилась Анна Васильевна. — Однако же твой папаня ниже меня ростом, и это нам не помешало...

Постояв перед зеркалом, Руфина сняла своё нарядное платье и, будто вернувшись из праздника в будни, надела школьную коричневую форму.

— Руфина, я жду, нам пора! — услышала она за окном знакомый голос.

— Я сейчас. Я готова, Серёжа... — откликнулась Руфина, выбегая на улицу и застёгивая белый парадный фартук.

В этом фартуке сегодня она шла последний раз. Прощай, фартук. Прощай, школа. Прощай, физика. Прощайте, Платон Михайлович Слезкин. Прощай, школьный сад и все, все, что было.

Серёже очень хотелось, чтобы Руфина обратила внимание на его новый костюм. Он всячески выставлял его напоказ. Наконец Руфина сказала:

— Серёжа, ты такой солидный сегодня.

На это Серёжа небрежно ответил:

— Ничего не поделаешь, через два года мне перевалит на третий десяток...

— На третий? Впрочем, да, — еле сдерживая улыбку, сокрушалась Руфина.

— «Как годы-то летят...»

А потом, дёрнув Серёжу за ржаную прядь, совсем как младшего братца, она шепнула:

— Серёжа, я всегда буду любить тебя...

В это время из переулка выпорхнула девочка в белом фартучке, с букетом фиалок. Это была Капа, дальняя родственница Дулесовых.

— Здравствуй, Серёжа! Поздравляю с окончанием. Вот букетик. Я его собрала рано утром и все ждала, когда ты пройдёшь, чтобы поздравить тебя первой. Тебя ещё никто не поздравил, Серёжа?

— Нет, ещё никто, — почему-то смутившись, ответил Серёжа. — Ты первая. Спасибо за цветы.

Затем он погладил Капу по головке, чтобы показать этим своё недосыгаемое старшинство, а Капа, отклоняя голову, сказала:

— Не надо так, Сергей. Я уже перешла в восьмой класс.

Тут Капа повернулась к ним спиной и ушла.

Наблюдая эту сцену, Руфина заметила Серёже:

— Нехорошо, что ты отнёсся к ней с таким пренебрежением.

— Она же малютка...

Это почему-то задело Руфину.

— Малютка? — повторила она. — Я в её возрасте танцевала с морским офицером Виктором Гладышевым и... И он не относился ко мне с пренебрежением. Эта малютка, — вдруг добавила Руфина, лукаво глядя на Сергея, — может быть, твоя будущая невеста, жена и мать твоих детей.

Серёжа похолодел. Он проверил в кармане пиджака, там ли находится письмо на кальке. Потом, справившись с собой, заявил решительно и твёрдо:

— Руфина! Ты думаешь или нет перед тем, как что-то сказать? Или ты чувствуешь себя настолько умной и взрослой, что тебе можно болтать все, что придёт в голову? Ты поучаешь меня, хотя я и старше тебя на два месяца.

— Даже на два с половиной, Сереженька. — Руфина еле заметно присела на ходу, чтобы казаться ниже. — Ты старше меня почти на четверть года.

— Хватит, Руфина! — прикрикнул Серёжа... — Мы уже взрослые.

— Ну конечно, — согласилась Руфина и, заметив, как он тербит верхнюю губу, едва скрывая улыбку, сказала: — К тому же у тебя усы, хотя и не колючие.

— Зато ты... — не договорил Серёжа. Они уже были возле школы.

Он договорит потом. Сейчас не до этого. Вечером он в спокойных тонах посоветует ей, как разговаривать с ним...

5

По всему городу весело шагали десятиклассники. Во всех школах в этот день вручали аттестаты.

Алексей Векшегонов, как мастер школьных мастерских, пришёл в школу на правах педагога. На нем синий костюм в полоску. Цвет оттенял глаза, а полоска подчёркивала рост. Это заметила Руфина. Ей было приятно, что Алексей заботится о своей внешности. Но ей и не приходило в голову, что этим занимается его мать.

Любовь Степановна Векшегонова не могла с уверенностью сказать о мыслях сына, зато она отлично знала свои мысли. А в них Руфочка Дулесова была неминуемой невестой Алёши. Не нынче, так на тот год. Не на тот, так через два года.

Руфа любит его, а от любви девушки уходит редкий, очень редкий парень. Тем более такой, как Алексей. Ему, как и многим другим, всего лишь покажется, будто он выбрал её, на самом деле она заставит Алёшу выбрать себя. Такова первородная неизбежность женского начала в любви.

Все собрались в актовом зале.

Появился директор. Выпускники встали.

— Садитесь, садитесь, пожалуйста!

Все тихо сели. Как первоклассники. Первый и последний день в школе чем-то похожи один на другой. Наверно, торжественной тишиной.

Директор произнёс короткую напутственную речь.

Руфина в числе одиннадцати выпускников получила из рук Алексея Романовича Векшегонова похвальную грамоту за успехи в овладении основами профессий строгаля и сверловщика. Принимая грамоту, отпечатанную золотыми буквами, чуть слышно сказала:

— Спасибо вам, Алексей Романович... За все спасибо.

После выдачи аттестатов раздали свежие номера заводской многотиражки. Одна из страниц была озаглавлена «Наши выпускники». Масса заметок и множество снимков. Под двумя из них была подпись: «Таким, как они, не надо выбирать профессию. Ворота завода открыты для них». Эти слова касались Руфины и Серёжи, запечатлённых довольно отчётливо в правом верхнем углу газетной страницы.

Серёжа понимал, что заводская многотиражка не расточает напрасные похвалы выпускникам. Пусть не для всех, но для доброй половины школьников производственные мастерские были настоящим вечерним техническим училищем. Хоть и два раза в неделю работали мастерские, но ведь три года — немалый срок. И такие, как Руфина, обучавшиеся старательно, получали не показной и снисходительный производственный разряд, а настоящую квалификацию, по всем строгостям.

Серёжа сиял.

О чем тут говорить, коли даже в газете они рядом! Она — справа. Он — слева. Как мама и папа в семейном альбоме. Все ясно. Газета знает, кого нужно печатать рядышком, кого порознь. Риту Ожеганову и Володю Санкина тоже напечатали вместе и не случайно под снимками написали: «Они сидели рядом на парте, они рядом станут к токарным станкам».

Серёжа снова проверил, на месте ли его письмо Руфине. Хотел было пуститься бегом, чтобы скорее показать матери аттестат и грамоту, но сдержал себя. Сдержал и пошёл медленно, широко шагая, хмуря брови и прокашливаясь не открывая рта, как это делал директор школы. Все-таки он сейчас нёс аттестат зрелости. Как можно мчаться в своём взрослом костюме, когда, наверно, из всех окон смотрят, как он идёт...

Но Серёже пришлось опустить высоко поднятую голову. Он услышал мышиный писк:

— Серёжа! Ты потерял мой букетик. Вот он... Я собирала его все утро. Не теряй его больше, пожалуйста.

Это была опять Капа. Та самая Капа, про которую Руфа сказала... Леший знает, что сказала она... Серёже снова хотелось бросить букетик фиалок и на этот раз растоптать его. Но букетик фиалок словно был припаян к его руке. А тёмные глаза Капы смотрели на Серёжу заклинающе.

— Спасибо тебе, Капа. — Серёжа поклонился ей с вынужденной приветливостью. — Я так рассеян сегодня... Аттестат, понимаешь, зрелости, почётная грамота, портрет в газете... Вот! — Он показал газету. — Я непременно сохраню твой букетик...

— Пожалуйста, Серёжа.

Капа сделала что-то похожее на реверанс. Она была в танцевальной группе. Дворца культуры и умела раскланиваться, держась за края юбочки.

Серёжа выдержал характер и вернулся домой таким важным и таким солидным, что Любовь Степановна, желая подыграть ему, робко промолвила:

— Поздравляю вас, дорогой Сергей Романович, со зрелостью!

Тут Серёжа не выдержал, обнял мать, приник к ней и крикнул:

— Мама, я люблю тебя больше всех на свете!

Серёжа всегда был нежен с матерью, не в пример Алёше, выросшему у деда с бабкой. Припадок нежности сына ничуть не удивил Любовь Степановну.

Обняв Серёжу, Любовь Степановна провела его к себе. Там были разложены подарки. Ружьё от отца. Моторчик для велосипеда от брата. Большая коробка конфет сладкоежке сыну от матери. Охотничьи лыжи от деда с бабкой. По лыжине от каждого. И... вышитая синими васильками чесучовая косоворотка от учениц восьмого класса, как бывшему вожатому пионерского отряда.

Серёжа крикнул:

— Опять эта Капа!

Любовь Степановна мягко закрыла его рот рукой:

— Не надо, мой мальчик. За все, что идёт от чистого сердца, нужно благодарить...

— Я никогда не надену эту рубашку, мама. Никогда!

Серёжа занялся осмотром и разборкой ружья. Это было великолепное тульское ружьё. Чок-бор. Его нужно было, не откладывая на завтра, освободить от густой фабричной смазки. И он занялся этим, забыв о Капе и, кажется, о Руфине.

До сегодняшнего дня ружьё ему не доверяли. А теперь наступила зрелость. О ней свидетельствует не один лишь аттестат, но и мужской отцовский подарок. И невозможно откладывать охоту хоть на один день!

Но сейчас июнь, какая же охота! Однако если человеку нужно, человек хочет, он всегда придумает обходные пути. Серёжа сказал матери:

— Сороки — очень вредные хищники.

— Да что ты говоришь, Сереженька...

— Да. Они разбойничают в гнёздах малых птиц. Съедают яйца, птенцов. И вообще их необходимо истреблять.

— Если так, то и раздумывать нечего, — согласилась мать, довольная тем, что ружьё, охота на сорок могут доставить сыну радость.

Значит, «все остальное» не так серьёзно, как ей показалось, когда она прочитала забытое Серёжей начало письма к Руфине на листке в клеточку.

«Он совсем у меня мальчик», — убеждала себя Любовь Степановна, когда Серёжа переодевался в охотничье. Он натянул высокие отцовские сапоги, надел братову кожаную куртку, его же старую кепку, затем опоясался патронташем, вскинул за плечи вещевой мешок и наконец взял ружьё.

— Я пошёл на охоту, мама!

— Ни пуха ни пера, Сереженька.

Серёжа осмотрел себя в зеркало. Он выглядел очень солидно.

И вот он вышел на улицу. Мать любовалась им в окно. Она знала, что Серёжа, выйдя из ворот, должен пойти в сторону леса. Но Серёжа пошёл влево. Пошёл мимо окон дулесовского дома.

Значит, сороки сороками, а все остальное само собой...

6

Серёжа, как, может быть, вы уже заметили, принадлежит к тем юношам, которые всем нравятся. Пусть он в чем-то смешноват, излишне самонадеян, но это все неизбежная дань возрасту. Кто не платит её своей юности!

Но как бы ни был мил и хорош Серёжа, все же мы, воспользовавшись охотой на сорок, должны пока оставить его и познакомиться с его братом Алексеем.

По байке Степаниды Лукиничны, её внук Алешенька не был найден на капустном листке или под ракитовым кустом. Он и не был куплен на базаре, куда старый цыган в большом коробе привозит для продажи видимо-невидимо маленьких ребят.

Алексея принесла, по бабушкиному велению, по дедушкиному хотению, светлая птица Феникс, которой Степанида Лукинична вылечила простреленное молнией крыло. За это светлая птица Феникс слетала за семьдесят семь лет в предбудущие годы и добыла из них кудрявого, голубоглазого мальчика, который должен жить и расти не для своей корысти, а для счастья всех людей.

С первой сказки о Фениксе, с первых шагов Алёши он рос в холе, да не в баловстве, в неге, да не в безделье. Рано узнал Алёша, для

чего человеку руки нужны. Только ли для того, чтобы в мячик играть, да ложку держать, да кошку гладить? По бабушкиным, по дедушкиным, по отцовским рабочим рукам стал маленький мальчик принаравливать и свои руки. Фигус напоит, кошку накормит, бабушке нитку в иголку вденет или ухват подаст — и то дело. Большое всегда с малого начинается.

Малого ершишку поймает Алёша, а в большой семейной ухе и его навар сказывается. Пятёрку из школы принесёт — опять общий котёл пополнит, только уж не семейный, а народный. Каждая пятёрка, говаривал Иван Ермолаевич, силу народа множит и хоть не сразу, а через семь, через десять лет не малым ершишкой, а большим сомом сказывается.

И так неустанно, день за днём, воспитывали старики своего внука.

Школа встретила Алёшу насторожённо. Не драчлив, не шумлив, уступчив. Не слюняй ли? Даже сдачи не даёт обидчику — а мог бы. Двоих одноклассников на руках поднимает и проносит через весь школьный двор.

Может быть, трус?

Тоже не похоже. Ему не страшна никакая собака. Улыбнётся и скажет: «Да будет тебе тьякать, ты же умная» — и та завилает хвостом. А бодливому козлу из пожарной части Алёша так скрутил рога, что козёл и близко не подходит к школьным воротам.

Первыми Алёшу разглядели девочки, а потом и мальчишки потянулись к нему. Он, не стремясь подчинять своему влиянию других, разоружал даже озорных заводил и заставлял хорошо учиться заядлых лентяев, не жалея на это ни сил, ни слов, ни своего времени.

Приветливы с Алёшей были и взрослые. В семьях всегда и все знают о школе, о её делах и, конечно, о тех школьниках, кто на хорошей или на худой молве.

В те годы отец и мать Алёши жили в старом векшегоновском доме. Когда же они получили от завода квартиру и отделились от стариков, Алёша остался у бабушки с дедушкой, потому что началась война. Отец Алёши, Роман Иванович Векшегонов, ушёл на фронт, мать стала к станку.

Алёша, как и все в их роду, начал трудовой путь слесарем. Так было заведено чуть ли не сто лет тому назад. Слесарное ремесло Векшегоновы считали чем-то вроде обязательной азбуки, без которой в заводском деле человек не может двигаться вперед.

Старомодно это или нет, только никому не приходило в голову нарушать родовой порядок.

Закончив семь классов, Алексей поступил в ремесленное училище. На завод он пришёл уже лекальщиком и вскоре был замечен как искусник в своём деле. Разумеется, в этом немалую роль сыграл его дед, Иван Ермолаевич Векшегонов, натаскивая внука в домашней мастерской. Эти мастерские и в наши дни бытуют в старых уральских домах.

Молодой слесарь привлёк внимание главного инженера завода Николая Олимпиевича Гладышева. Доводясь Алексею двоюродным дядькой, он вдвойне был доволен, что и этот молодой Векшегонов оказывается на виду, как и отец его Роман Иванович, как в своё время и дед Иван Ермолаевич — знаменитый слесарь станкостроительного завода.

Теперь Алексей Векшегонов работает наладчиком автоматических станков и линий. Это его призвание. Его трудовая стихия. Усовершенствовать, смастерить, придумать, заменить — самое большое счастье для Алексея. Увлекаясь рационализацией, изобретательством, он забывает о времени, окружающих и, может быть, о себе.

Это началось ещё в отроческие годы, рассказывает о внуке дед, Иван Ермолаевич Векшегонов. Для кого игра, бабки, шаровки, чижики, а для Алексея тиски, молоток, пила, ножницы. И не было у него большей радости, как соорудить что-нибудь своими руками. Клетку ли для чечеток, пенал ли для карандашей или ещё какую-нибудь пустяковину смастерит он — всегда от себя добавит новое. И как бы хорошо ни сделал Алексей свою хитроумную самоделку, никогда не был доволен собой.

Вот и сейчас на заводе появился многошпиндельный сверлильный станок Алексея Векшегонова, названный его именем — «АВЕ». Радоваться бы... Не всем молодым механикам в молодые годы удаётся создать свой станок. А ему радости нет.

— Об автомате думал, — жалуется деду внук, — а получился полуавтомат. Недотянул. Не то знаний не хватило, не то времени.

Дед утешает:

— Дотянешь. У тебя годов много впереди. Кончишь заочный. День будет длиньше — ума больше. Вот и доведёшь своё детище.

У Алексея в самом деле было туговато со временем. Завод. Учёба. А тут ещё школьные мастерские. У парня совсем не оставалось часов для прогулок, театра, весёлых вечеринок и всего, что принято называть часами досуга.

Но на школьный бал он, конечно, пойдёт, потому что должен туда пойти. Ведь он же в школе на правах педагога, и на балу будут его ученики.

Если говорить честно, то ему в этот вечер было бы куда приятнее покататься на лодке с Ийей Красноперовой. Во-первых, это настоящий отдых, во-вторых, она не будет мешать думать о приводе к винторезному станку, а в-третьих, он всегда так легко и свободно чувствует себя с ней.

И он, наверное, сумел бы как-нибудь совместить и бал, и прогулку с Ийей. Показался бы во Дворце культуры... А потом затерялся в толпе — и на пруд. Что ему, в самом деле, до бала? Танцор он плохой. Огни, шум, наряды не привлекают его. В новом костюме он будет чувствовать себя неловко. И вообще — что за радость кружиться напоказ?

Рассудив так, Алексей решил отбыть положенный час на школьном вечере, а потом махнуть с Ийей на озеро. Белая ночь. Тихий пруд. Теплынь... Но все случилось совсем по-другому.

К Векшегоновым пришла Руфина. Она будто разгадала сомнения Алексея. Руфина появилась не в форменном школьном платье, с которым уже навсегда рассталась, а в широкой юбке и пышной кружевной кофте. Вместо кос — модная причёска. Руфина будто выросла, возмужала за считанные часы.

— Ты ли это, Руфа? — не скрыл своего удивления Алексей.

Руфина ответила на это без всякого жеманства:

— Ты знаешь, Алёша, я тоже сегодня нравлюсь себе. — Сказав так, она закружилась. — Мне очень хочется наряжаться.

— Зачем?

— Не знаю...

Впрочем, она знала «зачем». Кажется, догадался об этом и Алексей. Догадался и задумался. Задумался и вспомнил намёки матери, разговоры в цехе, на которые он не обращал внимания. А теперь Алёша, может быть, впервые зримо, осязаемо почувствовал, что кроме наладки станков, кроме зачётов и чертежей есть другие стороны жизни.

— Я надеюсь, Алёша, — просил голос и просили глаза Руфины, — что ты зайдёшь за нами, а потом мы все вместе отправимся во Дворец на бал!

Тут надо сказать, что настойчивый и упорный Алексей Векшегонов, беспощадный к себе, был мягким и отзывчивым к другим. Эта черта, привитая дедом с бабкой, ещё скажется не один раз и принесёт немало злополучных дней Алексею и другим людям. И началось это, может быть, как раз сегодня, в этот торжественный день.

— Ну конечно, ну конечно, — согласился Алексей. — У тебя сегодня такой день. Я непременно найду.

Руфина ушла. В комнате остался тонкий запах духов, сияние смеющихся глаз, а в душе Алёши какой-то смутный разлад, какое-то разногласие с самим собой.

7

Теперь, пожалуйста, на школьный бал!

Во Дворце культуры, построенном металлургами и станкостроителями, ожидалось семьсот — восемьсот хозяев и наследников. Отцов и детей. Корифеев знатных рабочих династий и юнцов, ещё не переступивших порог завода.

Июнь — месяц белых ночей на Среднем Урале, но люстры зажжены. Окна открыты. Музыка и голосам тесно в огромном зале. Они оглашают дворцовый парк и гаснут в зелени деревьев, ещё не потерявших нежную окраску весны.

Распорядители бала с белыми атласными розетками, какие случались у шаферов на свадьбах минувших лет, встречают гостей и участников бала.

Серёжа тоже распорядитель. Он стоит на гранитных ступенях лестницы главного подъезда Дворца в промежутке колонн. Серёже вместе с тремя другими десятиклассниками поручено встречать гостей у входа и прикалывать им бумажные ромашки с десятью лепестками, символизирующими десять классов школы.

Ромашки уже приколоты многим выпускницам его и других школ, а Руфины нет. Серёжины глаза устремлены в глубину центральной аллеи парка. Среди белых платьев он ищет то, на котором сегодня должна красоваться самая большая и самая красивая ромашка.

Минуты — как улитки... Уж не случилось ли чего-нибудь?

Ну что ты, милый, заботливый Серёжа! Взгляни! Она идёт. Не узнаешь?

Серёжа не узнал Руфину. Копна волос, перевязанная белым бантом. Какая-то другая шея, без воротничка, с тоненькой цепочкой и зелёным камушком. Платье как белый колокол. Руки открыты. Он никогда не обращал внимания, какие у неё руки. Она не идёт, а будто медленно скользит, словно девушки на экране из танцевального ансамбля «Берёзка».

Рядом с нею — мать. Тоже в белом. Но зачем её рассматривать? Она всегда была франтихой. А кто по другую сторону Руфины? Кто?

Не может быть! Это Алёша... Он почему-то выглядит сегодня выше. Зачем он вместе с нею?

У Серёжи слегка кружится голова. Зачем он несёт её белую сумку? Зачем он разговаривает с нею и все смотрят на них? Смотрят и о чем-то переговариваются.

А радио, как по злому заказу, рыдает на весь парк:

Ах, Ольга, я тебя любил,

Тебе единой посвятил...

Это уже похоже на издёвку.

— Добро пожаловать! — произнёс Серёжа стандартное приветствие и приколот ромашку Анне Васильевне, затем вторую — Руфине и третью, самую большую, — брату. Волнуясь, он перепутал ромашки. — Ты, Алёша, тоже на бал? — спросил упавшим голосом Серёжа.

— А как же? Ведь я в некотором роде педагог... Хотя и слесарно-механический.

Дулесовы и Алексей прошли в распахнутую дверь дворца, а Серёже нужно оставаться на лестнице и прикалывать ромашки другим.

Там уже начались танцы, а у него ещё половина коробки неприколотых ромашек. Люди все идут и идут. Серёжа не справляется со своими обязанностями. Его руки не приучены быстро прикалывать цветы. Он уже уколол одну родительницу из заречной школы, и та ойкнула от боли. После этого он стал просто раздавать ромашки. Пусть прикалывают сами. Но одна из пришедших на бал не захотела этого. Она попросила:

— Серёжа, приколи мне ромашку своими руками.

Серёжа едва сдержался:

— Ты-то зачем здесь?

А та с достоинством ответила:

— Как отличница. Даже из седьмых классов все отличники приглашены на бал, а я перешла в восьмой... И нам тоже разрешили надеть белые платья. Посмотри. Почти такое же длинное, как у Руфы.

Тут девочка, имя которой уже вам известно, сделала снова подобие реверанса, придерживая тонюсенькими пальчиками своё платье.

Окончательно рассерженный Серёжа выбрал самую мятую ромашку и, оторвав у неё два лепестка, сказал:

— Все должно быть как полагается. Ты ещё пока в восьмом классе.

— Пока да, — снова поклонилась Капа, благодаря этим за приколотую ромашку, а потом, нагнувшись, подняла оторванные бумажные лепестки изуродованного цветка и голосом, теперь так похожим на голос Ийи Красноперовой, прозвенела: — На следующий год я к ромашке приклею девятый лепесток. А через год у меня ромашка будет с десятью лепестками.

— Хватит!

Серёжа бесцеремонно повернул Капу лицом к двери, слегка толкнул её туда и увидел Ийю.

— Только подумал о тебе, а ты уж тут. Давай я приколю тебе две...

— Зачем же, Сереженька, две? — спросила Ийя.

— Одну за школу, другую за химический факультет... Между прочим, Ийя, понимаешь, Алексей сегодня не очень правильно себя ведёт.

— Да? Что же он делает?

— Понимаешь, носит всякие белые сумки... Вызывает ненужные разговоры и вообще... Вообще ты должна держаться решительнее и солиднее.

— Постараюсь, Серёжа.

Ийя грустно улыбнулась. Поцеловала Серёжу в щеку, будто поздравляя его с окончанием школы, и белой тенью прошла вслед за маленькой девочкой Капой.

Серёжа, провожая глазами грустную Ийю, не ждал теперь ничего хорошего.

8

Ничто так не нарушает последовательности рассказа, как справочно-описательные главы. Они скучны, но без них не обойтись.

Если уж мы несколько раз назвали имя Ийи Красноперовой и намекнули на какие-то отношения с ней Алексея Векшегонова, то надо узнать, что представляет собой Ийя.

Тётка Руфины, редкая зубоскалка и просмешница, говоря о необычайной худобе Ийи Красноперовой, назвала её «ловко задрапированным позвоночником». Ийя на самом деле была поразительно худа. Правда, дед Алёши находил иные слова.

— Тоща моща, да глазки ясные, сердечко доброе. — А потом приводил в пример свою Степаниду Лукиничну: — Моя в девках тоже была квёлым цветком, а после первого ребёнка розой расцвела.

Это приятные слова. Но слова есть слова, не более. Заводские старухи тоже говорили об Ийе только хорошее, а счастья ей не предрекали, хотя и видели её почти неразлучной с Алексеем. Этому тоже находили своё объяснение: «Бывает, и лебедь с цаплей гуляет, а гнездо вьёт с лебёдушкой».

Мать Руфины, читая ревнивые мысли дочери, утешала её:

— Что легко в руки даётся, долго в руках не держится.

У Ийи было прозвище Описка. Оно имеет свою, довольно забавную историю, которую небезынтересно рассказать.

У старика лесничего Адама Викторовича Красноперова появилась внучка. Он решил назвать её именем своей жены — Ия. Красноперов самолично отправился регистрировать рождение внучки. В загсе тогда работала грубая и малограмотная женщина. В книге регистрации рождений она вместо имени «Ия» написала «Ийя». Адам Викторович Красноперов стал протестовать и показывать, как пишется в святцах это редкое имя — Ия, что означает «фиалка». Женщина стала кричать и доказывать, что, во-первых, святцы загсу не указ, а во-вторых, как слышится, так и пишется, и, в-третьих, из двух букв имён не бывает, а в-четвёртых, она ничего не будет исправлять.

И описка из метрик перешла в паспорт и наконец стала именем, а Ийю прозвали Опиской.

Свыкнувшись с тем, что природа не отпустила ей красоты, она не ждала от Алексея и сотовой доли тех чувств, которые пылали в ней.

Ийя, как и Алексей, выросла у деда с бабкой. Бабки теперь уже нет. Из Красноперовых в старом доме лесничества осталось двое — Ийя да её дед Адам Викторович.

Сухонькая, жилистая Ийя была выносливой и сильной девушкой. Работая на заводе пластических масс, Ийя с отличием окончила химический факультет вечернего института. Ею дорожат. В неё верят.

Ийю приглашают на новостройки. Там, в Сибири, как нигде, нуждаются в специалистах. И кто-кто, а она-то уж знает, какие мечтания влекут её в этот край и с какой любовью она приложит свои знания и свои силы.

Да, её манит Сибирь. Она любит заглазно эту землю. Ийе радостно сознавать, что там она очень нужна и там она очень много может сделать. Но...

Но Алёша?.. Разве возможно встретить ближе, дороже и светлее, чем он? И если бы встретился такой, то разве бы она позволила даже на миг, на один миг, заползти мысли, что она полюбит другого? Даже лучшего, если лучшие для неё возможны на земле...

Она понимает, что все это только её, сугубо личное. Но ведь любовь не отвлечённая категория, если это любовь. Любовь неповторима в миллиардах её повторимостей. Ийя никогда не будет искать иного счастья. По её глубокому убеждению, любовь, как и жизнь, приходит только один раз.

Ийя видит Руфину, влюблённую и цветущую. Счастливую и уверенную. Да и как может быть иначе, когда она привлекает всеобщее внимание. Ею любят даже пожилые женщины. Матери, для которых своя дочь самая красивая, и те понимают, что Дулесова первая среди подруг.

А если это так, то кому же, как не Алексею, может пожелать Ийя счастья с этой красавицей. Это больно. Это невыносимо тяжело. Но эта боль не должна помешать счастью Алёши. И разве может позволить Ийя дать этой боли властвовать над собой.

Пусть так поступают другие. Пусть кому-то покажется, что у Ийи не было иного выхода, как уступить дорогу к сердцу Алёши ослепительной красавице Дулесовой. Пусть думают... Ийя-то знает, что это не так. Ийя знает, что стоит сказать ей всего лишь одно слово — и она станет Векшегоновой. И этому будут рады дед и бабка Алексея, не раз ронявшие робкие слова надежды назвать её милой внученькой.

Конечно, Ийя может заставить Алексея, даже не заставить, а всего лишь пригласить его поехать вместе с нею в Сибирь, где и для него откроются неизвестные горизонты. И он сам говорил: «Там я больше сделаю...» И это верно. Если здесь, в заводской тесноте, где так много передовиков, он всем заметён, то уж там-то, в краю непочатой работы, Алёша, конечно, сможет сделать ещё больше. Ийя знает его силы, может быть, больше, чем он сам. И Алексей никогда не только не упрекнёт её за этот переезд, за это соединение их жизней, он даже не подумает, что могло быть как-то иначе. Он, как и она, живёт, будет жить для других. Это главное. Это цель их жизни.

Трудно представить духовно более близкую пару, чем он и она. Но ведь это духовно... А человек состоит не из одной души.

Вот он, Алексей, духовно неразделимый с нею человек. Но взгляните, как он любит Руфиной... Как восторженны его глаза...

Мало ли что хотят и подсказывают старики Векшегоновы. Разве пара соединяется во имя счастья стариков, а не во имя счастья образующих эту любящую пару? Разве пара соединяется во имя счастья одного из этой пары, а не обоих?

Нет, нет, нет... Любовь не должна знать принуждения, каким бы оно ни было. Сила и крепость любви в ней самой. И если ты, Ийя, любишь Алексея, как ты можешь не желать счастья любимому? Пусть с другой. Пусть ценой твоего счастья.

Ты же знаешь, что завтрашний день зачеркнёт в людях многие страсти и чувства. Зависть... жадность... эгоизм...

И ты, Ийя, утверждающая в себе сегодня высокие черты человека грядущего дня, поступишь благородно. Ты оставишь его...

Так сегодня решила Ийя, стоя у беломраморной колонны в зале дворца. Так решила она.

Освобождённый от кресел и стульев большой зал дворца стал танцевальным. Ложи и балкон заняли родители, но и они в разгар веселья оставляли свои места, чтобы оказаться в гуще молодежи.

Ведь не просто же так пришли сюда все они. Не ради же одной традиции школьных балов все так нарядны сегодня. Каждый, даже восьмиклассница Капа, пусть неосознанно, тянется к тому, что не чуждо всем живым.

Не каждому из танцующих сейчас приходит в голову, как может продолжиться их танец. Во всяком случае, плохой танцор Алёша Векшегонов, танцуя и наступая на ноги Руфине, и не думал о том, что было ясно всем, кто наблюдал за ними.

Алёша, до смешного неуклюжий в танцах, всячески старался успеть за музыкой, как можно меньше наступать на белоснежные носочки туфельек Руфины.

Но разве туфли волнуют сейчас Руфу? Пусть наступает, но танцует с нею. И он танцует... Четвёртый... Пятый танец... И приглашает на шестой. Она считает танцы. Их так много... И очень мало. Руфине было бы трудно уступить даже половину танца кому-то другому.

— Никак, Анюта, — сказала Любовь Степановна Векшегонова матери Руфины, указывая на Алексея, — сбудется, чего не сбылось у наших отцов и дедов.

— Хотелось бы, Любаша, — призналась откровенно Анна Васильевна. — Так бы хотелось, что я даже готова не ждать седьмого августа, когда ей будет восемнадцать.

Матери обнялись. И это заметили. Дулесова смахнула слезинку — и это тоже было замечено. А когда отец Алексея, Роман Иванович Векшегонов, пригласил Руфинину мать потанцевать с ним полечку, то уже всем стало понятно, что обручение Руфины и Алексея состоялось.

Роману Ивановичу Векшегонову пятьдесят два годика. Восемь лет до пенсии, но если судить по тому, как он танцует, то ему пенсию едва ли понадобится выплачивать и через двадцать лет.

Лихо подбоченясь, легко летая по паркету, мастер сборочного цеха услышал громкое одобрение старого слесаря Макара Петровича Логинова:

— Ишь ты как даёт Роман прикуривать мировому империализму!

Анне Васильевне Дулесовой всего лишь тридцать шесть лет. Она грациозна. Белое платье и туфли на высоких каблуках молодят её ещё более. Она танцует куда легче и свободнее своей дочери, награждая теперь не сходящей с её лица улыбкой маститого мастера Векшегонова.

Ийя, на которую никто не обращал внимания, продолжала стоять в сторонке. Искавший её Серёжа подошёл к ней.

— Возьми меня под руку, Ийя, и пойдём со мной.

Он подвёл её к брату.

— Алёша, — обратился к нему Серёжа не без иронии. — Ийя так хорошо перечерчивала твои чертежи, потанцевал бы ты с ней, а я с Руфиной.

— Да, да, — обрадовался Алёша, — я даже не знал, что ты здесь... Совершенно закружился с ученицами.

— И очень хорошо. Ты мало веселишься. Я в первый раз сегодня вижу тебя таким оживлённым.

Ийя подняла на него свои серые, необыкновенно большие и добрые глаза. Они как окна дедушкиного дома. Заглянешь в них — и окажешься в тишине с детства милой большой горницы.

Все чисто в этих глазах, дорого и мило сердцу.

Алёша пригласил Ийю на быстрый вальс.

Ийя всегда преображалась в танце. Она, будто мотылёк рядом с молодым коренастым медведем, порхала, как бы ускользая от попыток Алёши наступить ей на ногу. Не он, а она вела его. Вместе с хорошим певцом поёт и безголосый. Ему легко было танцевать с нею.

С нею ему всегда было легко, потому что он никогда не задумывался, что нужно сказать, как должно себя вести.

А Серёжа танцевал чопорно и строго. Так танцуют на балах при начальстве только курсанты военных училищ.

Каждое движение Серёжи было отчётливо, как буква в написанной им строке. И сейчас он будто не танцевал, а писал экзаменационное сочинение, боясь пропустить хотя бы одну запятую.

— Устала я, — вдруг сказала Руфина, выходя из танца.

— А я не устала, — слышался голос Капы, и она так молниеносно, так цепко положила свою руку на Сережино плечо, что ему уже неудобно было сказать: «Я не хочу танцевать с тобой, мышонок». К тому же он распорядитель, а распорядители обязаны быть особенно обходительны.

Счастливая Капа закружилась в первом настоящем бальном танце, которого она так ждала. Кружась, она шепнула Серёже:

— Как я рада, Серёжа, за Руфу. — А потом, на другом повороте, она досказала: — И за твоего брата Алексея Романовича.

Сергей едва не вскрикнул. Никто ещё не жалил его так больно. Но Серёжа сдержался и не назвал её змеёнышем.

Только подумать...

Нет, никто не знает, с какого возраста язык девчонок начинает вырабатывать яд. Наверно, очень рано. Потому что он им заменяет кулаки мальчишек и позволяет обороняться и наступать.

Зачем? Скажите, зачем он писал Руфине письмо, которое напрасно теперь лежит в левом внутреннем кармане его пиджака, у самого сердца? Трепетного. Бьющегося. Обманувшегося сердца.

10

Нескончаемо длинный, светлый вечер, минуя ночь, переходил в раннее утро. Пахло июньской свежестью. Заводы, не знающие сна, и те как-то притихли в этот час.

Из дворца весёлыми стайками, семейными группами, парами и в одиночку возвращались участники школьного бала.

Капа возвращалась одна. И это понятно. Она была полна впечатлениями о первом бале. И ей хотелось не растерять их. Донести до дому. И там, засыпая в этот поздний час, постараться увидеть во сне то, что было наяву. И ромашку с оторванными лепестками... И быстрый вальс... И далёкое-далёкое, которому сегодня не поверит никто, тем более Серёжа, но которое непременно

придёт. Придёт потому, что не может не прийти, коли она так решила. Решила раз и навсегда.

Серёжа возвращался с друзьями. И это тоже понятно.

Алексей и Руфина шли под руку вдвоём, и этому теперь никто не удивлялся.

Миновав плотину, они остановились, опершись на перила ограды весеннего водосброса, или вешняка, по которому спускают весной избыток воды.

В зеркальной глади Алёша увидел себя и Руфину. Вода — как стекло. Даже было видно его родимое пятнышко на правой щеке.

— Я сегодня, Руфа, — начал он, — почувствовал себя школьником. Таким, как Серёжа. И мне было очень весело. И я, кажется, слишком увлёкся танцами...

— И очень хорошо, Алёша. Я так была счастлива, когда мы танцевали с тобой, — откликнулась Руфина, думая, что сейчас будет сказано самое главное. А оно не сказалось.

— Мне тоже показалось, что я... Впрочем, все равно, что показалось мне и другим. Сейчас я увидел себя и тебя со стороны. — Алексей указал на отражение в пруду. — Посмотри и ты на нас со стороны.

— Я уже посмотрела и увидела то, что мне давно хотелось увидеть.

— Ты наивна, Руфина, а вода лукава. Не верь ей. Она отражает не все.

— Но и не так мало, Алёша. Посмотри.

Теперь Руфина указала на воду, где была видна гора, дорога и берега. По дороге шла Ийя. Её ни с кем нельзя было спутать.

— Что ты этим хочешь сказать, Руфа?

Вместо ответа Руфина нагнулась, взяла с плотины горсть гальки и бросила её в воду. Изображения в воде пропали. Как хочешь, так и понимай.

Они молча стали ждать Ийю. Они думали о ней. И каждый своё.

Руфина старалась и не могла понять, в чем сила Ийи, этой «тонкошеей гусеницы», этой писклявой букашки с муравьиной талией. Что может привлекать в ней Алексея? Какие чары? Что позволяет ей так уверенно ходить по земле? Будто за нею неотразимое могущество красоты или у неё на руке не простое колечко с грошовым алмазиком, а перстень-талисман... Иногда Руфине кажется, что Ийя может заставить Алёшу сделать все, что захочет. И не приказывая, а как бы между прочим... Достаточно движения одной её брови, и он исполнит любое её желание.

Откуда в Ийе такая непринуждённость в поступках и в отношениях со всеми — с нею и с Алексеем? Она ему как равная равному может сказать: «Ты устал от зачётов и работы. Завтра мы поедим к истоку на лодке». И она будет грести сама, не позволив ему даже прикоснуться к веслу. Для этого нужны не такие руки. Даже руки Руфины и то бы не могли так долго грести.

И вот она уже подходит. Алёша почему-то смущён. Он будто в чем-то виноват перед Ийей.

— Я так и знала, что ты дождёшься меня на плотине, — сказала Ийя, обратившись к Алексею. А потом к Руфине: — Тебе так идёт это платье.

Руфина почувствовала вдруг себя куда более неловко, чем Капа, подносявшая сегодня Серёже букетик фиалок. И то, что казалось таким предрешённым, исчезло. Исчезло, как отражение в воде.

Алёше хотелось сказать Ийе, что он её искал и не нашёл. И он сказал:

— После последнего танца я потерял тебя... Ты извини...

— Да будет тебе, Алёша. Меня так легко потерять, — сказала она, вкладывая в эти слова двойной смысл. — Мне тебя потерять невозможно, — снова прибегла она к двойному звучанию фразы и объяснила её для Руфины: — Он всегда на виду. И его легко найти.

— Кому как... — задумчиво ответила Руфина, понимавшая, о чем идёт речь. — Во всяком случае, ты его нашла, и он должен тебя проводить. Трамваи уже не ходят.

— Ну конечно, — обрадовался Алёша, — я тебя обязательно провожу!

— Это будет очень любезно с твоей стороны. Сегодня я, как никогда, нуждаюсь в том, чтобы ты проводил меня.

— И! Что с тобой, И?.. Почему именно сегодня?

— Алёша! — решила Ийя рассеять подозрения. — Я никогда так поздно не возвращалась домой. Почти километр лесом... Пусть я не из трусливых, но...

— Да-да... Я понял, я понял... Сейчас мы проводим Руфину, а потом я провожу тебя, И...

И?..

Так никто не называл Ийю. По крайней мере Руфина не предполагала, что так можно кого-то называть. В этом имени — И — какая-то близость и, во всяком случае, теплота.

Они пошли втроём, разговаривая о том о сём, а в общем ни о чем. И каждому стало ясно, что втроём у них никогда и никакого разговора не получится.

11

Проводив Руфину до ворот, ещё раз поздравив её с окончанием школы, Ийя и Алексей пошли дальше по спящему городу.

Сначала они шли молча. Алексей чувствовал себя неловко. Ему хотелось объяснить Ийе, что сегодня, совершенно для него неожиданно, Руфина предстала в новом свете, и этот свет, кажется, ослепил его, но сейчас вернулось нормальное зрение, и он готов раскаяться в своём мимолётном ослеплении.

— И! — начал он. — Я никогда ничего не скрывал от тебя. Я говорил с тобой, как с самим собой. Ты будто была моим дневником...

Ийя была готова к разговору. Она ясно представляла покаянное и самобичующее объяснение Алёши. И ей казалось, что она слушает повторение сказанного им, когда они шли молча.

— Алёша, не надо усложнять простого и обычного.

— Да нет. И, все это не так просто, как я думал. Мне нужно сказать тебе очень много, хотя я и знаю, что не сумею сказать всего, что хочется. У меня никогда не хватало слов...

— Тогда, Алёша, дай мне сказать за тебя. У меня хватит слов и сил...

— Ийя! — перебил её Алексей. — Ты берёшься говорить и решать за меня. Как будто тебе известно все и ты обладаешь какой-то волшебной способностью читать чужие мысли.

— Мне кажется, обладаю. Ведь я же выросла в лесу, в доме старого лесничего, которого, как ты знаешь, прозвали Чертознаем. Значит, и внучка у такого деда должна быть немножечко да чертознаинкой. Ведь я же завела тебя в лес и, заморозив там, заставила поверить, будто я тоже красива и будто меня можно без памяти любить и называть «первой, единственной и неповторимой»...

— Я и теперь могу повторить это, И!

— И повтори...

Они уже давно миновали город. Прошли мимо поперечной лесной просеки, упирающейся в старый дом лесничества, где жила Ийя, и пошли далее по просеке, ведущей к знакомому Малиновому распадку.

Буйно цвела калина. Её пьянящие ароматы куда сильнее черёмуховых. Предутренний лес тих. Дневные птицы ещё спали в гнёздах, а ночные попрятались в свои тёмные убежища.

В гулком лесу голос Ийи зазвенел ещё тоньше.

Они вскоре оказались в Малиновом распадке.

Заросли дикой малины были так густы, что, затерявшись в них, можно было спрятаться даже от луны. Бледная-бледная, она таяла над Ийей в светлеющем небе.

Сейчас можно прибегать к сотням самых различных иносказаний... Робкие цветы малины могли бы с восхищением пересказать, как прекрасно было утро, какой шёпот слышали они, как радостно было им видеть глаза Ийи, устремлённые в небо, и его слезы, сверкавшие ярче росы.

Но что могут знать цветы о чувствах Ийи, о её любви, для которой мал небосвод, но достаточно счастливой улыбки Руфины, чтобы затмить это бескрайнее небо счастья Ийи? Руфина уже затмила его. И если оно ещё кажется бирюзовым, то завтра Ийя увидит его потускневшим.

Утренняя заря была её вечерней зарёй. Прощаясь на перекрёстке просек, она обвила его шею своими тонкими, очень тонкими, но очень сильными руками. Она, как никогда, целовала его.

— И, ты пугаешь меня, И! Ты готовишь что-то страшное...

Ийя улыбнулась и оказалась такой, как всегда:

— Да что ты выдумываешь? Я — и вдруг готовлю страшное... Кажется, уже проснулись трамваи... Иди! Все будет хорошо. Все теперь будет очень хорошо.

Ещё объятия, ещё поцелуй, и они расстались.

12

Алёша сегодня утром, как всегда, миновал проходную без опоздания. И, как это случалось часто, встретил Лидочку Сперанскую — консультантку-переводчицу технической библиотеки завода.

У Лидочки Сперанской очень выразительные зеленые глаза. Особенно бывают они выразительны, когда видят Алёшу Векшегонова. Но Алёша не ответил сегодня им даже обязательной в таких случаях улыбкой учтивости. Ему было не до неё. Он мало спал. Не более часа. И весь этот час он видел цветущую калину. Ею цвёл весь лес. И сосны и ели. Меж ними витала прозрачная, почти прозрачная, Ийя. Потом она исчезла, и на её месте остался не то дым, не то туман.

Не то дым, не то туман застилал глаза Алёши и наяву. Хотя наладка нового автоматического станка ускоренной нарезки мелких болтов и ладилась у Алёши, все же он и в цехе не мог уйти от Малинового распада.

Ийя никогда ещё не была такой волшебницей, как сегодня перед восходом солнца. И как он мог вчера на балу весь вечер танцевать с Руфиной, а потом смотреть на их отражение в пруду?

Нужно как можно скорее сказать Ийе: «Милая И! Ты открыла мне глаза, и я увидел, как люблю тебя. Идём и объявим об этом всем».

Так он и скажет ей вечером. Сразу же после работы, не заходя домой, он помчится на Шайтанову дачу.

Долго тянется день. Но все равно придёт вечер. Счастливым вечером. Её глаза будут сиять. Наверное, прослезится слезами радости её дед Адам Викторович. А уж бабушка-то... Она больше всех любит Ийю. Так приветлива с нею...

Когда закончилась смена, Алёша догнал переполненный трамвай, идущий до конца бора.

Трамвай очень весело звенел, будто желая оповестить весь белый свет о том, как счастлив Алексей Векшегонов. Он считает остановки. Мыловаренный завод — раз. Metallургический — два. Улица Мира. Загородный проспект. Рудянка...

В самых радужных мечтах Алёша не заметил, как минули все остановки, он уже на просеке. Уже виден знакомый поворот направо...

И вот он на её крыльце.

— Разве её нет дома?

— Нет, — ответил появившийся Адам Викторович.

— А когда она вернётся?

— Думаю, что никогда или очень не скоро. Вот её письма.

И старая, костлявая, но ещё твёрдая рука деда Ийи вручила письмо. А затем эта же рука закрыла дверь, у которой Алексей остался стоять, держась за резную колонку.

На конверте значилось кратко и мягко: «Алёше».

Письмо тоже оказалось недлинным:

«Ну вот и все, Алёша! На твоей совести не должно остаться и крупички вины передо мной или обиды, как нет её и у меня.

Разве можно обижаться на то, что мая любовь не зажгла в тебе любви ко мне?

Алёша! Не спрашивай у деда, куда уехала я. И не старайся узнавать мой адрес. Ты его не знаешь.

Будь счастлив. Прощай».

И приписка:

«Проститься с твоими родными я не могла. Поцелуй за меня их всех. И особенно Серёжу, и, конечно, бабушку Стешу».

Алексей обтёр рукой мокрый лоб и принялся читать письмо снова. На письмо сел шмель. Алексей не согнал его. Он поползал по строкам, потом задержался на слове «Алёша», коснулся хоботком буквы «А» и, жужжа, улетел.

Как будто ничего особенного, простая случайность, но нервы так напряжены, что, казалось, не только шмель, жужжавший как-то озлобленно громко, но и все окружающее — калина, трава, лес были недовольны им.

Конечно, окружающее сейчас отражало состояние его души. И он понимал это. Все же было стыдно даже перед травой.

Выйдя на просеку, Алексей пошёл медленнее. Теперь его руки так живо вспоминали её, а в ушах так отчётливо звенел её голос. Она молча шла рядом с ним. Ийя никогда первой не нарушала молчания. Она никогда не мешала ему размышлять.

Как она была внимательна к нему! И как добра!

У неё были необыкновенные волосы пепельного цвета. Такие тонкие и густые. У неё были изумительные ресницы...

Почему были? Она же не умерла. Она жива. И все живёт при ней. И острые локотки. И огромные серые глаза...

От неё никогда и никуда нельзя уйти, только разве в машины... В них можно уйти и от самого себя.

Тут он услышал испуганный голос:

— Алёша, тебя ищут дома... Ты не вернулся с завода и не позвонил домой.

Это был голос Руфины.

— Зачем же ты меня стала искать именно здесь? — недовольно спросил Алексей.

— А где же тебе ещё быть? Любовь Степановна так беспокоилась, так беспокоилась, и я решила...

Алёша неодобрительно посмотрел на Руфину и ничего не ответил.

13

Жарок уральский июль. Давно уже отцвела калина. Буреют крупные ягоды-зеленцы в Малиновом распадке. Один-единёшенек теперь старик пенсионер Красноперов Адам Викторович в опустевшем доме, на Шайтановой даче. Он занялся пчёлами. Не для мёда. Для души, для познания тайн жизни роя.

На заводском пруду визг купающейся детворы.

Многие десятиклассники-выпускники уже работают на заводе, другие готовятся к экзаменам в вузы, третьи устроили себе последние каникулы и выйдут на работу в школьный день, первого сентября. Руфина тоже придёт на станкостроительный завод в этот день. Её зачислили сверловщицей на многошпиндельный полуавтомат «АВЕ».

У полуавтомата «АВЕ» Руфина не окажется новичком. Ещё в школьных мастерских, при сдаче проб на этом станке, она удивила квалификационную комиссию чёткостью и быстротой работы. В тот день это сочли всего лишь счастливой удачей. Случается, что и средний ученик предстаёт на экзамене чуть ли не сверхотличником.

Руфина и тогда могла получить лучший разряд сверловщика. Но комиссия есть комиссия. Кто-то усомнился: как можно девчонку-десятиклассницу приравнять к сверловщикам, проработавшим не один год... Нереально... Непедагогично. И пошло и поехало — мало ли есть готовых слов и формулировок, перед которыми бледнеет сама истина...

Главный инженер завода, Николай Олимпиевич, и не предполагал, во что выльется эта новая встреча Руфины и станка конструкции Алексея Векшегонова. Он видел в этой встрече нечто символически-романтическое, но не более.

Руфина пришла к станку «АВЕ» как к хорошему, давнему, доброму и послушному знакомцу. Это тоже для неё не просто станина, валы, шестерни, шпиндели и сверла. Вспомните, как говорил Алексей Векшегонов о машинах, называя их воплощением в металле человеческого разума. Как же она могла не знать, не изучить, не освоить это Алёшино детище? Об этом не так просто рассказать. Конечно, Николай Олимпиевич мог бы изложить нам все тонкости, и мы с удовольствием послушали бы его, если б не задержались и без того так долго на сложных и лирических «взаимоотношениях» станка и станочницы, хотя мы и оправдываем эти излишние подробности, потому что они объясняют нам то, что без них может показаться неожиданным.

Всякие детали — в станке ли, в повествовании ли — должны знать своё место. У всякого колёса в механизме жизни своё вращение.

У Алёши было три вращения: цеховое, учебное и ночное — изобретательское. Все остальное жило само по себе и помимо него.

Мать Алёши, Любовь Степановна, и мать Руфины, Анна Васильевна, не напоминали ему об Ийе. Они сделали вид, что не заметили её отъезда. Как будто Ийи вовсе и не было. А если и была, то прошла, как проходит одинокая тучка в июле, обронив крупные дождевые капли, которые тотчас же высыхают.

Руфина часто забегала к Векшегоновым. За перцем-горошком, за выкройкой. За семенами редиски для второго посева. Мало ли причин, чтобы зайти к соседям, живущим на одной улице. Если что-то взял, нужно вернуть. Опять не зря человек пришёл.

Алексей приветливо встречал Руфину. Она же, в конце концов, ни в чем не виновата. Скорее уж он должен винить себя. Она и теперь нравится ему.

А что сделаешь, если ею любят все... Нельзя же ему стать исключением наперекор другим и наперекор себе. К тому же загар так украсил её. И летние сарафаны, которые нельзя запретить

носить никому, тоже выполняли какую-то возложенную на них миссию. Особенно сшитые из тонкой материи.

Может быть и не преднамеренно, а случайно, но все било по одной цели.

Однажды Руфина, разговаривая с матерью Алексея о какой-то расстроившейся свадьбе, громко сказала:

— Если бы любила, так не уехала бы. Не бросила бы его. Значит, не было у неё к нему настоящего чувства.

Алёша слышал их разговор, сидя в своей комнате. Он слышал, как его мать подтвердила:

— Именно, Руфочка. Для некоторых нынче сход-расход — как танец сплясать. Взять ту же глазастую Лидочку Сперанскую...

А может быть, ничто не случилось зря и напрасно. Может быть, все, не сговариваясь, хотели, чтобы торжествовало разумное. И как знать, прав ли он, сопротивляясь большинству и, может быть, самому себе...

Как-то вернувшись домой с завода, Алексей был встречен криками «ура». У Романа Ивановича Векшегонова и у Андрея Андреевича Дулесова «счастливо совпали» отгульные дни. Они были отмечены большим рыбным пирогом.

Коли все за столом, как не сесть. Можно обидеть гостей.

— Все парами сидят, и ты, Алексей Романович, парой садись. — Дулесов предложил Алексею стул рядом с Руфиной.

Подали пирог. Внесли его на доске. Покрытый полотенцами. Горячий, дымящийся.

Заново налили графин с нежно-зеленой настойкой на смородиновых почках. С весны настаивалась. Налили всем. И вдруг, ни с того ни с сего, Роман Иванович, ни к кому не обращаясь, спросил:

— А не горька ли смородиновая?

Алексею показалось это недозволенным вмешательством в его чувства, в его жизнь.

— Кажется, нет, папа, — твёрдо отчеканил он и, повернувшись к Руфе, произнёс: — За начало твоей работы на заводе.

— Спасибо, Алёша, — ответила Руфина и, совсем как сестра, поцеловала его в щеку.

Этого будто никто не заметил. Анна Васильевна присоединилась к тосту Алексея:

— Работа — самое главное, а все остальное рано или поздно придёт само собой.

И Алексей понимал, что «все остальное рано или поздно придёт само собой». И от «всего остального» никуда не уйдёшь.

Руфина сидит рядом с ним, самоуверенная, непоколебимая. И снова кажется, будто все обсуждено, решено и принято. И лишь он, простак, как бездумный подсолнечник за окном в палисаднике, не знает, что его сорвут.

От Ийи ни письма, ни сторонней весточки. Она будто канула в никуда. Канула, но постоянно здесь, с ним и Руфиной.

А зачем? По какому праву?

Ведь если разбирать по большому объективному счёту его отношения с Ийей, то Алексея никак нельзя назвать оболъстителем, обманщиком или кем-нибудь в этом роде. Ийя как-то сама сказала ему, что инициатива всегда была в её руках. Она первой поцеловала его. И если у него, кроме большой дружбы, уважения к её уму, воле, трудолюбию, были к ней и другие чувства, то в этих других чувствах первой скрипкой было его непротивление. Он делал все так, как хотелось ей. Он всегда был счастлив, когда мог доставить радость другим. Конечно, и она дарила ему немало радостей, но все же он был всегда «во-вторых», а она «во-первых». А коли это так, то за что же он должен казнить себя и оставаться верным неизвестно чему? Ийя, кажется, очень просто смотрела на их отношения. И она так же просто порвала их, а затем уехала. Значит, чувства были не столь сильны. И в конце концов, если уж на то пошло, Алексей жалел Ийю, на которую никто не обращал даже внимания. И за это, извольте ли видеть, он должен не жалеть себя... Не жалеть и другого человека — Руфину. Весь город знает, что она влюблена в него. Нужно ведь считаться и с ней.

— Вот что, Руфина, — сказал Алексей, провожая её. — Завтра устраиваю выходной... А то так и лето пройдёт.

На другой день он и Руфина катались на лодке. Гуляли по набережной. Бродили по тёмным аллеям старого заводского парка. И кажется, все окружающее желало их сближения. Все, кроме Ийи, которая не оставляла Алексея ни на одну минуту.

Так минул июль. Так минули первые недели августа.

Руфина терпеливо ждала. Время было её единственным союзником. На него все надежды.

14

А Серёжа Векшегонов тем временем переживал первые радости первых трудовых шагов. Он стал под начало знаменитого слесаря Макара Петровича Логинова, выученика старика Векшегонова. Логинов отплачивал выучкой за выучку векшегоновским внукам.

Алексей тоже начинал работать у Логинова, а теперь Сергей, повторяя успехи брата, радовал Макара Петровича. Добрый Макар Петрович скуп на похвалы, но Серёжу он хвалит, потому что видит в младшем Векшегонове парня старательного, ищущего, неуспокоенного, как и Алексей.

Серёжа уже изведал гордость первой полочки, первой вечеринки сверстников, пришедших вместе с ним на завод.

Все шло по-хорошему. Весело мечталось ребятам. Придёт день, и они составят свою молодёжную бригаду. А пока надо вникать, осваивать свою профессию и не терять времени даром.

Свободные часы Серёжа проводит с ружьём в лесу, на болоте.

Руфину он почти не видит. А если случается встретиться, «здравствуй» — и все. Она стала какой-то не такой после школы. Как полевая мышь. Все в нору да в нору. И вообще Дулесовы не то что Векшегоновы. Разные люди. Снаружи как будто все одинаково, а копни глубже — разница. Серёжа ничего не может сказать плохого о Дулесовых. Андрей Андреевич, отец Руфины, на хорошей славе кузнец, но как-то для себя... Не то что Серезин отец, Роман Иванович. Конечно, и его отец тоже старается заработать и радуется

лишнему рублю, но это все между прочим и само собой, а не главным образом.

Может быть, Серёжа придирается и наговаривает? Может быть, он вспоминает и выискивает всякое такое, чтобы хуже думать о Руфине? Может быть. Но если даже это и так, то все равно он ничего не выдумывает, а просто обращает внимание на то, что раньше ему не хотелось замечать.

Руфа всегда держалась в школе обособленно. Даже в кругу подруг она выглядела сама по себе. Такой вспоминает её Серёжа. Но не обманывается ли он? Может быть, выделялась не она, а он выделял и видел только её, не замечая других? Да, конечно, в этом есть какая-то правда: она для него была самая красивая, самая умная, самая необыкновенная. Но...

Но почему, скажите, пожалуйста, у неё не было подруг? Таких друзей, какие есть у Серёжи, за которых он хоть в огонь, хоть в воду. Нужно ружьё — возьми. Велосипед — пожалуйста. Серёжа этим не хвалится перед самим собой. Он просто сравнивает. Почему же не сравнивать? Если есть на свете самокритика, так она же относится не только к плохому, но и к хорошему. Хорошее в себе тоже нужно замечать хотя бы для того, чтобы оно было ещё лучше.

Серёжа думает об Алексее. Алексея и Руфину даже нельзя сравнивать. Алёша — это человек, у которого нет ничего «моего». Это ненормально. Потому что мы пока ещё живём в такое время, когда ружьё — твоё, и велосипед с моторчиком — тоже твой, и твоя получка — тоже твоя. Нужно быть добрым, но не глупым. И среди друзей встречаются любители даровщинки. Поощрять их так же плохо, как и скопидомничать. Не жалко отдать лишнее удилице. Пожалуйста, возьми. Но если ты можешь сходить в лес и вырубить удилице, зачем же отдавать тебе своё? Это не услуга, а вред.

Серёже ещё трудно разобраться во всем, но если не пытаться это делать, он никогда и ни в чем не разберётся. Например, ему хочется знать, почему чуть ли не все считают Алексея и Руфину парой. А они не пара. Чтобы стать им парой, для этого либо Руфине нужно стать другой, либо Алексею уйти от самого себя. А это невозможно.

Вот если бы Серёжа был на месте Алексея, Руфина могла бы оказаться ему парой. Потому что у Серёжи другой характер. И он бы

повёл за собой Руфину. А брат слишком мягок. Он может уступить даже кошке, когда та лезет на солнышко и ложится на его чертёж. Кошке нужно сказать «брысь отсюда» — и все, а он переносит чертёжную доску на другой стол. Конечно, у Алексея есть настойчивость, но только в работе. Из себя он может вить верёвки, а другим не может отказать даже в нахальной просьбе. Серёже хочется иногда внушить кое-что брату, он уже пробовал с ним говорить, но разве младший брат авторитет для старшего?

Сейчас мы можем и не придавать большого значения размышлениям Серёжи, но не мешает, однако, помнить, что Серёжа больше нас знает своего брата и Руфину.

Руфина выглядит милой и самобытной. Это не частый цветок. Но у всякого цветка свои корни и своя наследственность... Поэтому нам необходимо знать хотя бы кое-что о матери Руфины.

Отец и дед Анны Васильевны — Жулановы — принадлежали к той благополучной, «выбившейся в люди» части рабочего люда Урала, которая заметно выделялась среди остальных. Свой дом, своя лошадь, корова, тройка свиней, дюжина кур, большой огород, покосные земли хотя и не возводили знатоков горячего доменного дела Жулановых в категорию богатеев, но все же, вольно или невольно, ставили их в разряд тех мелкопоместных мастеров, материальное преимущество которых размежевывало их с большинством собратьев по заводу.

А это многое определяло в сознании.

Анна Васильевна воспитывалась на традициях, в которых личная собственность, накопления, стремление больше заработать, не упустить свою удачу играли не последнюю роль. Хотя для Анны Васильевны все это и было только отголосками прошлого, но эти отголоски не умолкали в ней. Не умолкали настолько, что нашли отзвук в душе Руфины. Эти отзвуки жулановского скопидомства, пусть малой тенью, все же пришли с Анной Васильевной в дулесовский дом.

Прошрое, нередко притворяясь умершим, дремлет в нас. Дремлет, чтобы проснуться и заявить о себе при первом удобном случае.

Поэтому нам следует хотя бы прислушаться к сомнениям Серёжи. Дети иногда видят больше и чувствуют лучше, нежели взрослые.

Серёжу в семье считают по-прежнему мальчиком. И он был им ещё в июне, на школьном балу. Но теперь август. За эти недели так много произошло, что ему даже самому не верится, как он вырос и возмужал. Руфина открыла ему глаза на многое. За это Серёжа ей благодарен, но будет ли благодарна она себе за это?

Научившись смотреть шире, Серёжа научился и действовать. Действовать открыто и прямо. Он решил увидеть Руфину и поговорить с нею.

Встреча произошла на дулесовских мостках. Зады огорода Дулесовых выходили на берег пруда. На этих мостках полоскали бельё, ловили рыбу. Серёжа решил поудить с мостков. Он пришёл туда, когда Руфина каталась на лодке. Руфина обрадовалась, увидев Серёжу, и причалила к мосткам.

— Пришёл мириться? — спросила она ласково.

— А мы и не ссорились, — ответил Серёжа. — Я пришёл поговорить с тобою, Руфа.

— О чем?

— О брате.

— От него?

— От себя.

— Говори. Я слушаю.

— Руфа, ты любишь брата?

— Да, — ответила она.

— А он?

— Не знаю... А ты как думаешь, Серёжа?

— Я думаю, Руфа, что ты должна его разлюбить.

Руфина побледнела.

— Зачем?

— Он не будет счастлив с тобой...

— Что? Что ты сказал? С кем же он может быть счастлив, с кем?

— Я не знаю...

Руфина вышагнула из лодки на мостки, затем привязала к мосткам лодку, выпрямилась и сказала:

— Серёжа, я прошу тебя ловить рыбу в другом месте.

Серёжа наскоро смотал леску и ушёл, ничего не сказав.

Руфина осталась в раздумье. Для неё Серёжа всегда был милым, простоватым мальчишкой. Зная его влюблённость, Руфина могла расценивать сказанное Сергеем как очередное мальчишеское умничанье. Но глаза Серёжи были строги. Голос звучал убеждённо.

А вдруг да он говорит правду? Может быть, Алексей делился с ним? Может быть, Серёжа пришёл сюда по просьбе брата?

Нет, это невозможно. Алёша всегда любит Руфиной. Ему приятно появляться с нею. Он так внимателен к ней. Внимателен, но не более.

Он никогда не разговаривает с нею ни о чем серьёзном. Ничем не делится. Не рассказывает о себе. Не даёт заглянуть в себя. Что-то прячет... От чего-то уходит...

Да уж будет ли в самом деле он счастлив с нею?

Будет!

Он ещё не знает Руфины. Пусть время идёт. Не все и не всегда приходит сразу. Так говорит тётка Евгения. Так думает теперь и Руфина.

Сбудется твоя мечта, Руфина. Сбудется. Побеждают терпеливые.

Осень, словно желая смягчить своё безрадостное появление, задабривала все живое щедрыми дарами полей, лесов, садов и огородов. Шумнее с каждым днём зеленые ряды на рынке. Мешками

продаются огурцы. Яблоки — вёдрами. Капусте счёт ведут уже на сотни кочанов. Привычка к собственным солениям жива в рабочих семьях.

Леса полны весёлыми «ау», восторгами грибных находок: «Чур! Моё гнездо!» И если уж малец нашёл гнездо груздей — другой не подходи. Грузди, растущие большими семьями, могут за полчаса наполнить доверху корзину грибника.

Руфина усиленно ищет любимые Алёшины грибы. Она уже засолила в новеньком дубовом бочоночке отборные грузди. Поймёт же он, какие чувства вложены в эту прелесть и сколько нужно было исходить лесов, чтобы собрать такую красоту!

Алёша с утра до вечера пропадает на заводе. Днём за наладкой и пуском новых станков, а вечером в конструкторском бюро.

Машины — это его радость и наслаждение, его мир творческих поисков. Так много замыслов и пока ещё так мало свершений. Они будут. Непременно будут.

Машина капризна в своём рождении. Она куда капризнее, чем стихотворение. Алёша, мечтавший стать поэтом, помнит эти муки. Стихотворение всегда спорит с автором то лишним, то недостающим слогом в строке. То вдруг огорчает чужеродным словом или глухотой рифмы.

Но даже самое простое приспособление к станку требует не меньших, а, пожалуй, ещё больших усилий. Какая-нибудь маленькая шестерня или ничтожный храповичок кажутся нужными в ночных раздумьях, а приходит утро — и они оказываются лишними деталями, как мёртвые слова, отягощающие стихотворение.

Зато какая радость, когда живущие порознь детали, как порознь живущие слова, соединяются в разумное произведение. Пусть не всем понятна эта поэзия Алексея Векшегонова, но она его волшебная стихия.

Сейчас он занят автоматической приставкой к своему станку «АВЕ». Это обойма с подающим механизмом. Простая вещь, а сколько мук. Ему хотелось её закончить до отъезда, но впереди так мало дней, а подающий механизм обоймы сопротивляется. Не хочет подавать детали. Если бы ещё неделю — обойма-автомат сделала бы его «АВЕ» автоматическим станком.

Беспокоит его и дипломная работа. Он решил заканчивать последнее полугодие заочного института «очно», а все равно грызут сомнения. Справится ли он с нею? По плечу ли она ему? Не слишком ли претенциозно её название: «Теория непрерывной реконструкции»? Но ведь тема не надумана им. Её подсказал сам завод. Он иногда будто шепчет ему: «Брось ты, Алёшка, заниматься обоями. Бери шире. Комай глубже. Не бойся замахиваться».

Станкостроительный завод, конечно, обязан многими успехами дядьке Алексея, главному инженеру Николаю Олимпиевичу Гладышеву. Неустанному труженику. Это верно. Но Алексею кажется, что завод стареет, а дядя Николаша не замечает этого. Если завод сравнить с живым организмом, тогда он, как всякий организм, нуждается в беспрестанном обновлении своих клеток. А этого нет.

Николай Олимпиевич — душа завода — иногда кажется душой, привыкшей к своему телу, душой, не замечающей его одряхления. Потому и возникла у Алексея теория непрерывной реконструкции. Реконструкции не эпизодической, реконструкции не время от времени, а именно непрерывной.

Заимствуют же инженеры очень многое из механики природы. Почему им не перенести из природы планомерную цикличность обновления клеток завода.

Может быть, это фантазия пылкой головы... Но ведь все живое растёт безостановочно, непрестанно, планомерно. И если так не растёт завод, значит, он перестаёт быть живым организмом.

Алёша верит своим мыслям, но и боится их. Если бы он мог так же, как дядя Николай Олимпиевич, уместить в своей голове весь завод, вот тогда было бы все ясно.

Как мало у него знаний и как ещё ничтожен опыт, а вокруг столько дел, простых и сложных, больших и малых, второстепенных и неотложных...

Отъезд подоспел куда скорее, чем казалось. Руфина пришла провожать Алексея на вокзал. Она была очень нарядная, в тёмном платье, в дымчатом прозрачном плаще, накинутом на случай дождя. Её глаза грустны. И весь её печальный облик даже на посторонних людей навеивает грусть.

Руфина принесла подорожники — черёмуховые пирожки. Их тоже любит Алёша. Не обошлось, разумеется, и без груздей.

Грузди были в ведёрке с крышкой, тщательно припаянной к нему руками Руфины. Пясть её между делом в школьных мастерских научил Алексей.

— Какая хорошая пайка! — залюбовался Алексей. — Неужели сама?

— Разве дарят чужое? — Руфина опустила густые ресницы. — Я хочу, Алёша, хоть чем-нибудь быть приятной тебе. Пирожки тоже пекла я. Наверно, не так хорошо, как твоя бабушка. И грузди я, наверно, нашла не самые лучшие. Лучшее всегда почему-то достаётся другим. Более счастливым. Чаще всего тем, кто не дорожит счастьем... Но все-таки это очень хорошие грузди. Если понравятся, я их буду присылать вместо моих писем, которые тебе не нужны. Совсем не нужны... Как и ничего тебе не нужно, кроме машин...

Скажите, как можно было Алексею не поцеловать на прощание Руфину? Как можно было не растрогаться и не сказать:

— Не сердись, Руфина... Я и сам недоволен собой... Но это пройдёт...

16

Первого сентября улицы города белели фартучками школьниц, пестрели букетами цветов. В этот день Руфина стала к сверлильному многошпиндельному полуавтомату «АВЕ». Она в первый же день выполнила норму на знакомом станке. И это было сразу замечено сменным мастером и начальником цеха.

Её поздравили с первым успехом.

Главный инженер завода, проводя в цехах большую часть дня, подходил и к «АВЕ», на котором работала Руфина. Он вовсе не хотел этим выделить её среди других молодых рабочих, пришедших на завод, но внимание к ней главного инженера помимо его воли влекло за собой некоторые организационные последствия.

В цехе замечался каждый успех молодой сверловщицы, и, когда она стала перевыполнять производственное задание, об этом заговорили несколько громче, нежели следовало. Её имя назвал на планёрке завода и сам Николай Олимпиевич. Хотя это не вызвало кривотолков, все же нельзя было думать, что такое лицо на заводе называет её случайно.

Ларчик открывался просто. Когда Николаю Олимпиевичу было столько же лет, сколько теперь Серёже, он, как и Серёжа в Руфину, был безнадежно влюблён в её тётку Евгению.

Евгения позволяла семнадцатилетнему Николаю ухаживать за собой. Она отправлялась с ним в далёкие прогулки. На камни-гольцы. На вершину Шайтан-горы. Окружающие рассматривали все это не более чем желание редкой красавицы иметь при себе пажа, а старухи говорили проще — хвост.

Двадцатидвухлетняя Евгения обещала семнадцатилетнему Николаю подумать о замужестве и подождать, когда он выбьется в техники. Обещание она подтверждала звонкими поцелуями. Иногда она клала его голову на свои колени и пела:

Баю-баю, баю-бай!

Спи, мой мальчик, Николай.

Это было обидно, но приятно. Такое богатство ощущений. Такое море счастья. Незнаемых открытий. Наверно, Евгения по-своему любила Николашу, как большую куклу, которой она безнаказанно играла перед тем, как выйти замуж за техника из Магнитогорска. Она уехала, не попрощавшись со своим «хвостом».

Как давно это было... И кажется, уже многое забылось. А Руфина, не зная того, воскрешала в памяти Николая Олимпиевича его первую, поруганную, незабываемую любовь. Он даже как-то, не заметив, назвал Руфину Женей. И та не поняла оговорки Николая Олимпиевича.

Когда в цехе и в заводууправлении увидели, что Руфина Дулесова перевыполняет даже «теоретические» нормы на своём станке, появились не только поздравительные «молнии» цеховой

комсомольской организации, но и пространные интервью начальника цеха в газетах.

Вначале Руфина называлась одной из первых в цехе, а потом — первой. В цех стали приходиться фоторепортёры, а вскоре прибыл сюда и кинооператор. Пока что из местной кинохроники. И Руфа всего лишь несколько секунд покрасовалась на экране, зато крупным планом. Но все заметили её.

Для кого-то все это «не из тучи гром», но те, кто знал, как вечер за вечером влюблённая Руфина в школьных мастерских подчиняла своей воле и станок и руки, желая понравиться Алексею, не назовут чудом естественный результат неодолимого и настойчивого желания — быть замеченной.

Скорая слава — как снег. Либо она, «попуржив», растает, либо растёт, превращаясь в снежный ком.

От Алёши пришла уже вторая поздравительная телеграмма. Приходили и письма. Приходили письма и от совсем незнакомых людей.

«Уважаемая Руфина. Очень бы желал с вами познакомиться...» Или: «Я восхищён вашей работой. Хотите ли вы завести со мной переписку?..» И другие в этом же роде.

Письма читала и сортировала мать Руфины. Некоторые из них она пересылала Алексею. Как бы для смеха. На самом же деле преследовались иные цели.

Так началась трудовая жизнь Руфины. Не только другие, но и сама она удивлялась своим первым шагам.

17

Время будто укоротило свой длинный маятник и растеряло из своего механизма большие шестерни, замедлявшие его ход. Часы, а за ними и дни потекли тем быстрее, чем стремительнее нарастали успехи Руфины. Любовь и слава стали неустанными подручными Руфины у станка «АВЕ», помогая ей, как только могут помогать эти две силы, не знающие усталости, предела и успокоения.

И не заметила Руфина, как на смену бурой осени явилась белая зима. Зима пришла, а в цехе лето. Маками цветут Руфинины успехи. Июльской зарёй полыхает её слава. Проворству и точности её рук удивляются все. Многие бегают в цех посмотреть на её работу.

А руки выглядели медлительными, как и сама виновница шумных восхищений. Это не удивляло мать Руфины. Она уже привыкла, что её дочь, медлительно защипывавшая пельмени, делала их больше, чем все другие. Стирая бельё не торопясь, она управлялась быстрее и стирала чище.

Не удивлялись и подруги. Если Руфина играла в баскетбол, брошенный ею мяч почти всегда оказывался в корзине. И в стрельбе из духового ружья она целилась как-то очень лениво, но всегда брала верх по времени и попаданию.

Видимо, какая-то особая врождённая расчётливость движений стала теперь основой её успехов. Но здесь речь пойдёт не о технологии сверления, а о том, какие перемены происходили в жизни сверловщицы Дулесовой. А они были разительными.

На встрече Нового года Руфина сидела в том же зале Дворца культуры, где проходил бал десятиклассников. Руфина сидела за почётным столом передовиков завода. И это тоже было запечатлено на киноплёнке.

А вскоре в журнале «Огонёк», а затем в журнале «Смена» появились цветные фотографии Руфины.

Алексей не верил своим глазам, а товарищи по институту сомневались, что этакая красавица может быть влюблена в такого в общем-то простоватого студента Векшегонова.

И мать Алексея, Любовь Степановна, побаивалась, как бы не занял кто-то другой Алешино место в сердце Руфины.

У Дулесовых всегда молодёжь. На улице снег, а на столе у Руфины живые цветы. Не просто же все это так... Не из одного же уважения к превышению ею норм на двух станках. Кому не лестно теперь жениться на знаменитой Руфине Дулесовой. И Любовь Степановна написала сыну в письме:

«...если нет, так нет, а если да — так зачем тянуть? Приехал бы хоть ты, Алёша, на денёк-другой и решил бы, что и как. Я тебя не хочу ни в чем убеждать. Ты — бабушкин сын, но ведь и мать как-то

доводится тебе, и, наверно, матери тоже хочется видеть своего первенца счастливым. Прошу тебя, приезжай хоть на денёк-два повидаться с нами...»

И Алексей приехал.

Он увидел Руфину в ореоле славы. От незнакомых людей продолжали приходиться письма пачками. И в некоторых из них не только хотели познакомиться, но и предлагали сердце, руку. Предлагая, прилагали свои «анкетные данные» и фотографии.

«Я как увидел вас в журнале, и потерял покой...» — писал очень симпатичный лейтенант, снятый и в военной форме, и в штатском модном костюме в лесу, на пне, и в косоворотке.

«Руфина Андреевна! Я ничего не знаю о вас, но кажется, знаю больше, чем о себе...» Далее следовали фамилия, имя, отчество и занимаемая должность в станкостроительном институте.

Алёша и Руфина смеялись так, что звенели стаканы в стеклянной горке. Анна Васильевна была очень счастлива.

Алексей не знал, как он относится к Руфине, но все хотели, чтобы он любил её, так хотели, что ему было жалко обмануть ожидания стольких людей. И теперь не одна его мать, но и знакомые намекали: «Если нет — так нет, а если да — так зачем же тянуть?» Спрашивала об этом и Руфина. Пусть не словесно. Но глаза... Её глаза признаются в любви. Они ждут от него ответа. А письма? Ожидания у окна и встречи у ворот? Модные причёски, наряды... Для кого они? И, наконец, сама работа на «АВЕ» — разве это меньше слов?

Алексей молчал, молчал и неожиданно спросил Руфину:

— Ты хотела бы соединить свою судьбу с моей?

Вместо ответа Руфина бросилась на грудь к Алёше и обняла его.

Анна Васильевна, войдя в эту минуту с посудой на подносе, постаралась уронить его. Невелик расход, а грохота и впечатлений уйма.

— К счастью! — воскликнула она и позвала: — Отец, иди сюда и погляди на дочь. Она его задушит... Разними!

Вбежал Андрей Андреевич. Остановился. Ахнул и сказал:

— Я к Векшегоновым... А ты, что есть — на стол! И больше горького... — Он убежал, накидывая на ходу дублёный жёлтый полушубок.

Ах, Ийя!.. Где ты?

Через час состоится пир горой, и нам следовало бы побывать на нем, но расчётливость и забота о главных событиях, которые впереди, заставляют нас беречь страницы и время.

Герой уехал обручённым, и вскоре эта новость, которую так ждали, стала известна всем.

Свадьба была назначена на май — июнь, по возвращении Алексея с дипломом инженера. Теперь осталось только ждать да прикупить чехословацкий мебельный гарнитур. Только бы не прозевать. Их не очень часто доставляют в главный универмаг.

Николай Олимпиевич твёрдо заявил:

— Две комнаты в шестиэтажном доме. Согласовано где надо. К майским праздникам Руфина получит ключ. Салют!

Счастье улыбалось так, что и не верилось.

Приближающаяся свадьба была в поле зрения если не всего завода, то доброй его половины. Интерес к ней вызывался не одной лишь романтикой более чем векового стремления Векшегоновых и Дулесовых породниться, не только лишь зенитом славы Руфины, но и славой Алексея. Его многошпиндельные полуавтоматы «АВЕ», странствуя с одной выставки на другую, получили признание и медали за рубежом, а вслед за ними и заказы многих стран на эти станки.

Месяц назад свадьбу предлагали отпраздновать в ресторане «Горные вершины», теперь празднество решено было перенести во Дворец культуры. На многих заводах уже прошли свадьбы, ставшие общецеховым, а то и общезаводским празднеством. Можно по-разному судить об этих празднествах, но от жизни не уйдёшь. Если такие свадьбы происходят, значит, в них есть какая-то жизненная потребность.

Руфина ликовала. Её свадьбу увидят все, узнает о ней и... Ийя. Узнает и поймёт, чего добилась знатная станочница Руфина

Дулесова и как засверкал в лучах её славы Алексей Векшегонов, которого она делает теперь не только счастливым, но и знаменитым.

Одно только беспокоило Руфину: не запротивился бы Алексей? Ведь он уже заметил ей в последнем письме: «...а не слишком ли много шуму вокруг тебя, Руфина...»

Этой фразе, сказанной между прочим, можно и не придавать значения, тем более что многие считали Алексея человеком излишне скромным. Но если в этой фразе заключается несколько большее, то, может, следует хотя бы обратить на неё внимание...

18

Единственная дочь Дулесовых, Руфочка, как это и бывает в таких случаях, окружалась вниманием, лаской, нежными заботами матери, её баловал отец. Одна же! В ней слились жизни, чувства, надежды Анны Васильевны и Андрея Андреевича. Как не любить своё живое продолжение, от которого пойдут внуки!

Однако никто не скажет, что Руфина выросла белоручкой, лентяйкой, бездельницей. И щи сварить, и печь истопить, даже корову подоить умела радивая Руфина. Пусть теперь Дулесовы, как и большинство рабочих семей, не держат своей коровы, а — уметь надо. Мало ли. Умение что имение, в сундуке не плачет, жить не мешает.

Шить нынче можно не уметь — кругом ателье и готового платья хоть пруд пруди, а коли своя машина есть, так зачем ей даром стоять. Или взять огород. Конечно, овощной магазин нынче сподручнее. И главное — дешевле. Но матери-бабки-прабабки свою капусту ели, свои огурцы солили, свою картошку в подпол засыпали. Зачем же ломать это? Да и не пустовать же земле. Стыдно как-то, когда в огороде репей да крапива.

Руфина могла управляться и с огородом. Мать хотела видеть в дочери хозяйку, лучше сказать — главу семьи, как она сама. Андрей Андреевич Дулесов был при жене и не жаловался на это. Хлопот меньше. Все у неё в руках. А он король королём. Жена знает, какую ему рубаху надеть, когда водочки выпить, к кому в гости пойти, кого

к себе пригласить. Даже охоту и рыбную ловлю жена планировала. Скажет, бывало, Анна Васильевна:

— Андрей, ты никак прокисать начинаешь. Проветрился бы на болоте.

Скажет так и начнёт готовить охотничью снасть. А тот рад-радёшенек не столько охоте, сколько женой заботе. Мало того, что она его на охоту соберёт, но и напарника найдёт. Вот и отправится Андрей Андреевич на болото — брюхо подобрать. Работа у него хоть и кузнечная, но нынешние кузнецы не то что прежние. Молот сам куёт, только педаль нажимай. На такой работе не похудеешь. Разминка нужна.

Теперь Андрей Андреевич разминается только с Романом Ивановичем Векшегоновым. Жене виднее, с кем уток бить, да и ему самому любо с таким человеком у костра портянки посушить. Тоже ведь дедом его внуков предвидится. Значит, почти как брат. И добрый брат. Чувствительный. Если бы он не был чувствительным, то разве бы сказал:

— Андрей, тебе, наверно, горестно, что от твоей Руфины Векшегоновы, а не Дулесовы пойдут? Так знай, что первого внука Дулесовым запишем. У меня ведь ещё Серёжка есть. А у тебя только Руфочка...

Андрей Андреевич прослезился тогда. Дорого ему было то, что Роман Векшегонов позаботился о его фамилии. Настоящий мужик. Правда, все это было сказано под сильными градусами, однако же Роман Векшегонов не из тех, кто словами сорит, хоть бы и во хмелю.

Побратались тогда на охоте Андрей Дулесов и Роман Векшегонов. Ружьями поменялись. У Дулесова хорошее ружьё. Из штучных. С золотой насечкой, с тонкой гравировкой. А у Романа Векшегонова ружьишко — так себе. Из ходовых, недорогих тулок. Ну и что? Не жалко. Даже Анна Васильевна, женщина хозяйственная, и та похвалила мужа.

Главенство в семье матери не могло не сказаться на Руфине. Мать, может быть и не желая, подсказывала этим, как дочери нужно вести себя с Алексеем. И дочь усваивала это довольно прочно. Если в прошлом году она ловила каждый взгляд Алексея, была благодарна лишней минуте, проведённой вместе, то теперь многое изменилось.

Во-первых, она не та, что раньше. Ей уже не нужно выпрашивать его улыбку и бояться, что может прийти от Ийи письмо и омрачить её счастье. Руфина даже не допускала, что во всем свете может найтись какая-то другая девушка, которая может помешать им. Алексей теперь безраздельно принадлежал ей. И он должен быть благодарен Руфине за это. Теперь не только он её, но и она делает его счастливым. Пусть он ещё не понимает всего в полной мере, но когда-нибудь поймёт. Когда-нибудь она покажет ему письмо от Виктора Гладышева... Сейчас это неудобно, но потом, когда она станет женой Алексея, почему бы ей не сказать, что такой блистательный Виктор Гладышев был её первым увлечением. Пусть это была не любовь. Какая там любовь могла быть у девчонки в одиннадцать лет...

Но потом, когда она училась в седьмом классе, он приезжал в отпуск лейтенантом. Совсем уже взрослым. Настоящим взрослым человеком. И они танцевали. Они очень много танцевали. И его глаза говорили то, чего ещё не мог произнести школьнице его язык. А теперь эти слова сказались. Она получила от него письмо с флота.

Это письмо пришло вместе со многими другими письмами после того, как её портрет был напечатан в журнале «Огонёк». Она сначала и не обратила внимания на это письмо. Оно было подписано именем — «Виктор». Мало ли пришло таких писем от Викторов, Василиев, Геннадиев, Борисов... Какая им цена! Как может полюбить заочно серьёзный человек! В этом есть даже что-то оскорбительное. Поэтому Руфина, прочитав через строчку очередное предложение, отложила его. Но мать, для которой чтение таких писем было наслаждением, потому что они каким-то боком относились и к ней, прочитала письмо Виктора от строки и до строки.

— Руфочка! — сказала она тогда, смеясь. — Да ведь это же пишет Виктор Гладышев!

Виктор недолго занимал Руфину. Его письмо всего лишь льстило ей. Она не ответила на него. А на другой день Руфине было даже стыдно, что она позволила себе думать о Викторе. Руфина знает, что Алёша во многом уступает Виктору Гладышеву. По крайней мере во внешности. В твёрдости характера. В решительности. Но разве счастье в этом?..

Нечего таить греха, Руфине хочется, чтобы Алёша был покруче. Хотя бы таким, как его младший брат Серёжа. Потому что мужчина — это мужчина. Он не должен быть сливочным маслом — на какой кусок намажут, на том куске и едят. А он именно такой. Если бы Ийя захотела тогда... Впрочем, зачем вспоминать, как могла бы распорядиться им даже эта цапля.

Скорее бы уж приезжал Алёша... Скорее бы отшумела свадьба, затем новоселье... А затем отпуск — Кавказ, Крым... счастливая пора.

19

Идейным руководителем Руфины была её тётка, Евгения Андреевна. Родная сестра отца. Первая юношеская любовь Николая Олимпиевича Гладышева. Она очень часто наезжала к Дулесовым. Руфа — её завидное повторение. Даже мать ревновала дочь к тётке. Евгения той же вогульской красоты отцветшая роза. Но ещё стройна и озорна. Поёт под гитару. Поёт глухо, да за душу берет:

Тебе от меня никуда не уйти,
Такую тебе нигде не найти...

Слова песни хотя староваты, а находят отклик в душе Руфины. Тётка не то что мать. С тёткой свободнее во всех отношениях. У матери и половины не спросишь, что узнаешь от тётки запросто.

Потеряв двух мужей, Евгения Андреевна нашла счастье с третьим. Наставлять племянницу для бездетной Евгении Андреевны стало какой-то внутренней потребностью. Пусть она чересчур прямолинейна, а временами даже грубовата, зато это все у неё от чистого сердца и для пользы племянницы.

Она считает выбор Руфины единственно счастливым и правильным. Но правильным и счастливым не потому, что Алексей превосходный, честный, открытый, добрый, отзывчивый человек. Это ему отчасти даже ставится в вину. Его лучшим качеством оказывается покладистость. Уступчивость.

— Подняться трудно, — внушает тётушка, — а упасть — мига хватит. Походила ты за ним, теперь он пусть за тобой тянется. Ты как-никак у нас на всю страну слышна, а он пока ещё...

Тут Евгения Андреевна не находит нужного определения. Она боится унижить Алексея в глазах племянницы, но в то же время ей хочется доказать превосходство Руфины над Алексеем.

Хотя это все Руфина понимает и без тётки, но ей ничем не хочется унижить Алёшу, а даже наоборот, и поэтому она пишет ему: «Ты мой учитель, Алёша, и всем, Алёша, я обязана тебе. Всем, от выбора профессии до успехов на станке твоего имени».

Так Руфина пишет и потому, что ей боязно, как бы Алексей не позавидовал её славе, как бы он не почувствовал себя вторым лицом при ней, при её славе. Пусть это, по её мнению, так и есть, пусть, в этом она убеждена, но зачем же наступать на ногу любимому человеку. Руфина даже настояла, чтобы ордер на новую квартиру был выписан на него, хотя в решении было ясно сказано: «Предоставить вне очереди за выдающиеся производственные успехи сверловщице Руфине Андреевне Дулесовой, в порядке исключения, в доме Э 26 по улице Metallургов трехкомнатную квартиру...» Далее следовал метраж, добавочные обоснования и прочее. Хотя предоставление новых квартир теперь на станкостроительном и стало не редкостью, все же необходимо было аргументировать пространными формулировками несколько завышенную жилую площадь, предоставляемую молодой паре.

Руфина всячески оберегала самолюбие Алексея. Ей не верилось, она не могла допустить, что её жених лишён чувства честолюбия, стремления быть впереди. Она даже как-то призналась в этом тётке:

— Я хотя и не замечала в нем ничего такого личного, все-таки мне, тётя Женя, иногда кажется, что это у него и от самовнушения.

— Факт! — подтвердила Евгения Андреевна. — Это у него от птицы Феникс да от бабкиных сказок. Походит, походит твой Алёшка в юродивых отроках, а как обзаведётся семьёй, так и рублю цену знать будет, и своим трудом дорожить начнёт.

Евгению Андреевну особенно возмущало, что наградные и премиальные деньги за успех на зарубежных выставках станка «АВЕ» Алексей разделил поровну между членами всей бригады,

участвовавшей в создании этого станка, и два пая отдал своему учителю слесарю Макару Петровичу Логинову. А мог и не отдавать. Это ведь не пачка папирос, а почти половина своего автомобиля. Но Евгения Андреевна успокаивалась тем, что скоро найдётся распорядитель премиям, заработкам и всему, что составляет главную основу благополучия семьи.

Проницательная тётя Женя считала славу Руфины преходящей. Поэтому ей хотелось выжать для племянницы из славы все возможное. Евгения Андреевна видела, на какую вершину взлетали сталевары на Магнитке, в каких знатных тузах ходили удачливые доменщики, а потом — пых! — и снова нормальная трудовая жизнь. Ни портретов, ни крупных букв в газетах, ни мест в президиумах на торжественных заседаниях...

Мать Руфины, Анна Васильевна, верила, что её дочь единственная и неповторимая, что её знатность будет разгораться жарче и ярче день ото дня. А Евгения Андреевна помнила, как, зазнавшись, сгорел на славе второй её муж. Вознёсся. Вообразил... И когда ему это все разъяснили на общем собрании, он, привыкший к похвалам, не сумел расстаться с ними. Жадное до почестей сердце не выдержало и...

Теперь эта смерть попризабылась, и Евгения Андреевна не напоминает о ней своей племяннице, но подстрекает её «не хлопать ушами» и не пропускать того, что может уйти и не вернуться.

Не без тёткиного влияния обещанная двухкомнатная квартира превратилась в трехкомнатную. Тётушка резонно доказывала:

— Где двое, там через год, через два будет трое, а то и четверо. Да ещё кто-то должен за ребятами ходить. Как без третьей комнаты жить?

Мать Руфины тогда легонько возразила:

— По жизни, может быть, это все и правильно, а по общей жилищной картине — не очень. Кому-то за счёт дочериной прибавки недодадут комнату. Как людям в глаза глядеть?

А потом и она, препираясь со своей совестью, нашла слова, чтобы подчинить её. И Анна Васильевна стала твердить:

— Кому что положено по способностям, тот то и получает. Не нами это заведено.

Андрей Андреевич Дулесов тоже имел свои суждения об успехах дочери. Он говорил не таясь, не подыскивая оборонительных объяснений:

— Моя Руфка просто-напросто попала в струю. Наш завод давно привык светить героями, лауреатами, а за последние годы у него никакого фонаря... И вдруг объявляется молодая работница с десятилетним образованием. Две нормы! Три нормы! Попала девка в струю — ну и пошло, понесло, поехало...

Главный инженер завода Николай Олимпиевич Гладышев тоже не переоценивал успехи Руфины, однако брошенный им камень породил слишком большие круги на воде. Теперь Руфина с лёгкой руки Гладышева ставится в пример и другими. Она украшает предприятие. Как можно не соглашаться с этим?

Николай Олимпиевич не знает, что молодая станочница, пожалуй, излишне увлеклась своей славой, не внимая мягким замечаниям, которые были в письмах Алексея. Она даже сердилась: «Если ты, мой дружок, не от мира сего, так меня-то тебе зачем уводить от здравого смысла?» Так писала ему Руфина в одном из писем, а в другом она сказала ещё прямее: «Алешенька, должен же кто-то из нас стоять на земле обеими ногами».

Руфина, как, впрочем, и Алексей, не думала, что в этих маленьких размолвках заключено нечто гораздо большее...

Кажется, все благоприятствовало Руфине и все заботились о её благополучии. И ранняя весна, и пруд, поспешивший освободиться ото льда, чтобы удачливая красавица скорее могла увидеть в его зеркальной глади своё лицо рядом с Алёшей. Даже огромный станкостроительный завод теперь казался всего лишь площадкой для её славы. Да и сам Алёша стал выглядеть хотя и прекрасным, но все же приложением к достигнутому Руфиной.

Добившись многого, она захотела большего. Руфина объявила, что она хочет работать на трех станках «АВЕ». И это подхватили. Желание знатной сверловщицы получило настолько шумный резонанс, что было решено устроить общественный показ её трудовых достижений. Именно так и было это сформулировано на заводе.

И в этом был свой резон. Большинство станков завода все ещё обслуживали руки рабочего. От умения рук зависел успех

выполнения производственного плана. А руки Руфины оставались завидным образцом.

Разумеется, цех не театр и работающий на станке не артист, хотя где-то, в каких-то случаях, виртуозная работа становится зрелищем. И Руфина ждала дня общественного показа, как некоего бенефиса. Она даже придумала себе особый нарядный комбинезон из синей ткани, простроченный двойным ярко-жёлтым швом.

Словом, все шло самым отличным образом, а уж про свадьбу нечего и говорить. Тут все было учтено и предусмотрено, включая второстепенные подарки. Например, смирившийся Серёжа Векшегонов преподнесёт хромированную пластинку, на которой будет выгравирована его рукой надпись: «Алексей Романович и Руфина Андреевна Векшегоновы». Эта дощечка украсит дверь новой трехкомнатной квартиры, ключ от которой в подарочной коробочке вручит председатель завкома в день свадебного торжества. В числе подарков не будет забыта и детская коляска с колёсами на резиновых шинах.

Скорее бы только приезжал он, чтобы удивиться, понять, что теперь она значит, и начать новую, счастливую жизнь.

И Алексей будто подслушал — появился раньше, чем его ждали. Оказывается, защиту дипломного проекта перенесли на завод. Перенесли потому, что проект имел прямое производственное отношение к станкостроительному заводу.

Алексей, придя в дом Дулесовых, застал Руфину перед зеркалом; с ним, надо сказать, за последние месяцы у Руфины случались встречи все чаще и продолжительнее. Алексей недолюбливал зеркала. Всякое зеркало напоминало ему где-то слышанное стихотворение о стекле. О чудесном стекле, через которое человеку был виден изумительный мир. А потом это стекло покрыли зеркальным слоем. Мир исчез, и человек увидел только себя. Себя!

С тех пор началось какое-то неприязненное отношение ко всякому зеркалу и к человеку, который задерживается перед этим опасным стеклом.

Но зеркало ещё так-сяк... Не оно привлекло внимание вошедшего Алексея, а каблуки. Слишком высокие каблуки новых туфель Руфины.

«Как я мелочен и несправедливо придирчив!» — упрекнул себя Векшегонов и крикнул:

— Здравствуй, Руфа!

Она подбежала к нему:

— Алёша, ты вернулся!

Она подбежала к нему, и, кажется, радость встречи готова была затмить все, но, чтобы поцеловать Руфину, Алёше пришлось, как говорится, привстать на цыпочки. И это смутило его.

Здесь можно опять криво улыбнуться и посмеяться над Алексеем. Однако же найдутся и сочувствующие, особенно из людей невысокого роста. Как ни странно, а великий Пушкин, возвышавшийся на несколько голов над своим веком, был раним своей низкорослостью. Можно назвать и другие имена выдающихся людей, которые мечтали о недостающем вершке в их росте. Однако нам не следует уделять столько внимания высоким каблукам, тем более что с ними легко расстаться. Снять туфли — и все.

Так Руфина и сделала, приглашая Алёшу сесть на сундук, где они часто сживали. У сидящих обычно скрадывается разница в росте.

— Какая радость. Какая неожиданность...

Восторги Руфины, перемежаемые поцелуями, ошеломили Алёшу. Перебивая друг друга, они старались как можно скорее поделиться всем тем, что накопилось за эти месяцы разлуки. У Алексея тысячи планов. У Руфины миллион желаний.

Пусть во многое пока ещё трудно поверить, но почему же не помечтать. И кажется, все обещало быть голубым и розовым, во проклятые каблуки не хотели уходить из головы Алексея. Он гонит назойливые мысли, а они возводят злополучные каблуки чуть ли не в характеристику Руфины.

Нет, нет... Не стоит давать волю таким мыслям. Векшегонов расстанется со всей этой чепухой. Наверно, он слишком устал за месяцы сплошных экзаменов, зачётов.

Все станет на своё место. Ничто не омрачит его душу. Ему уже стыдно за себя. Он уже целует такие милые руки Руфины. Трудовые, прекрасные руки своей невесты целует Алексей Векшегонов.

Ну а что касается всяких отклонений Руфины от тех норм, которым следует Алексей, то это все проходяще.

Руфина любит его, а любовь поможет ей стать проще и внешне и внутренне.

Все войдёт в свою колею. Завтра воскресенье. Оно, конечно, будет солнечным. И они отправятся за город навстречу весне. Радио обещает заморозки. Но это последние заморозки и на душе, и на улице. Любовь растопит чуточку заледененное славой сердце Руфины, и тогда придёт настоящая тёплая весна...

20

Говорят, что наиболее гармоничную пару составляют разные характеры, которые, взаимно дополняя или, наоборот, ограничивая один другого, дают счастливые браки.

Может быть, это и так. И наверно, многие могут подтвердить сказанное примерами из собственной жизни или из жизни своих знакомых. Однако никто или почти никто не утверждает, что разные по мировоззрениям люди, будь то муж и жена или товарищи, дают благоприятное сочетание, даже если на первых порах общения их сближают взаимные влечения и симпатии.

Старик Векшегонов на этот счёт вчера вечером, как бы между прочим, сказал Алексею так:

— С красой-басой целуются-милуются, а жизнь живут нутро с нутром, душа с душой.

А потом, в этот же поздний час первого дня приезда Алексея, дедом было досказано:

— Скворцу всякая скворчиха — жена, ежу всякая ежиха — пара. Им что? Лишь бы поесть, поспать да множиться. В этом смысле разногласий у них не возникает. А у человека иная линия. У него кроме телес да пищеварения есть и другие направления. Идеи, скажем. Стремления. Размышления — для чего и как прожить свою жизнь. На то он и человек, а не скворец или, скажем, ёж.

Соглашаясь с дедом, Алексей не придавал особого значения его словам. Зная, что дед недолюбливает Руфину, видел в его

суждениях ту излишнюю строптивость, которая неизбежна для всякого старика.

Пройдёт время, и дедушка полюбит Руфу и назовёт её своей милой внучкой. Алёша завтра же начнёт исподволь влиять на свою невесту.

И завтра пришло. Светлая ночь сменилась солнечным утром. Радио не обмануло. С утра слегка подморозило, а часам к восьми наступила живительная теплынь. Природа как бы предвосхищала желания Алексея.

В девять он был у Дулесовых. Жениха потчевали мясными пирогами, что называется, прямо со сковороды. А потом Алексей и Руфина отправились в лес.

Пока ещё сыро в лесу, но уже есть просохшие полянки, особенно в сосняке. Не надышишься ароматом хвои. Не наслушаешься птичьего щебета. Почему-то сейчас опять вспомнилась Ийя. Но зачем вспоминать то, что положено забыть.

Травы уже ожили изумрудной зеленью. Тропки манят все дальше и дальше в лес. Повеселели и зверушки, пригретые солнцем. Встретился бурундучок, а затем и ёж. Ёж напомнил вчерашний разговор с дедом. Как все странно связано... Алёше не хотелось пока говорить ни о чем серьёзном. Кругом такое веселье, а ёж, посмотревший на Векшегонова маленькими острыми глазками, как бы кольнув своим взглядом, спросил его: «Что же ты все о пустяках да о пустяках, а о главном-то когда?»

Надо же было встретиться ежу и вмешаться в их такой милый и такой задушевно-пустой разговор. Но коли встретился ёж и спросил его голосом деда Ивана Ермолаевича, значит, нечего уклоняться.

— Руфа! — начал он. — Я почему-то всегда... или очень часто... задумываюсь над своей жизнью, над своими поступками. Проверяю, понимаешь, оцениваю... А ты?

— Что это ты вдруг? — удивилась она. — Разве тебе что-то кажется неправильным в моей жизни?

— Да нет, я просто так. Просто так.

Бесхитростный Алексей не нашёл тонкой нити для начала разговора. Он не умел подыскивать слова. Они как-то сами по себе

приходили на язык, не спрашиваясь его, быть ли им сказанными или утаёнными до поры до времени.

— Руфа, — опять заговорил Алексей, — не кажется ли тебе, что ты одна?

— Одна? То есть как одна?

— Без людей. Сама по себе.

Руфа ответила не сразу. О чем-то подумала, что-то взвесила, в чем-то насторожилась. Вспомнила, что об этом же ей говорил Серёжа.

— У меня никогда не было особенно близких друзей.

— Почему?

— Наверно, были причины.

— Какие?

Руфа опять задумалась и ответила не спеша:

— В школе я была слишком успевающей и... прости меня, заметной девушкой в смысле внешности. Таких не очень любят. А теперь... Теперь мои достижения... они тоже не могут радовать друзей...

Алёша не сдержался. Пришедшие на его язык слова не проглотились, и он спросил:

— А так ли уж велики, Руфа, твои достижения? Следует ли так часто вспоминать о них?

Руфина вспыхнула. Остановилась. Поправила причёску. Потом сказала:

— Тебе виднее со стороны, Алёша.

— Я не сторона для тебя, Руфа. Мне кажется, я нечто большее.

— Значит, ты лучше других должен видеть, чего я достигла. И воодушевлять меня, а не сомневаться.

Руфина вновь занялась причёской. Как очаровательны движения её рук! Как хороша она в лесу! Стройные и высокие сосны — выразительный фон для её стройного стана. Но почему опять вспоминается зеркало, возникают каблуки?..

Нет, нельзя останавливаться на полдороге. Это не в характере Алексея Векшегонова. Любовь — это откровенность. И он будет откровенен. С ней же идти. Идти через всю жизнь.

— Руфа, ты только, пожалуйста, не сердись, — снова заговорил он.

— За что же сердиться? — отозвалась она. — Разве ты можешь меня обидеть?

— Нет, но... Мне кажется, Руфина, что ты... — Тут снова помимо его воли роковым образом сорвались слова, просившиеся наружу: — Мне кажется, Руфина, что весь твой внешний облик — причёска, платье, браслеты, сумка, каблуки... и эти золотые серьги... эта брошь демидовских времён... и зонтик с кружевами... и многое другое стало... ну как бы мне сказать... все это стало своеобразным выражением твоего «я», — выпалил Алексей и, покраснев, стал оправдываться: — Как туманно и коряво я говорю!

— Нет, почему же, — возразила Руфина. — Ты очень хорошо умеешь излагать свои мысли.

Наступило молчание. Над их головами усиленно стучал своим носом дятел, выискивая поживу.

— Я обидел тебя, Руфа... Но я не мог. Я должен, я не умею скрывать то, что думаю.

— Да, Алёша. У нас ничего не должно быть спрятанным друг от друга. И мне кое-что хочется сказать тебе.

— Так скажи же...

— Алешенька, сядем. Здесь сухо.

Они сели. Обнялись, и голос Руфины заворковал:

— Милый мой, а не завёлся ли в твоей светлой голове чёрный, противненький червячок зависти?

— Какой зависти? К кому?

— Ко мне. К моим успехам.

Векшегонов вскочил. Его словно ужалила оса. Руфина удержала Алексея за руку и усадила снова.

— Алёша, радость моя, выясним все спокойно и найдём нужные решения. Конечно, всякому мужчине, даже такому, как ты, неприятно, если он вдруг оказывается при... при ней. При мне, в данном случае. Но ведь я же не виновата, Алёша, что все так случилось... И глупо же, в самом деле, отказываться от того, что принадлежит теперь нам обоим. Ведь я — это ты. И ты — это я. Разве можно завидовать самому себе?

— Я не завидую, Руфа. Да и чему завидовать? Тому, что ты вместо одной детали успеваешь обработать две, три?.. Это, конечно, успех, но не такой, чтобы шуметь о нем так громко.

Алёша заметно волновался. И его волнение придавало Руфине уверенность. Теперь она не сомневалась в сказанном ею. Алексей, безусловно, завидует ей. И она сказала:

— Алёша, неужели между нами становится моя слава? Неужели тебе неприятно видеть меня известной, уважаемой? Неужели ты позволишь взять власть над собой мелким чувствам? Алёша, сейчас же прогони их прочь. Алёша, я до мизинчика принадлежу тебе. Вот я! Вот мои руки, плечи, мой дурацкий рост, голос, глаза... Это все твоё... Так распорядись же разумно мной. Зачем тебе принижать меня? Зачем?..

Голос Руфины оборвался. Алексей почувствовал себя виноватым. Нет, он не отказался от своих слов. Но они ему показались ненужными. Они были словами из другого языка, который непонятен Руфине.

А дятел стучал и стучал, выискивая поживу. Теперь он долбил не старый сосновый сук, а, кажется, голову Алексея...

21

— Жизнь как погода, — утешала Анна Васильевна свою дочь, — то ненастье, то солнышко. У нас тоже с твоим отцом бывало всякое. Главного не надо упускать. Любовь. А где любовь, там и дети. Сына заведёшь, Алешенькой назовёшь, и водой вас тогда не разольёшь...

Складно утешала мать, да не гладко вышивала свои узоры жизнь. То и дело какая-то злая сила вбивала клин за клином в тонкую трещинку любви Руфины и Алексея.

То вдруг появится слух о приезде Ийи в день свадьбы. То полоумная старуха Митроха Ведерникова заведёт рассказы о предках Руфины с материной стороны, о Жулановых, которые шагу зря не ступали, рукой попросту не двигали — все с умом делали. К чему этот разговор? Откуда он? Может быть, от стариков Векшегоновых, которые и теперь не выражали особой любви к Руфине?

А вчера в обеденный перерыв был преподнесён новый сюрприз, и он напугал её.

Руфина знала, что темой дипломного проекта Алексея будет автоматическая приставка к его станку «АВЕ». Ею он занимался ещё до отъезда в институт. О работе над этой приставкой говорилось и в его письмах. На это Руфина как-то не обращала внимания. Другие строки писем занимали её.

Помнится, по приезде Алексей жаловался, что приставка к «АВЕ», которую он усовершенствовал и завершил, была предложена институтом для защиты диплома. Векшегонов искренне огорчился мелковатостью темы. Он мечтал о защите большой темы «Теория непрерывной реконструкции», но с этим не согласились. Предложенное им нашли пригодным для докторской или, на худой конец, кандидатской диссертации, но ни в коей мере не для студенческой дипломной работы.

Об этом тоже писал и рассказывал Алексей. И Руфина утешала его: «Приставка так приставка. Пусть будет приставка, лишь бы ты скорее заканчивал свой институт». Ей даже казалось тогда разумным и правильным, что его дипломный проект увенчает полуавтомат «АВЕ», превратив станок в законченный автомат. Но теперь все окрасилось иным цветом.

Мастер цеха со всей определённостью заявил:

— Эта хитроумная штуkenция высвобождает руки сверловщика. Станок будет работать сам по себе.

Кажется, обычные и привычные слова. Мало ли рук высвободила автоматизация производства. И она всеми, в том числе Руфиной, встречалась как дорогая, желанная гостья. А в данном случае?..

В данном случае автоматическое усовершенствование станка «АВЕ» устраняло не чьи-то чужие, отвлечённые рабочие руки, а её руки, руки Руфины.

Мысли Руфины бегут стремительно и логично. Если приставка к «АВЕ» заменит её руки, значит, заменит и её. Её, знатную сверловщицу, славящуюся виртуозной работой. И если теперь вместо Руфины ту же работу и, как говорит мастер цеха, лучше, точнее, скорее и экономнее будет производить эта неизвестная, но уже ненавистная «штукенция», то что же будет делать она?

Что?

В висках стучит. Воображение сменяет картину за картиной, одну печальнее другой.

Во-первых, кому не придёт в голову мысль о том, что если сравнительно небольшое усовершенствование может заменить такие искусные руки сверловщицы Дулесовой, то в чем же заключалась незаменимость, непревзойдённость её рук?

Пусть подруги, которых она оставила где-то там, ей этого не скажут... Но ведь иногда достаточно и взгляда, чтобы понять, о чем они думают. А показ работы на трех станках? Зачем он теперь? Кто захочет любоваться светом керосиновой лампы, когда появилась электрическая?

В горле Руфины сухота и горечь. Она, такая одинокая, сидит на скамейке озеленённого пролёта цехов. Сидит, не замечая, как ярок солнечный день, как ласков весенний ветерок, как хлопотливо кричат грачи.

Ничего нет для неё сейчас. Она в самом деле очень скоро будет выглядеть в своём цехе догорающей лампой. Лампой, которая ещё может светить месяц-два. А потом, когда появятся не экспериментальные, а серийные приставки, лампа мигнёт и погаснет. А вместе с нею погаснет и слава!

Легко сказать — погаснет слава! А что стоит за этим словом «погаснет». Не перечесть. Может быть, все, чем она жила. Да и будет ли Алексей любить её без славы... Впрочем, об Алексее потом. Не растекайтесь, мысли. Дайте понять, как это произошло и с чего началось, кто гасит её славу? Кто?

Случай? Неизбежность замены старой техники новой? Рационализация? Но ведь нет рационализации самой по себе, как и техники. Это же люди. Приставка не появилась просто так. Она рождена Алексеем. И может быть, рождена не случайно... Нет, так она не может думать о нем. Но почему не может... Ведь говорил же он в лесу: «А так ли уж велики, Руфа, твои достижения?» Да, он говорил это. И может быть, теперя сконструированная им приставка станет неопровержимым доказательством сказанного?

Кажется, надо остановиться и думать о чем-то другом. Но это теперь не в её силах. В ней проснулось печальное жулановское наследство. Заговорило то, что с детства прививали ей мать и практичная тётя Женя, воспитанные в свою очередь неизвестными Руфиной дядьями и дедами, жившими для себя и сами по себе, мерившими весь свет по своему корыстному аршину. Она старается, но не может перебороть впитанный ею дух жулановской семьи, который в их дом пришёл с её матерью, перекричать эти потомственные голоса, не может победить в себе страшнейшее подозрение. А вдруг он... пусть не он, а его зависть, его желание возвыситься над нею, надоумили избрать для дипломного проекта это усовершенствование станка его имени? Не чьего-то, а его имени. Пусть даже он поступил так подсознательно, какая разница? Ранят ли утку или какую-то другую птицу, специально целясь в неё или случайным выстрелом, — ей одинаково больно.

Руфину не узнали дома.

— Не больна ли?

— Нет, — отговорила она, скрыв от матери своё горе. — Устала я как-то сегодня... Даже не хочется есть.

Искать защиты у матери, жаловаться ей было бесполезно. Теперь уже ничего не изменишь. Автоматическая приставка существует. Отменить защиту дипломного проекта не может никто. Даже сам Алексей.

Он, кажется, пришёл. Да, это его шаги. Что она скажет ему? Как она изольёт своё горе? Поймёт ли он её? Может ли он понять? Может ли?

Наверное, нет.

Так оно и случилось. Руфина искала то, чего не было в душе Алексея.

Разговор происходил на берегу пруда. Они сидели за огородами на перевёрнутой дулесовской лодке. Сидели рядышком. Как один человек. Обнявшись. Прикрывшись большой суконной шалью Анны Васильевны. Ещё не наступили тёплые вечера.

— Как ты позволяешь себе так думать, так хотеть, — упрекал Алексей прижавшуюся к нему Руфину. — Разве твоё маленькое благополучие может идти вровень с таким большим делом, которым живут миллионы людей...

Его голос был очень родным, а слова? Их, казалось Руфине, произносил не он, а кто-то другой, сидящий в нем. Какой-то буквенный, какой-то параграфный человек. Правильный, как формула. Точный, как аксиома, и непогрешимый, как алгебра. Но не как жизнь со всеми яркими и блеклыми красками, счастливыми отклонениями и заманчивыми ошибками.

Неужели её Алёша, кудрявый, голубоглазый, такой живой и, хочется сказать, такой «житейский парень», на самом деле жертва самовнушения? Ведь то, что он сейчас говорит, не может быть истинной сутью живого человека.

А он, пока размышляла Руфина, продолжал восторженно рассказывать о роли автоматки как матери производительности, о необходимости рационализаторских поисков и находок, о труде как подвиге, как творческом горении. Он говорил обо всем, что составляло суть, цель и содержание его жизни, а для Руфины было лишь одним из условий, пусть очень необходимых, но всего лишь условием её жизни, её будущего.

— Алешенька, — прервала его Руфина, — ты будто делаешь доклад или читаешь лекцию. А ведь мы одни. Ты посмотри, как отражаются звезды в пруду. Послушай, как бьётся моё сердце...

— Я слышу... Слышу и хочу, чтобы оно билось вместе с моим сердцем. Как одно.

Где-то крякнула дикая утка. Потом послышался всплеск кем-то напуганной рыбы. Потом опять стало тихо. Алексею больше не

хотелось возвращаться к прерванному разговору. Сегодня впервые заползла в его голову мысль: любит ли он её?

Любит ли он её?

Подумав так, Алексей почувствовал лёгкую дрожь.

— Кажется, холодно?

— Да, — ответил он Руфине, — кажется, «похолодало».

Они поднялись. Он посмотрел на часы:

— Завтра ты в утреннюю смену? Тогда я провожу тебя и...

Руфина задержалась и тихо повторила его мысль:

— Любишь ли ты меня, Алёша?

Этот вопрос, казалось, не мог не удивить Векшегонова. А он не удивился:

— Ты спроси об этом себя. Тебе виднее... Тебе все всегда виднее куда лучше, чем мне...

Алексей открыл калитку дулесовского огорода, и они пошли молча.

Нехорошие предчувствия обуревали Руфину. Страшная автоматическая приставка теперь показалась ей малым облачком по сравнению с тучами, которые надвигались откуда-то из-за тёмного горизонта.

Они простились. Алёша впервые не поцеловал её при расставании. А впереди ночь. Молчаливая ночь раздумий. А потом утро, цех и станок «АВЕ». Станок, ожидающий реконструкции. Станок, с которым она скоро разлучится.

Как просто было раньше, когда её мать и отец, полюбив друг друга, стали женой и мужем. А теперь?..

Нет, нет, не надо ничего усложнять и выдумывать. Не может же, в самом деле, какая-то автоматическая «штукенция» растоптать её счастье. Она достаточно умна. Умна не только для своих лет. Ну а если у неё не хватит ума, то у тёти Жени достаточно опыта.

Напрасно она помешала Алексею высказаться. Иногда нужно терпеливо слушать даже скучные рассуждения, если они доставляют удовольствие рассказчику.

Завтра будет день, она снова увидит его, и снова будет светло.

23

Тётка Евгения выслушала Руфину и вынесла решение:

— Пренебречь. Всем пренебречь. Принять. Понять, согласиться.

Сказав так, она прошлась по скрипучим половицам дулесовской горницы, посмотрелась в большое зеркало, расправила широкие рукава своей пунцовой кофты и принялась разъяснять:

— Алексей не из тех лещей, которых можно вытянуть из пруда за один мах. Смирен, да упрям. Таких выхаживают, вываживают, а потом — р-раз, сачком, да и в сумку. И был таков...

Что-то грубое, хищническое, браконьерское слышалось в словах тёти Жени, но её совет был единственно верным. Как ни прискорбно сравнивать Алёшу с лещом, а в этом сравнении есть какая-то правда. Обидная, но правда. Не сам по себе пришёл к Руфине Алексей. Не сам. Многих усилий её и его родных стоило это сватовство. Именно сватовство. Иначе и не назовёшь. И теперь, когда осталось так немного дней до желанного исхода, нельзя шутить с огнём.

Тётя Женя так и сказала: «Порох сыпуч и тих, да горюч и лих». А он порох. Малейшая неосторожность — и будет поздно раскаиваться. А теперь ещё можно все исправить. И это было сделано.

Руфина не стала дожидаться прихода Алексея и сама пришла к нему.

— А я собирался к тебе, Руфа. Проходи. Я один дома.

— И очень хорошо.

Алёша провёл Руфину в свою комнату. Сели. Обменялись виноватыми взглядами. И кажется, не о чем говорить. Теперь следует обняться, и все будет ясно.

Нет. Этого мало.

— Алешенька, — начала Руфина, — тебе не хочется за вчерашнее проучить меня? Наказать?

— Нет.

— Напрасно. Такие, как я, нуждаются в хороших выволочках. Отругай меня, пожалуйста. Громко. Назови дурой. Зазнайкой. Воображалкой. Мухой в сметане. Мещанкой. Наглой задирой. Идио...

— Нет, нет, — оборвал её на полуслове Алексей.

Прозвучал поцелуй, другой, третий. И кажется, уже ничего не нужно говорить. Все выяснено.

Все ли?

Руфина пришла сюда не за минутной вспышкой. Ей нужно убедить Алексея и, может быть, убедить себя в том, что она поняла, как ничтожна была боязнь за своё личное, каким маленьким оказалось её тщеславное желание показывать свою работу на трех «АВЕ», и что вообще... Вообще очень многое произошло в эту ночь, когда она не спала.

Алексей не хотел слышать подробностей. Ему довольно было трех слов Руфины: «Я все поняла». И если даже она пока ещё поняла не все, а лишь начинает понимать, то поймёт рано или поздно. Больше не о чем разговаривать. Не следует торопить того, что требует не ночи, а многих дней. Нужно глубже, как можно глубже осознать губительную власть славы, которая чуть было не околдовала её. Мало ли людей, даже на его памяти, запутывались, как в паутине, в золотистых лучах славы. Из них выпуталась Руфина, и он счастлив.

Так думал Алексей, не зная, что ложь, притворившаяся правдой, соткала языком Руфины иную сеть. Но кто знает, во что это выльется. А вдруг да Руфина и в самом деле поверит в то, что сейчас ею было сказано притворно? Так тоже можно предположить.

Все эти дни перед защитой дипломного проекта Алексеем Векшегоновым прошли в предсвадебных мальчишниках и девичниках. Векшегоновы и Дулесовы не ради приверженности к старине и её обрядности, а ради того, чтобы предотвратить возможные разногласия между женихом и невестой, старались не оставлять их наедине. Или, как говорила тётка Евгения, «леща выхаживали и вываживали, не давая ему опомниться».

Появились и бывшие школьницы, с которыми раздружилась за последнее время прославленная сверловщица. Веселился и Серёжа Векшегонов. Был бы только счастлив милый, хороший брат Алёша. Наверно, так и будет. Хотя где-то, очень глубоко, ещё дают о себе знать сомнения, которые он старался заставить умолкнуть. Но, может быть, это не сомнения, а любовь к Руфине, избитая и раздавленная, не желая умолкнуть, шепчет ему всякое и разное...

Зря. Теперь уже все! Прощай, Руфина! Не знай ты тех страданий, которые пережил глупый мальчишка, вообразивший, что он любим тобой.

Но почему все — и родители Серёжи, и родители Руфины — так часто где-то между слов убеждают не то себя, не то Алексея, что все будет хорошо, что и весна не бывает без пасмурных дней. Почему, разве Алёше необходимо внушать, что он любит Руфу? Разве он этого не знает сам?

Какие-то смутные сомнения роятся в Серезиной голове, словно кто шепчет ему чёрные слова неверия. Он хочет, от всего сердца хочет верить, что брат любит Руфину, а этого не получается. Даже в улыбке брата он улавливает какое-то непротивление тому, что происходит. И ему кажется, что брат будто не женится, а всего лишь не противится женитьбе.

Серёжа, перестань! Не выдумывай. Ты пристрастен. Ты сочинишь свои предчувствия. Танцуй, пой!

И Серёжа поёт и танцует. На девичниках, на мальчишниках, на семейных сборищах будущей родни. Здесь все — и Дулесовы и Векшегоновы. Приходят ближние и дальние дядьки и тётки. Веселится дядя Николаша — Николай Олимпиаевич Гладышев. Только нет деда с бабкой — стариков Векшегоновых. Один жалуется на поясницу, другая — на ноги. А дрова пилят, с огородом управляют. Целый день в ходьбе и работе.

Опять пробегают тучки в Серезиной голове, опять шепчет голос всякое и разное, а музыка гремит, бежит танцевальная лента магнитофона, жаром дышат рыбные пироги... Хватит, Сергей. Не морочь себе голову. Посмотри, как отплясывает Руфинина тётка.

Ярмарочной каруселью кружились дни. Алёша и не заметил, как подоспел день защиты дипломного проекта. Защиту назначили на воскресенье вечером в цехе.

Он должен собраться с мыслями. Ещё раз перечитать написанное. Хотя исход защиты и предрешён, но все же... Это серьёзный день в его жизни.

Руфина очень предупредительна. Она даже посоветовалась с Алёшей, в чем ей лучше всего прийти в цех на защиту. Остановились на тёмном платье. Хотя оно не празднично для такого дня, но это же официальный день.

В газете появилось сообщение о дне, времени и часе защиты. Объявлялось, где можно ознакомиться с дипломным проектом.

В жизни Алексея наступило затишье. Теперь уже было все оговорено и улажено. Больше нечего обсуждать, выяснять, проверять, теряться в догадках...

Нужно перестать мучить себя и Руфину.

Дни, полные тихой радости, переживали Векшегоновы и Дулесовы. Их желания накануне исполнения. Соединяются два рабочих рода, жившие порознь на одной улице. Докупается недостающее к свадьбе. Лучше перебрать, чем недобрать в таких случаях.

Счастливые хлопоты. Милые заботы. Тепло, светло, радостно. И черёмуха зацвела. Все, как хотелось, мечталось, думалось счастливым матерям Руфины и Алексея.

Неужели ещё что-то может омрачить эту весну на Старозаводской улице?..

Наступил вечер защиты дипломного проекта.

В цехе были воздвигнуты подмости. Затем установлен стол, покрытый зелёным сукном. Принесены кресла. Трибуна из Дворца культуры стала кафедрой. Съехались преподаватели, профессора. Необычная для цеха обстановка.

Собралось множество рабочих, большинство из них никогда не бывали на таких защитах.

После вступительного слова председательствующего предоставили слово Алексею Романовичу Векшегонову.

Цех замер. Как-никак их парень получает сегодня диплом инженера. Это не шутка.

Руфина сидела на одной из садовых скамеек, принесённых в цех. Она не захотела сесть в первый ряд, где ей было предложено место.

— Спасибо, мне там удобнее, — скромно отговорила она и уселась в глубине.

По лицу Руфины нельзя было узнать, что она думает сейчас, какие чувства владеют ею. Можно было лишь догадываться, что ей не очень легко слушать Алексея. Это теперь понимали многие. И в первую очередь товарищи по цеху. Да и в газете достаточно ясно было сказано, что популярный на заводах полуавтомат «АВЕ» больше не будет нуждаться в руках рабочего, что ему теперь придаются свои стальные, неустанные руки.

Такое сообщение в дополнениях не нуждается.

— Теперь предоставим слово «содокладчику», — послышался голос Векшегонова. — Он лучше меня продолжит защиту моего дипломного проекта.

В цехе оживление. Одобрительный смешок. Голос: «Давай, Алёша!» Сердце Руфины забило учащеннее. Начинается самое главное испытание.

Алексей подошёл к рубильнику. Руфина замерла. У такого знакомого до последнего шплинта станка — нет её. Нет вообще сверловщицы. Рука Алексея касается ручки рубильника. Он объявляет:

— Включаю!

Станок ожил. Сверла пришли в движение. Вращаясь, они стали опускаться на зажатую универсальную шайбу. В этом не было ничего особенного. Шайба была зажата до того, как был пущен станок. Что будет дальше? Как автоматическая приставка заменит руки?

Как?

На лице Руфины белые пятна. Она поправляет причёску. И это тоже признак волнения.

И вот операция сверления заканчивается. Сверла поднимаются в исходное положение. Зажимные кулачки талера разжимаются. Рассверлённая деталь, универсальная шайба, выталкивается и сползает в ящик готовых изделий. Это делали руки.

Сверла замерли в исходном положении. Замерли и сердца сотен людей. Мгновение. Гробовая тишина. Послышался опять чей-то голос: «Смотри ты!..» По кривому жёлобу из обоймы автоматической приставки скатилась очередная шайба. Скатилась и точно легла в отверстие зажимных кулачков талера. Кулачки, будто почувствовав появление детали, сжались.

Кажется, не слышно и дыхания. Весь цех — внимание. Да и как может иначе быть, когда сегодня, сейчас держит экзамен новый механический заместитель рабочих рук — автоматическая приставка.

Снова опускаются вращающиеся сверла на зажатую деталь... Операция повторяется.

Тишина взрывается аплодисментами. Председательствующий протирает свои золотые очки. И те, кто наблюдает за ним, понимают, как растроган старый учёный.

Алексей подаёт знак. В цехе снова тишина. Он говорит:

— А можно заставить станок работать быстрее. Но в этом случае будет уже менее наглядна его работа.

Слесарь Макар Петрович Логинов подходит к автомату и прибавляет скорость. Операции убыстрились. Руфина ещё старается взять себя в руки. Она смотрит на свои часики и проверяет по секундам быстроту работы станка. По её приблизительным подсчётам видно, что если бы она работала даже на трех «АВЕ», то и в этом случае реконструированный станок опередил бы её вдвое.

Руфина уже знала об отмене показа её работы на трех станках. И примирилась с этим. Но она не ожидала, что предполагаемый ею рекорд так наглядно для всех будет побит, даже и не состоявшись.

Она почувствовала на себе взгляд многих глаз. Ей показалось, что на неё смотрит весь цех — все люди, собравшиеся здесь. На самом же деле на неё смотрели только Сережины глаза да глаза старика Логинова. А ей чудилось, что все смотрящие на неё думают: «Вот и конец твоей славе, знатная сверловщица». На самом же деле так никто не думал. Это были её мысли, приписанные людям. Даже Серёжа не думал так. Наоборот, в его голове возникало совсем другое: «Ну теперь-то уж Руфина загремит ещё больше и станет наладчицей двадцати, а то и тридцати Алёшиных станков».

Автомат «АВЕ» был пущен на предельную скорость. Трудно стало различать, как подаются рассверливаемые шайбы, как они выталкиваются выбрасывателем.

Царило шумное оживление. Станку аплодировали, как артисту. Председательствующему за всю его долгую жизнь не приходилось бывать на таких шумных и людных защитах дипломных проектов. Он еле угомонил разбушевавшихся слушателей, хотя их справедливее назвать зрителями.

Когда предоставили слово оппоненту, Руфины уже не было в цехе. Первым это обнаружил Серёжа Векшегонов. Она незаметно затерялась в толпе рабочих и ушла с завода. У неё не хватило силы сдержать себя и делать вид, что радуется, когда хотелось плакать. За воротами завода она не стала сдерживать слезы, а вернувшись домой, рыдала по своей славе, как можно рыдать только по безвременно умершей матери.

Через час или немногим более Руфина слегла. Сначала лёгкий озноб, головная боль, а потом жар и бред.

Слава, ты не уходишь просто так, особенно если ты, опьянив человека, заставила полюбить тебя. Любила ли Руфина кого-нибудь больше своей славы? Была ли её любовь к Алексею сильнее, чем к тебе, вероломная чаровница? На это теперь, кажется, не ответит и сама Руфина.

Вызванный Дулесовыми доктор, осмотрев больную, сказал:

— Нервное потрясение. Не волнуйтесь. Нет ничего угрожающего.

Затем было прописано снотворное. Вскоре Руфина уснула.

Поздно вечером появился Алексей.

— Хватит уж, Алексей Романович, нервировать Руфиночку, — сказала встретившая его Анна Васильевна. — Не добивайте невесту. Милости просим, когда встанет на ноги. Я дам знать.

Дверь, скрипнув, закрылась за ушедшим Алексеем. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким виноватым.

Побродив по берегу пруда, Алексей направился к деду. Куда же ещё? Там его родной дом! Туда принесла его птица Феникс...

— За что же это все, дедушка? — жаловался он Ивану Ермолаевичу, рассказав обо всех этих днях сомнений и размолвок с самим собой и Руфиной.

— Я хочу лучше, а получается очень плохо.

Старик недолго думал. Видимо, то, что он сказал, давно было выношено им. Совет был кратким:

— Отложи свадьбу!

— Отложить свадьбу! А зачем?

— Там видно будет, зачем и к чему, — сказал Иван Ермолаевич. — Твой дед, Лешенька, не посоветует худого.

— И бабка тоже, — слышался из-за перегородки голос Степаниды Лукиничны.

— И надолго нужно отложить свадьбу? — совсем послушно, как в школьные годы, спросил Алёша.

— На год! — сказал, как отсек, Иван Ермолаевич, а потом куда мягче стал растолковывать: — Лет-то ей сколько... Да и тебе торопиться пока некуда. Год — не велик срок, а подумать будет когда и тому и другому.

Степанида Лукинична тоже нашла свои слова:

— Если не клеится, не паяется, зачем нитками сшивать то, чему надобно быть на хорошем клею, на вековечном паю. Так или нет?

— Так, бабушка!

И все смолкли. В старом доме стало тихо. На кухне о чем-то напевал самовар. Он, кажется, тоже был согласен, что свадьбу придётся отложить на год.

Но как это сделать?

26

В доме деда все было знакомо, мило и дорого Алексею. Здесь он не сумел бы назвать ни одного предмета, который бы не состоял с ним в давней дружбе, а может быть, и родстве.

Родной была и старая чугунная чернильница каслинского литья. Глядя на чернильницу, Алексей подумал, что письмо куда лучше устных объяснений с Дулесовыми. К тому же если при разговоре окажется тётка Руфины, то все может кончиться ссорой. А он не хочет и не будет ссориться.

Было уже за полночь. Откладывать на завтра не хотелось. И он принялся писать. Принялся писать, не выискивая слов, не подбирая выражений. Писал так, как пишется.

«Милая Руфина! За последние дни и особенно за последний вечер мне стало понятно, что я приношу тебе только несчастья. Я, Руфа, не виноват, что мои мысли, мои стремления не совпадают с твоими мыслями. Так, как живёшь ты, живут ещё многие. Но я, как ты видишь, не хочу и не могу жить этими нормами личного благополучия. Мне претит превосходство над другими людьми. Это все не только заставляет меня стыдиться людей, но и мешает мне быть самим собой. А я не могу не быть самим собой, не могу отступить от своих убеждений, как и ты не можешь расстаться со своими желаниями и представлениями и всем тем, что составляет тебя, твою личность, твоё мировоззрение.

Мне казалось, что после того, как ты и я будем женой и мужем, все изменится. А сегодня я понял, что не изменится ничего и мы, поженившись, окажемся несчастными людьми. Ты и все наши, рано или поздно, придут к такому же выводу.

Милая Руфина! Ты будешь счастлива! Ты не можешь ею не быть. И мой уход от тебя — это начало твоего настоящего, а не кажущегося счастья; каким бы негодо...»

Тут Алексей и остановился. Садясь за письмо, он хотел объявить о своём желании перенести свадьбу на год. А получилось, что он вообще отказывается от свадьбы.

Он задумался.

Раздумья не были долгими. Он понял, что разговор об отсрочке свадьбы лицемерен и лжив, что он никогда не женится на Руфине.

Алексей снова обмакнул перо и продолжил:

«...ванием ты, Анна Васильевна, Андрей Андреевич, моя мать и мой отец ни встретили это письмо, какие бы обидные дни и месяцы ты ни пережила после этого письма, все же я свой разрыв с тобой считаю благородным и честным поступком. Лучше пусть будут отравлены несколько месяцев твоей жизни, чем вся твоя жизнь.

Алексей Векшегонов».

Перечитывать письмо он не стал.

Утром, часов в пять, когда встал не смыкавший глаз дед, Алексей сказал:

— Вот, дедушка, письмо Руфине Андреевне Дулесовой. Прочитай его вместе с бабушкой, а потом заклей конверт. Письмо пусть передаст ей Серёжа.

Иван Ермолаевич кивнул головой.

— А это, — протянул он лист бумаги, — заявление на завод. Я прошу в нем об уходе с завода. Потом читаешь. Или о продлении моего учебного отпуска. Я на это имею право. Ты напишешь мне о решении дирекции. Свой адрес я тебе сообщу.

— Куда же ты надумал, внук?

— Наверно, в Сибирь. Мне уже советовали в институте. Там нужны люди. Очень нужны. И больше ни о чем не спрашивай меня.

Иван Ермолаевич более не задал ни одного вопроса. И только Степанида Лукинична спросила:

— Когда?

— Сейчас!

— А багаж?

— Он при мне. Если добавишь десятку-другую, с меня и хватит.
Не прошло и часа, как Алексей уехал.

Степанида Лукинична не проронила ни одной слезинки. А дед сказал:

— Стеш, где-то смородиновка была... И рюмку тоже подай...

На Старозаводской улице было тихо-тихо. Пахло черёмухой, цветущей в палисадниках. Слышалось чириканье воробьёв за наличниками окон. Сохли мелкие слезинки росы на траве.

Иван Ермолаевич налил вторую рюмку и сказал:

— Никак жаркий будет денёк...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

1

На Старозаводской улице вырос прехорошенький дом-теремок с башенкой. Он будто сошёл с красочной книжной страницы и ожил на дулесовском дворе добротным строением неподалёку от старого, уже почерневшего дома Андрея Андреевича.

Крутая крыша, светлые окна, бревенчатые лиственничные стены, отливающие то нежной розовиной, то янтарным прожильем брёвен, радуют глаз прохожего. А забавный железный петух-флюгер с открытым клювом, поворачиваясь по ветру туда-сюда на штоке башенки, будто хочет крикнуть на весь белый свет, как хорошо будет житья под этой крышей новой молодой семье. И все, от затейливых переплётов оконных рам до приветливого крылечка и белых кружевных наличников, рассказывает о тихой радости, которая начнётся в этом доме.

Руфина подолгу разглядывает свою милую «скворешенку», и от этого на её душе становится так светло, будто над ней никогда не

проходили грозовые тучи, будто не было на её пути Алексея Векшегонова и оскорбительного разрыва накануне свадьбы.

Прошло уже около трех лет. Срок, вполне достаточный для того, чтобы в молодом сердце зарубцевались обиды и...

Впрочем, об этом не скажешь в двух-трех фразах, и нам придётся хотя бы бегло ознакомиться с тем, что предшествовало появлению этого дома с башенкой и радостям, которые должны перешагнуть его порог.

После отъезда Алексея Векшегонова было сказано немало слов и пролито много слез. Для пересудов и догадок нашлось достаточно пищи, но события большой жизни завода, города, страны вытеснили из молвы и памяти злоключения Руфины и Алексея. Конечно, Дулесовы и Векшегоновы дольше других переживали обидное для обеих сторон крушение такой желанной свадьбы, но и они примирились с мыслью, что виноватых в этом разрыве искать не следует.

Слава ещё долго не оставляла Руфину. Ветер стих, а волны не успокаивались. Руфину по привычке называли в газетах, выбирали в президиумы торжественных заседаний. Все ещё шли письма от почитателей, поклонников и заочно влюблённых в неё воздыхателей.

В цех после отъезда Алексея она не вернулась. Ей советовали наперекор всему стать наладчицей новой автоматической линии, в цепь которой вошли реконструированные станки «АВЕ». Эту линию называли на заводе «козырной». Управляя ею, Руфина могла бы в какой-то степени поддерживать уровень своей известности. Она не захотела этого.

В цехе все напоминало Алексея Векшегонова. Руфина даже старалась не бывать там, став секретарём-диспетчером вновь созданного бюро автоматизации.

Отгоревав, отплакавшись, она стала просыпаться с сухой подушкой и перестала видеть сны, в которых Алексей стучал ей в окно и сидел с нею на сундуке, где томилось такое кружевное, такое тонкое, такое цветное приданое.

Мебельный гарнитур как был в фабричных ящиках, так и остался ждать лучших дней на бывшем сеновале старого дулесовского

сарая. Мебель не состарится. Да и Руфине рано было вести боязливый счёт своему возрасту.

Успокоилась и мать Руфины, Анна Васильевна. Нашла нужные слова для дочери, для себя и для других:

— Забудется, залечится, больём порастёт. Полюбит моя Руфина достойного молодого человека. А от них нет отбою. Инженеры и техники. Доктора и артисты. Художники и журналисты. Хоть бы взять того же Мишу Дёмина. Без пяти минут врач.

Руфине, кажется, нравится Миша Дёмин. Но — на час, на два... Пока он поёт. У него очень душевный голос, и он сам сочиняет песенки.

И Анне Васильевне приятен тихий влюблённый певец с зачёсанными назад светлыми волосами и мечтательными глазами. И она не скрывает своих симпатий к Дёмину.

— Мишенька редкой души человек. Из всего твоего табуна он самый располагающий. И медицина, конечно, наука тоже уважаемая. Только тебе-то, Руфина, — рассуждает мать, — нужен заводской человек. Спокойнее и понятнее.

— Чем же понятнее-то, мама? — спрашивает Руфина, проверяя себя.

— Не знаю, как и сказать, доченька. В заводском дыму мы родились и выросли. И речь у нас заводская. И сами мы все одной ногой дома, а другой — на заводе стоим. Хоть бы и меня взять. Никогда я не работала на станкостроительном, а все мои думы там, в кузнечном цехе. У отца. Я не против, что Миша поёт. Отец тоже пел. И на концертах выступал. Но понимаешь, Руфина... Муж должен быть мужем. И дров наколоть... Починить что-то или покрасить. Крышу замазать. Плиту переложить. Сараюшку соорудить...

Руфина заглушает слова матери громким смехом:

— Не надо же, мамочка, теперь ничего этого делать в новых квартирах. Кончилось время Жулановых...

А мать не может согласиться:

— Делать, может быть, и не надо, а уметь желательно. Мужчине, как и машине, нужен какой-то такой запас мощности. Взять хотя бы твоего отца, кузнеца. Лишись он, к слову, своей работы в кузнечном

или окажись в беде. В самом безвыходном положении — ничего нет, все надо начинать сызнова. И я за ним — как за каменной стеной. А почему? Запас мощности. Умение. Знание. Мужские руки. В степи нору выроет. В лесу дупло выдолбит. Из снега халупу слепит и дым очага пустит.

Задумалась дочь. Молчит мать. А потом снова:

— Миша Дёмин очень душевный человек, но ведь тосковать под гитару только в театре хорошо, а по жизни надо и помойное ведро уметь вынести. Ведь ты же и шить, и мыть, и стирать, и вязать. А он что? Но вообще-то, Руфочка, ты хоть за артиста, хоть за журналиста... воля твоя. Лишь бы счастье. А оно бывает и с молодым, и со старым... Счастье никто не предпишет. Если уж оно есть, так и лысина солнцем светит, седой волос не замечается. А уж если нет его, так и молодая кровь в жилах стынет, и хмельные кудри могильным плющом вьются.

Разговоры на эти темы матери и дочери случались за последнее время все чаще и чаще. Видимо, сердце Руфины искало ушедшему из него Алексею замены. О ней пока не хотелось думать Руфине, но она уже и не исключала её возможность и потому, наверное, прибегала к древнейшему способу решения затруднений: «Поживём — увидим».

Поживём — увидим...

2

Вы, конечно, помните тот день, когда Серёжа Векшегонов понял, как он был смешон, написав Руфине любовное письмо. Она оказалась вовсе не той, какой видел её Серёжа в школе. Она уже готовилась стать женщиной, когда Серёжа не стал ещё и юношей. Она тогда разговаривала с его братом, как с ровесником, для него же Алексей в то время был чем-то недостижимым. Автор станка «АВЕ». Мастер учебно-школьных мастерских. Человек с именем и отчеством.

А что представляет собой он — Сергей? Что представляет он собой даже теперь?

Пока он хороший слесарь — и только. Правда, ему уже доверили очень сложные штампы, и Макар Петрович Логинов сказал, что может уйти на пенсию, потому что пришёл человек, руки которого вскоре ещё больше прославят слесарный векшегоновский род.

Но ведь это всего лишь руки... А голова? Серёжа пока ничего не изобрёл, кроме новых универсальных мерителей кривизны посредством оптики и света.

Пусть его благодарили в приказе, пусть он получил немалую премию, но это всего лишь рационализаторское предложение, а не изобретение, хотя его называли именно этим словом. Наверное, хотели польстить. Или же это сделали ради брата. Брата нет, а его имя освещает Серёжу. Некоторые, не стесняясь, называли его «вторым Алексеем».

Такие слова приятно слышать, но лишь отчасти. Серёжа хочет быть самим собой и никаким не повторением. Но многое повторяется...

Серёжа, так же как и брат, поступил на заочный. Он туда был принят без трудов. Там шутя сказали, что один Векшегонов принёс завидную славу институту, так, очевидно, принесёт и второй.

Очаровательная сотрудница технической библиотеки завода Лидочка Сперанская — может быть, тоже шутя — приветлива с Серёжей. Когда они встречаются на главной зеленой магистрали завода, она твердит:

— Ты красивее и стройнее своего брата. Выше ростом и серьезнее. Тебе нужно как можно дольше не отвечать на улыбки...

А сама улыбается и ждёт ответа.

Он уже танцевал с нею на летней площадке и в ту ночь долго не мог уснуть.

Лидочка хотя и несколько вольно обращается с Серёжей, но все это у неё очень чисто и хорошо. Ей, может быть, он нужен просто так, чтобы кто-нибудь был возле неё. Ведь одна. Совсем одна. Можно ли винить Лидочку за то, что недостойный её техник Андрюшка Кокарев вскружил ей голову, когда Лидочке едва минуло восемнадцать лет. А теперь он женат на сонливой дочери начальника инструментального цеха Виктории.

Может быть, Лидочка ещё и будет счастлива и жизнь улыбнётся ей. Жизнь иногда так поворачивает человеческие судьбы, что, кажется, и сама дивится своим проказам.

Когда Серёжа несколько возмужал, чему, может быть, способствовала и шляпа, которую он недавно надел, в его сторону устремилось немало девичьих глаз.

Как-то в июльский воскресный день Сергей, зарядив все двадцать четыре патрона, уместяющихся в его поясном патронташе, зная, что бить дичь в июле запрещено законом, отправился во имя спасения будущей, ещё недостаточно оперившейся молодежи стрелять ястребов.

Ястреба выслеживают поживу обычно, паря над гнездовьями, и падают камнем, заметив беспечные выводы. Вот тут-то Серёжа метким выстрелом радовал крылатых матерей, не подозревающих, что и они осенью могут проделать такой же смертельный маршрут с высоты в болото.

Все условно в охотничьем законодательстве, особенно календарное чередование бессердечия и гуманности. Впрочем, и в неписаном кодексе любви полярность чувств также имеет свои календарные оттенки.

Капа перешла в девятый класс. Помните восьмиклассницу, которой Серёжа приколот ромашку с двумя оторванными лепестками? Так вот, эта самая Капа, встретив охотника Сергея Векшегонова, сообщила ему, что она давно уже подклеила девятый лепесток к подаренной им ромашке. На что Серёжа благосклонно сказал:

— Ты почти взрослая, Капа.

Это обрадовало её, и она не преминула заметить:

— Я, кажется, расту не по годам. Все стало коротко и узко.

Серёжа не вполне был согласен с этим, но, помня прошлые, нанесённые ей обиды, сказал:

— Воображаю, Капа, какой ты будешь на будущий год в это время.

Умная девочка Капа не растерялась:

— Может быть, на будущий год в это время ты, встретив меня, не станешь торопиться на охоту, как сейчас...

Этим Капа, вероятно, не хотела сказать, что иногда сам охотник становится добычей другого охотника. Так она не могла думать хотя бы потому, что афористичность мышления пока ещё не была свойственна её возрасту. Зато именно так подумала другая, увидев Серёжу в поле.

— Охотник! Остановись. Дай поглядеть на тебя. Мы так давно не встречались с тобой.

Такими словами остановила Серёжу собиравшая землянику Руфина.

Серёжа остановился:

— Ты что тут делаешь?

— Собираю ягоды.

— Зачем они тебе?

— А зачем тебе ястреба?

— Тогда пойдём вместе.

И они пошли рядом. Серёжа с ружьём и Руфина с корзинкой. Сначала они молчали, а потом Руфина заговорила первой:

— Серёжа, у тебя уже, кажется, колючие усы.

Её глаза смеялись, но не насмехались.

— Кажется, Руфина. Кажется, колючим теперь стал и я.

— Это очень хорошо, Серёжа.

— Чем же хорошо?

— Я буду бояться тебя. Такие, как я, обязательно должны бояться и уважать того, кто идёт рядом. Пусть даже не очень далеко. На прогулку. Серёжа, это ястреб?

— Да?

— Выстрели в него. Только попади. Я загадала.

Серёжа прицелился, плотно прижал ложу ружья к плечу и щеке. Раздался выстрел. Руфина взвизгнула. Ястреб комом упал вниз.

— Лекально! — сказала Руфина.

— А что ты загадала?

— Серёжа, я не могу быть откровенна с тобой. Ведь ты теперь не тот Серёжа. И я не та Руфина. Мы же не в десятом классе.

— А ты вернись туда... Вернись и скажи.

— Серёжа, я загадала, поцелуешь ты меня сегодня или нет.

— Это очень глупо, Руфина.

— А разве я говорю, что умно? Но сегодня же воскресенье. А больше всего глупостей приходится на этот день недели. Или я ошибаюсь?

Серёжа нашёл довод Руфины неоспоримым:

— Против этого ничего не скажешь. Я ещё никогда и ни с кем не целовался, Руфина. И по-моему, ни до чего хорошего поцелуи не доводят.

— Если с Лидочкой, то да, — вставила маленькую шпилечку Руфина. — Она женщина, а я девчонка.

Произнеся эти слова вполголоса, Руфина отвернулась. Серёжа подошёл к ней и тихо сказал:

— Хорошо. Пусть сбудется загаданное. Только ты закрой глаза, Руфа.

Они поцеловались. Серёжа сиял:

— Спасибо тебе, Руфа...

В небе появился другой ястреб.

— Хочешь, я загадаю ещё, Серёжа, на этого... Стреляй! Я загадываю ещё раз!

Серёжа вскинул ружьё. Прицелился. Выстрелил и... промахнулся.

— Ура! — закричала Руфина и снова оказалась подле Серёжи.

— Я же промазал, — показал он глазами на улетающего ястреба.

— А я загадывала на промах...

Так вернулось потерянное Серёжей и проснулось казавшееся умершим.

3

В это воскресенье утром, несколькими часами раньше встречи Серёжи и Руфины в поле, на городском рынке произошла другая встреча.

Николай Олимпиевич Гладышев в праздничные дни, чтобы не беспокоить Аделаиду Казимировну, ведущую его домашнее хозяйство, частенько на рынок отправлялся сам.

На рынке у него всегда бывали приятные встречи.

Простота и общительность Гладышева никогда, однако, не допускали той упрощённости отношений, когда можно дёрнуть за рукав или, положив руки на плечи, сказать: «Коля, милый Коля, послушай, что тебе скажу». Так не осмелился бы сделать даже пьяный. Гладышев был для многих Николашей, и его называли так, но за этим именем всегда слышалось — Николай Олимпиевич... И даже — глубокоуважаемый Николай Олимпиевич.

Лидочка Сперанская торжественно и празднично несла свою белокурую головку по главному ряду рынка. Воскресный рынок выглядел куда наряднее будничного. Словно все съестное сюда пришло, чтобы в первую очередь покрасоваться, а потом уже быть проданным.

Воскресный городской рынок всегда несёт на себе щегольство выставки даров земли, и торгующие не забывают одеться понаряднее, как, впрочем, и покупающие.

На Лидочке короткое платье из золотистой ткани. Рыночная сумка с двумя большими кольцами; продев сквозь них руку, она украсила её, как браслетами. Весь облик Лидочки говорит, что в этом воскресном посещении рынка есть что-то театральное.

— Ау! Николай Олимпиевич! — окликнула Лидочка Гладышева, помахав рукой, и направила к нему свои ножки, обутые в сложную вязь хитрого переплетения белой кожи, ставшей босоножками на тонких каблучках.

— А вы-то зачем здесь? Здравствуйте, Лидочка, — поздоровался с нею Гладышев, а Лидочка, такая изящная, будто она вчера была не только у парикмахера, но и у скульптора, убравшего своим резцом все лишнее в её и без того безупречном сложении, ответила:

— Такой вопрос скорее следовало бы задать вам, Николай Олимпиевич.

— Вот тебе и на! — оживился Гладышев. — Как я изменю давней привычке обедать дома? Особенно в воскресенье.

— Вот так же, представьте, и я. Привыкнув с первого дня кратковременного замужества готовить семейный обед, боюсь нарушить заведённый порядок. Мне все время кажется, что кто-то придёт и повелительно скажет: «Лидия, я хочу есть». И я всегда готовлю с запасом, а потом... потом съедаю оставшееся на другой день.

— Это очень печально, — посочувствовал совершенно искренне Николай Олимпиевич. — Но мне кажется, у вас, Лидочка, есть все основания не оставлять на завтра то, что может быть съедено сегодня.

— Наверно, вы правы, Николай Олимпиевич. — Лидочка грустно улыбнулась.

— Но ведь в таких случаях не заывают на обед.

Её кроткие зеленоватые глаза жаловались.

Все это говорится без всякого намёка на то, что Лидочка не случайно внимательна к Николаю Олимпиевичу. И если сейчас она занимается его покупками на виду у всех, то никто не усматривает в этом нарушений норм общежития. Всякая другая поступила бы точно так же.

Но если уж говорить откровенно, то после первого неудачного брака Лидочка никак не исключила бы второй, удачный, хотя и неравный брак с Николаем Олимпиевичем. И этот брак украсил бы не только его, но и её.

Пускай в первые месяцы люди всплёскивали бы руками и говорили: «Вот только представьте себе...», или: «Такая молоденькая и...» А потом бы привыкли и, привыкнув, стали

относиться к ней с уважением, потому что Николая Олимпиевича в самом деле можно полюбить, и есть за что. Труженик, сутками не покидающий завод, тянувший нелёгкий воз, может быть, и достоин, чтобы его квартира в старом заводском доме посветлела и ожила весёлым смехом; таким, как у Лидочки. Чтобы два одиноких обеда оказались общим обедом. Чтобы давно молчащие и, может быть, уже ослабнувшие струны старого рояля зазвучали вновь и застоявшаяся в гараже наградная «Волга» открыла счёт километрам на своём спидометре.

Николай Олимпиевич, возвращаясь домой, слегка насвистывал мелодию «Весёлый ветер». И это вполне закономерно. Ему стало ясно, что он ещё может нравиться, и не по занимаемому им положению, а... как таковой.

Как таковой... Как таковой...

Весёлый ветер... Весёлый ветер...

4

Тот же «весёлый ветер» помог Николаю Олимпиевичу вывести из гаража двухцветную, черно-кремовую, с хромированным пояском «Волгу». Вскоре она, запылив по грунтовой дороге, идущей через заводские покосы, помчала повеселевшего Гладышева.

Мир, оказывается, полон красот и радостен, а он столько лет отшельничал. Во имя чего? Слышны далёкие песни. Кому-то признается в любви гармоника, а в стороне целующаяся пара.

Вот счастливцы. Они ничего не видят, не слышат. Может быть, подать им озорной гудок?

«Волга» окликнула целующихся. Они вздрогнули, потом недовольно посмотрели на машину и, не узнав её водителя, побрели, взявшись за руки, к перелеску.

А Николай Олимпиевич узнал и Серёжу и Руфину. Это почему-то не обрадовало его, но, прибавив газку, вспугнув притаившегося грача, он стал думать о Лидочке Сперанской.

Как странно иногда одна мысль рождает другую. Он вспомнил, что в дирекции давно пустует место референта по новинкам

зарубежной техники. Его следует занять Лидочке. Она окажется на виду и обязательно обратит на себя внимание и найдёт своё счастье. И он будет рад этому. Что же касается «весёлого ветра», который шевельнул некоторые мысли сегодня, то это все следует считать такой же ерундой, как и любование Руфиной, похожей на её тётку Евгению.

Сегодня утром Руфина, может быть, и хотела всего лишь проверить силу своих чар на Сергее. Может быть, она три часа назад чем-то и повторила юность своей тётки Евгении, но не теперь, когда Серёжа, смеясь, рассказал ей о письме на кальке. И чем больше он потешался над собой, тем серьёзнее и старше выглядел в её глазах. Значит, он вырос настолько, что уже может критически посмотреть на свою первую мальчишескую любовь.

— Но, Серёжа, — сказала ему Руфина, когда они уселись в березняке, — все-таки эта первая любовь принадлежала мне. И меня она теперь трогает до глубины души.

— Мне она тоже не кажется такой пустой, как я сейчас рассказываю о ней. Но я и теперь, Руфина, боюсь поверить тебе и себе и этому дню, — признавался Серёжа. — Может быть, все это только так. Воскресный день, в который, как ты сказала, случается больше всего глупостей. Но все равно, всегда, всю жизнь я буду благодарен этому дню.

— За что же, Серёжа?

Она хотела подробностей, хотела признаний. И Серёжа стал признаваться:

— Руфина, ты одна, которой я могу сказать, что для меня не может быть другой. В тебе нет ничего, что бы могло не нравиться мне. Я не умею говорить, как мой брат. Я не вырос на бабушкиных сказках, и меня не приносила птица Феникс из-за семидесяти семи лет. И я верю, что я ты когда-нибудь полюбишь меня как равная равного. Конечно, ты и теперь чувствуешь своё превосходство надо мной. Оно в каждом твоём взгляде. И я понимаю, что стоит тебе только свистнуть... Прости за такое слово... Стоит тебе только мигнуть... Ещё раз прости. У меня нет настоящих слов. Стоит тебе только поманить пальчиком, и возле тебя окажется любой из этих Миш Дёминых, Саш Донатовых и всех этих опытных молодцов, играющих на гитарах и умеющих хорошо носить свои пиджаки. Но

можешь ли ты с уверенностью сказать, что не окажешься потом такой же несчастной, как Лидочка Сперанская?

Серёжа произнёс эти слова с дрожью в голосе, отвернувшись, не желая показывать Руфине своих глаз. А она хотела видеть их, поэтому повернула его голову и, держа её в своих руках, смотрела ему в глаза.

— Говори все, Сергей. Говори... наверное, я стою этого...

— Не надо так, Руфа. Ты же знаешь, я не могу унижить тебя. Ты никогда не очутилась бы в положении Лидочки Сперанской. Но если бы оказалось, что Миша Дёмин или кто-то другой покинул потом тебя, так же, как Андрюшка Кокарев Лиду, то все равно я бы пришёл к тебе и предложил назваться Векшегоновой.

Этого признания не ждала Руфина. Так ей не признался бы никто и никогда. И если бы даже признался, то можно ли было бы поверить его словам? Вот он, этот заводской человек, о котором говорила мать. Вот оно, повторение её отца. Вот человек, который, если понадобится, выроет нору и поселится там, выдолбит дупло и назовёт его домом. Может схватить её в охапку и вынести через горящий лес.

Руфина взяла руку Сергея и, прильнув к ней, поцеловала. Рука пахла порохом и ружейным маслом.

— Какая у тебя большая душа, Сергей Романович Векшегонов. И чтобы отплатить тебе за то, что ты сказал, я обещаю исполнить любое твоё желание.

Руфина, легко вспрыгнув, сбросила разлетающуюся, накинутую на плечи поверх сарафана, и пустилась в пляс.

— Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! Тра!.. Ля, — напевала она знакомую мелодию из «Кармен», придумывая новые слова. — Ни для кого ещё так не плясала зазнайка-девчонка... Любуйся, мой милый Серёжа... Сгорая от счастья, сожгу я тебя. А дальше мне слов не придумать для песни... Придумай их сам. Тра-ля-ля...

Пляска, продолжавшаяся без слов, словно повторяла Серёже обещание исполнить любое его желание. И он сказал:

— Руфина, пусть Миша Дёмин не приходит к вам в гости.

— Только-то и всего? — спросила Руфина, положив голову Серёжи на своё плечо. — А я думала, что ты попросишь встречаться только с тобой.

— Это уж как ты захочешь, Руфина. Я ни во что не могу верить...

И они долго сидели обнявшись. Кругом было тихо.

Прыгали кузнечики. В траве розовела полевая земляника.

С тех пор Серёжа и Руфина встречались ежедневно. В июле, августе, сентябре... Они встречались всю осень и всю зиму. И чем дольше были их встречи, тем они казались короче.

5

Сближение Руфины и Серёжи снова сдружило Векшегоновых и Дулесовых. Они снова начали бывать друг у друга. Чайку попить, пирог добить, масленицу отметить. Мало ли причин. Было бы желание.

— От судьбы, видно, не уйдёшь, — начала давно задумываемый разговор Анна Васильевна Дулесова. — Но и судьбе надо помочь, чтобы она не ушла от них.

Разговор сразу же повернулся практической стороной.

— А где они жить будут? — спросила Любовь Степановна.

Такой, казалось бы, второстепенный вопрос вдруг вызвал серьёзные обсуждения. В большую квартиру Романа Векшегонова, оказывается, Руфа не могла перейти потому, что «когда-никогда» мог вернуться Алексей, а встречаться с ним при всех обстоятельствах ей было бы затруднительно.

Дулесовский дом старомоден, неудобен и тесен. На квартиру в новом доме хотя и можно было рассчитывать, но не на такую, что была когда-то уготована для Алексея и Руфины. Возникнут обидные сравнения, появятся ненужные слова и все такое...

Дулесова предложила построить для молодых домик.

Векшегоновых вначале это испугало, а потом обрадовало.

— Это можно бы, — оживился Роман Иванович Векшегонов. — Только в городе нынче с земельными участками теснее тесного. Хуже некуда.

Вот тут-то и начала Анна Васильевна излагать свой план, который был тотчас же принят. Она начала с того, что двор и огород Дулесовых, перешедшие к ним от дедов, по нормам нашего времени слишком велики.

— Оно, конечно, — заметила Анна Васильевна, — хотя пока на Старозаводскую улицу никто руки не заносит, но и до неё дойдёт. А если дойдёт, то как скажешь тому же городскому Совету, что мы хотим владеть тридцатью тремя сотками земли, не считая палисадника, и не желаем этой землёй ни с кем делиться, как родовой и дедовской.

— Жулановская голова! — похвалил жену Дулесов. — Пропасть бы мне без неё.

— Молчи, — мягко уgomонила мужа Анна Васильевна. — А если мы на старом фундаменте, который был кладен ещё в кои веки отцом деда Андрея Андреевича, срубим новый дом, то уж никому и в голову не придёт урезать нашу землю.

Это всем понравилось. И в тот же вечер пошли смотреть старый дулесовский фундамент. Он прятался в сухих стеблях прошлогоднего репейника и крапивы. Но час дружной работы по прополке обнажил его гранитную «вековечность».

— В те годы гранит-то дешевле кирпича был. Сажень вглубь идёт. Никакие морозы не подведут, — принялся нахваливать Андрей Андреевич старый фундамент. — Нашему бы дому на нем стоять, да некуда было переехать тогда из старого дома, пока новый ставился. А ставился он чуть ли не три года.

Обсуждение было продолжено и завершено за чайным столом, в присутствии Руфины и Сергея.

— Три комнаты, кухня, ванная с умывальником, центральное отопление с малым котелком. Впоследствии водопровод от колонки и прочая канализация, — проектировал Роман Иванович Векшегонов.

Деньги общие. Против каждого дулесовского рубля — векшегоновский рубль. Ударили по рукам, запили рюмкой перцовочки и, по второй, белой водочки, — решили не откладывать.

Разрешение на приобретение материалов было получено до того, как Сергей, Руфина и техник-строитель Андришка Кокарев нашли на чертёжной доске строительное решение применительно к периметру старого фундамента.

Это были увлекательные вечера. Пересмотрев десяток строительных альбомов, заимствуя из них расположение комнат, выбирая фасад, сечение крыши, фasonsы дверей и рам, они остановились на доме с башенкой. Крутая крыша, чтобы не надо было сгребать снег, и башенка, начинающаяся выступом эркера с фундамента и вырастающая потом из правого ската крыши вторым этажом, привлекательно завершалась ветровым штоком.

В проекте дома продумывалось все до мельчайшей детали, даже расстановка мебели, томящейся в ящиках на пустующем сеновале.

Серёжа много раз перерисовывал фасад, ища краски наружным стенам, наличникам, орнаментам карнизов и ветровым доскам. И с каждым новым рисунком домик выглядел сказочнее, захватывая все существо Серёжи, нашедшего теперь едва не потерянное счастье и гнездо, где начнётся его семья, долгожданная семья Векшегоновых-Дулесовых.

Отцы и матери не менее своих детей воспламенились предстоящим строительством. Роман Векшегонов и Андрей Дулесов, сообразовав свои отпуска, решили своими руками заготовить бревна для стен. Они получили разрешение на вырубку лиственниц в заводских дачах. И они из всего леса выбрали самые погонистые деревья.

Полностью ушли отпускные дни Романа Ивановича и Андрея Андреевича, помогавших плотникам, зато — результат налицо. Стены сели на старый фундамент. Башенка поднялась выше конька крутой крыши. Стропила стали на место, укреплённые временными раскосинами в ожидании обрешетника, а за ним оцинкованного железа, которое не надо ни олифить, ни красить.

У справных Векшегоновых и запасливых Дулесовых хотя и были сбережения на... светлый, в данном случае, день, все же

строительство в таком темпе потребовало некоторого напряжения. Дулесовы кое-что продали из лежавшего впрок. А Любовь Степановна Векшегонова посчитала возможным воспользоваться брошенной на её попечение и, наверно, уже забытой Алексеем сберегательной книжкой, на которую все ещё поступали начисления по экономии от его изобретений и перерасчеты по премиям за рационализацию, когда-то заниженно подсчитанным осторожными бухгалтерами «предварительно и впредь до выяснения окончательного эффекта».

Алексей, как видно было из редких писем, не нуждался материально, да и к тому же разве он сказал бы хоть одно слово, если бы узнал о тратах на своего родного и любимого им брата... И на одного ли его? И на Руфину, вольно или невольно обиженную им.

В ещё с осени застеклённом доме и зимой не прекращались работы по внутренней отделке.

И когда строительство близилось к концу и счастливая пара торопила день свадьбы, неожиданно приехал Алексей Векшегонов.

6

О приезде Алексея было известно и Векшегоновым и Дулесовым. В одном из своих коротких писем он писал матери: «Собираюсь весной побывать в родных местах, полагая, что мой приезд теперь уже никому не мешает». Речь дальше шла об отдыхе, а потом он должен был вернуться в Сибирь, перейти на новый завод и осесть там.

Намерение Алексея приехать никого не удивляло. Должен же сын повидаться с отцом и матерью, с дедом и бабкой. Не может же он из-за несостоявшейся свадьбы не появляться в родных местах. К тому же все сходились на том, что Алексей тогда поступил разумно. И его даже склонны были благодарить за единственно правильное решение. Теперь уже все понимали, что, если бы Векшегоновым и Дулесовым удалось в ту весну помирить Алексея и Руфину, это был бы не мир, а вынужденное короткое перемирие, которое неизбежно закончилось бы куда более страшным — разрывом.

Разрывом не между женихом и невестой, а между мужем и женой.

И Руфина, кажется, была благодарна своему бывшему жениху. Она теперь не могла и представить себя вместе с ним. С этим, каким-то рассудочным и каким-то «очень правильным» человеком, который, как хочется верить Руфине, «выдумал сам себя» ещё, может быть, в детские годы, а потом, под гипнозом деда и бабки, перевоплотился в образ, созданный ими, и поверил, что это и есть он сам.

Так Руфине казалось. Так, может быть, она хотела, чтобы ей казалось. И, догадываясь об этом, беспокоилась Анна Васильевна Дулесова.

— И принесла же его нелёгкая именно тринадцатого числа, — жаловалась она мужу. — Я не жду ничего хорошего от его приезда. На ней лица нет. Будто кто подменил её. И надо же ей было вчера пойти на станцию! Как рок какой-то... Как злой глаз.

— Да будет тебе, Анна, — успокаивал жену Андрей Андреевич. — Уж кого-кого бояться, только не Алешкиного глаза. Добрее-то его и придумать трудно. Тактично остановился у деда... Какого ещё рожна надо... Намекнуть только ему — и как ветром сдует. Не будет же он, в самом деле, становиться поперёк дороги родному брату. Ты что?

— Я ничего, Андрей... Я ничего... Только вчера вечером Руфина сказалась больной и не пошла, как всегда, в новый дом, где ждал её Серёжа. Он работал один допоздна. Не было ещё такой дочери, которая могла бы обмануть материнское сердце. Хоть и не говорит она ничего, а знаю, что встретила вчера Алексея — и все как будто и не умирало в ней.

А дело было так.

Руфина, получив за вечернюю переработку отгульный день, отправилась на станцию за журналом мод, оставленным для неё в газетном киоске. Когда она подходила к главному входу вокзала, увидела Алексея Векшегонова.

Он предстал перед нею таким же, как три года назад. Тот же синий, пытливый взгляд. Тот же упрямый, будто литой из стали, подбородок. Те же писанные, унаследованные от матери, брови. Тот

же передаваемый из поколения в поколение прямой и тонкий, с еле заметной горбинкой у переносицы, векшегоновский нос. И ямочки... Знакомые ямочки на щеках. Только они теперь стали глубже, как и косая поперечная складка на лбу.

Ему можно было дать и двадцать и сорок лет. Как и три года назад, на лице Алексея отражалось состояние его души. Оно — то как солнечный день, то как пасмурное утро, то как тихий вечер. Это было лицо, которое не могло скрыть ни одной мысли, ни даже самого малого движения души.

Встретив его, Руфина обомлела:

— Ты приехал, Алёша!

Алексей вздрогнул. Остановился. Потом, будто переступая из одного мира в другой, преобразился. Теперь в нем улыбалось, смеялось, радовалось все. И глаза, и брови, и ямочки, и, кажется, даже его маленькие уши.

— Руфина!.. Как я рад, что ты первой из всех наших встретила меня. Здравствуй!..

Они обнялись и поцеловались. Поцеловались так звонко, что обоим стало весело-весело. Они так громко смеялись, будто никогда никакая чёрная кошка не пробегала между ними.

— Давай, Алёша, я тебе помогу нести второй чемодан...

— Нет, нет, — отказался Векшегонов. — Расскажи лучше, как живёшь. Ты уже замужем, Руфина?

— А ты женат, Алёша? — вместо ответа задала вопрос Руфина.

— Я?.. Ну что ты, Руфа. Я человек, мало подходящий для женитьбы... Ну да зачем об этом говорить.

— Ты надолго?

— Даже не знаю. Как поживется. У меня вынужденный перерыв. С одним заводом покончил, а другой ещё не готов. Я теперь пока перелётная птица, но скоро осяду.

— Нашёл Ийю? — спросила Руфина. Спросила, кажется, неожиданно и для себя.

— А я и не искал. Зачем искать потерянное? Да и Сибирь не Старозаводская улица, где все наперечёт.

— Да, конечно, конечно, Алёша...

Дальше разговор не пошёл. Вскоре они остановились у ворот векшегоновского дома. Остановились и простились.

— Заглядывай, Руфа...

— И ты, Алёша...

И будто бы не было встречи. Руфина, опустив голову, пошла домой.

Сердце её теперь билось тише и тише.

Ещё вчера все было так ясно и твёрдо. Оставалось только закончить облицовку стены серебристой тавдинской фанерой и завершить подводку труб к радиаторам отопления да сделать кое-что по мелочам, и можно было перетаскивать с сеновала мебель, а затем и назначить день свадьбы. Она не должна быть такой шумной, как намечалась три года назад в зале Дворца культуры, зато наверняка счастливой.

Разве счастье в грохоте и шуме? Слава, как поняла Руфина, не очень надёжная сваха.

Она жила все это время своим нежным чувством к Серёже, и, казалось, оно заполняло всю её. Скоро у них должна быть своя крыша, свои мыши и своя кошка, которая уже подрастает таким игривым котёнком. А самое главное — он!

Он, такой милый-милый... Светлый, как ночь в июне. Тихий, как летний вечер на лесном озере. Добрый-добрый, как улыбка матери. Послушный, как собственная рука.

Как хорошо ещё вчера думалось ей о нем. Каких только слов она не наготовила ему. Не из самой ли лучшей песенки он пришёл к ней? Не волшебная ли музыка была его матерью? Не во сне ли она встречается с ним?

А теперь? Что произошло теперь? Почему её глаза робеют встретиться с глазами Серёжи? Не разлюбила же она его за эти считанные часы? Не изменила же она своим чувствам?

Не изменила ли?

«Нет. Нет. Нет», — твердила она.

А маятник часов спорил с ней: «И нет и да... И нет и да... И нет и да...»

Это взорвало Руфину. Она остановила часы. Но от этого не остановилось время и не затихло волнение в её душе, стремительно сокрушающее, как полая вода, как ураган, все, что так нежно и заботливо создавалось ею на всю её и Сережину жизнь.

Вечером она не пошла к Серёже в домик с башенкой, где он работал. Пусть у неё уже не так сильно болела голова, но болела. Руфина не знала, как рассказать ему о встрече с его братом. Она ещё и сама не разобралась в этом. Ясно было одно — что-то изменилось.

7

Февральское солнце, поднявшись над крышами домов Старозаводской улицы, заглянуло в большую горницу векшегоновского дома, где спал Иван Ермолаевич. Напрасно старалось солнце размежить своими яркими лучами стариковские веки. Дед весело похрапывал, улыбаясь во сне. И было чему...

Приехал дорогой его внук, выросший не у отца с матерью, а у деда с бабушкой. Выросший «ненаглядинкой-виноградинкой, трудовой родовой дедовой косточкой, последней бабкиной зоренькой, золотыми рученьками, хрустальным сердечушком и прямой, тугой, как струна, совестью».

Да разве найдётся на свете столько слов, чтобы он и Степанида Лукинична сумели рассказать людям, как они любят своего внука.

Дед и внук, набражничавшись накануне, не торопились открывать глаза. Когда же запахло верещавшими на горячей сковороде вчерашними пельменями, пахнуло острым дымком из трубы вскипевшего самовара, Степанида Лукинична крикнула спящим:

— Ребятёнки!.. Самовар на столе. Не гневите солнышко.

Иван Ермолаевич открыл глаза. Его серебряная борода, остатки таких же кудрей засверкали, освещённые солнцем и счастливой

улыбкой. Выпростав ноги из-под ватного одеяла, он, как был в исподнем, так и побежал за перегородку, где спал Алексей.

Склонившись над спящим, щекоча его бородой, он принялся напевать глуховатым голосом слова знакомой песенки:

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно...

Внук ответил хохотом. Сегодня он будто вернулся в милые школьные годы. Бабка, как давным-давно, принесла внуку шерстяные носки и сказала:

— Тёпленькие. Из печурочки. Надевай, пока ноги не остыли.

Такие нежности, наверно, удивили бы ту же Руфину, будь она здесь. Но во всякой семье свои отношения и свои способы выражения их.

Умытый, наряжённый Алёша сел на свой стул перед своей тарелкой с синей каёмочкой и следами золотого ободка. Милые памятки детства. Деревянная солонка со спинкой как у кровати. Перечница-меленка. Медный поднос. Плетёная сухарница. Тугой холодец. Хрустящие грузди. Белая капуста. Огурцы с укропом. Морковные пирожки. Налевные шанежки. В жбане — овсяная бражка. Не столь хмельна, сколь в нос шибает.

Когда только успела бабушка?

Какое счастливое возвращение! Алексей ещё ничего не знает. Не знают и старики Векшегоновы, что сейчас происходит в душе Руфины, как отозвалась в ней встреча с Алексеем. Зато вчера допоздна проплакала Анна Васильевна, рассказывая отцу и матери Алексея о переменах в её дочери.

— Не узнаю я её, Любонька, — причитает Анна Васильевна. — Сама не своя. В глазах скорбь, на лице боль... Вся в себя ушла. Молчит. Сторонится меня. Не помешалась бы...

Любовь Степановна Векшегонова утешает Анну Васильевну, а у самой голос дрожит. Нехорошие предчувствия одолевают её. Недовольна она приездом старшего сына.

— Надо, чтобы он уехал. Я так и скажу ему, — обещает Любовь Степановна. — Да он и сам догадается, когда узнает... когда я намекну ему.

С утра отец и мать Алексея направились в старый векшегоновский дом. А там Алексей с жаром рассказывал Ивану Ермолаевичу, как полюбились ему новые заводы, какая огромная жизнь начинается в Сибири и как мало он знал об этом.

Было по всему видно, что Алёша доволен своей кочевой жизнью. Ему нравилось быть участником пуска новых заводов.

— Прямо как с одного дня рождения на другой, — делится он с дедом.

Алексей под большим секретом рассказал, как он мечтает о новых фабриках на колёсах, которые будут передвигаться будто корабли по зеленому морю тайги...

И в самый разгар рассказа о новых самоходных фабриках дед посмотрел в окно и увидел сына Романа.

— Никак отец твой идёт. Никак, Стеша, этой сковороды теперь маловато будет...

Вошёл отец Алексея, Роман Иванович. Он хотел обрадоваться встрече с сыном, да почему-то этого не получилось.

Они обнялись, чмокнули друг друга в щеку, и отец стал спрашивать, как доехал Алексей, почему не дал знать о приезде, надолго ли...

Разговор начинался, но не завязывался.

Вскоре пришла и мать. Она всплакнула при встрече с сыном. И может быть, не столько слезами радости, сколько слезами огорчения. Она прямо сказала Алексею:

— Ах, Алёша, Алёша... Месяца бы хоть через три тебе приехать, когда бы Руфина стала мужней женой, когда бы поросли к тебе все стёжки-дорожки...

Дед насторожился. Нахмурился. Расправил бороду и сказал:

— Весёлый, однако, разговор.

— Весёлого мало, папаша. Сергей-то ему брат. Надо бы дать Серёже в своё гнездо войти... Тогда бы и говорить было не о чем...

— Мама, — перебил Алексей, — я ведь не знал... И если я опять кому-то мешаю, то разве трудно завтра же купить билет — и все... Ну разве я мог подумать, что Руфина все ещё... Нет, нет, мама, ты не беспокойся... Мне вовсе не трудно уехать... Мне даже нужно...

Тут раздался стук. Задребезжала посуда на столе. Разбилась вазочка на тонкой ножке: она подпрыгнула и свалилась набок.

Это Иван Ермолаевич ударил кулаком по столу. И в этом ударе ещё чувствовалась и сила и власть старика.

— Если Руфку Дулесову, — начал он тихим голосом чеканить слова, — от Серёжки может всякий ветер отдуть, так скажите мне, старому дураку, на милость, какая она ему, ясное море, жена?

— Рана же у неё, папенька, рана, — принялась оправдывать Руфину Любовь Степановна.

А дед опять на той же волне:

— Коли рана, так дай ей зажить. Дождись наперёд, когда она зарубцуется, а потом и на шею вешайся. Не Серёжа ведь начинал это все, а она.

— Откуда нам знать, папаша, кто начинал из них.

— Ты не знаешь, а я знаю. На этом и кончим, чтобы далеко в лес не зайти... Давай, Степанида Лукинична, жарь остатние... Сын ведь с милой снохой пришёл...

К разговору о Руфине и Сергее никто больше не возвращался. Но Алексей от этого не чувствовал себя легче. Он решил уехать завтра же. Уехать не сказавшись, оставив деду с бабкой короткое письмо.

Но Алексей не уехал. Ему, как оказалось, уже незачем было уезжать.

Вечером в тот же день Руфина пришла в новый дом. Серёжа, закончив нарезку последнего сгона отопительных труб, готовился проверить резьбу муфтой, как услышал шаги. Это были её шаги. Их нельзя было спутать ни с какими другими.

У Руфины заплаканные глаза. На лице её красные и белые пятна.

Из рук Серёжи выпала муфта. Она, покотившись, остановилась возле больших газовых клещей. Он не бросился, как всегда, к Руфине навстречу и даже не сказал ей «здравствуй».

Руфина прошла к окну и стала спиной к Сергею. Сергею не хотелось, чтобы она первой начинала разговор. И вообще разговор ему показался сейчас ненужным.

Вчера вечером и сегодня ночью они, не встречаясь, кажется, переговорили обо всем. Но, чтобы убедиться, он все же спросил:

— Значит, все это было у тебя как бы отражённо... И я как бы не я, а его отражение...

— Не знаю, Серёжа, я ничего не знаю, — слышалось сквозь слезы Руфины. — Только что-то произошло, а что, я тоже ещё не знаю...

— Тогда узнай... Я подожду. Я научился ждать. Я обучен этому с десятого класса... А может быть — с восьмого.

Серёжа неторопливо направился к двери. Он был уверен, что Руфина окликнет его. Остановит. Остановит и скажет: «Куда же ты?», или «Погоди, Серёжа, не уходи», или что-нибудь в этом роде. Но Руфина не окликнула его. Она даже не повернулась.

Дверь бесшумно закрылась за ушедшим Серёжей.

Руфина осталась у окна. По её щекам текли крупные слезы. Она не останавливала и не утирала их. За окном стоял мороз. Синий, сорокаградусный мороз. Безжалостный ко всему окружающему. Он леденил до оцепенения даже кроткий свет луны.

Наверно, Руфина простояла бы очень долго у окна, казня себя за жестокость и свои чувства, проснувшись с возвращением Алексея, но на кривой тропинке, идущей через сугробы глубокого снега неожиданно появился Николай Олимпиевич Гладышев.

Руфа вспомнила, что он обещал в середине этой недели побывать у них в домике, чтобы окинуть его хозяйским взором перед «пуском в эксплуатацию».

Посещение Гладышева оказалось так некстати...

А может быть, наоборот. Ведь он всегда был хорошим другом и добрым покровителем их семьи. С ним она могла быть куда откровеннее, чем с родным отцом и, может быть, в данном случае, откровеннее, чем с матерью. Руфина вытерла слезы и направилась к двери.

Он постучался. Она ответила:

— Да, да...

Его разругавшееся на морозе доброе лицо обрамляли заиндевевшие воротник и шапка из седых камчатских бобров. Он, ничего, разумеется, не зная, крикнул:

— Здорово, ребята!..

Руфина ответила на это грустно:

— Здравствуйте, Николай Олимпиевич.

Увидев лицо Руфины, он не стал её спрашивать. Она сама объяснила ему в коротких словах все происшедшее:

— Вчера вернулся Алексей Векшегонов, Николай Олимпиевич. Вернулся — и вернулось все... Все, что было три года тому назад.

— И что же теперь? — боязливо спросил Гладышев.

Руфина опустила голову. Наступили те необходимые в подобных случаях минуты молчания, когда слова, перед тем как сказаться, хорошо взвешиваются. Этим и был занят Николай Олимпиевич, снимая свою жаркую шубу.

И когда мысли Гладышева облеклись в слова, он сказал:

— Дружочек мой... Слезы, конечно, облегчают сердечные боли, но все же лучший доктор для таких недугов — время. Ему и нужно доверить своё лечение.

— Я думала, Николай Олимпиевич, у вас найдутся слова теплее и убедительнее, — не согласилась Руфа, снова отвернувшись к окну, за которым стоял тот же синий, безжалостный и, кажется,

усилившийся мороз. — У вас всегда было так много успокоительных слов.

И тогда он сказал:

— Руфина, тебе не кажется, что твоим доктором может оказаться также и работа? Жаркая работа. Живая. Такая работа, которая потребует всю тебя. Всех твоих сил. Которая поможет забыть обо всем, не давая отвлечься ни на минуту.

— Да, — тихо произнесла она. — Вы, кажется, правы. Но есть ли такая работа?

— Есть! — твёрдо сказал Гладышев. — Разве ты не знаешь об отстающей семнадцатой линии? Пятый месяц мы бьёмся с ней, но пока никаких успехов... Эта линия нуждается не в укреплении новыми силами, а в полном обновлении. В полном. До последнего человека.

В голове Руфины возникла и молниеносно развилась мысль, опередившая задумываемое Николаем Олимпиевичем. И он теперь, разговаривая с нею, как бы уточнял то, что Руфина уже достаточно ясно представила.

Он говорил:

— Если бы ты захотела вернуться на производство и решилась бы возглавить новый молодёжный коллектив семнадцатой линии, коллектив своих сверстников, и взялась бы за дело с тем жаром, каким ещё не так давно ты славилась, то я готов поручиться, что результаты сказались бы в первый же месяц работы.

Лицо Руфины зарумянилось. Николай Олимпиевич коснулся самого сокровенного. Оказаться снова замеченной, вернуть потерянное оставалось тайным желанием честолубивой девушки. Это желание, как будто спавшее все это время, теперь проснулось и заговорило так громко, что, кажется, стало заглушать все остальное.

А Николай Олимпиевич, может быть и не желая, помогал её воображению:

— Я не могу сказать заранее, во что это все выльется, но думаю, что на заводе может появиться производственная линия, которая будет удостоена права называться коммунистической... А отсюда

делай выводы — какое это будет иметь значение в общественной и личной жизни.

Если верить восточной пословице, утверждающей, что оседлавший тигра не может пересесть на клячу, а пересев на неё, не может расстаться с мечтой о тигре, нам будет понятно, почему в заплаканных глазах Руфины сверкнула искорка надежды.

Заметив это, Николай Олимпиевич сказал:

— Не опускать руки, а бороться должны мы, и особенно когда несчастья нависают над нами. Полагаю, что сказанное мною единственно правильно.

— Я согласна!

Руфина, обняв Николая Олимпиевича, по-дочернему поцеловала его пухлую, все ещё румяную от мороза щеку...

На другой день стало известно, что Руфина Дулесова возвращается на производство бригадиром отстающей семнадцатой линии.

Это известие было передано по внутризаводскому радио в «Наших новостях», и конторское платье Руфины сменил синий комбинезон, простроченный на швах, по кромкам карманов и наплечных лямок двойной ярко-жёлтой ниткой в цвет её шёлковой косынке.

9

На Старозаводской улице нет тайн. Уход Серёжи тоже не мог остаться тайной. Узнал об этом и Алексей. Ему было жаль Серёжу, и, хотя стать второй раз причиной страдания Руфины ему было больно, такой исход он и считал неизбежным.

Иван Ермолаевич, чтобы отвлечь внука, стал расспрашивать о самоходных фабриках:

— Алёшка, стар я и туп уж, наверно, а отставать боюсь. И до того-то мне желательно досконально узнать про твои самоходные фабрики, что даже не сплю от любопытства.

Старик хитрил. Ему хотелось отвлечь внука, посадить его на любимого конька и заставить умчаться в мечты.

Последние два года Векшегонов жил мечтой о фабриках на колёсах. Он пока ещё не делился этим ни с кем. Боялся, что мечта, не ставшая убеждением, может рухнуть, если в ней усомнятся другие. Идея фабрик на колёсах родилась в сибирских просторах. Она родилась, когда завершалось строительство бумажной фабрики. Она выросла в тайге, на берегу большой реки. Фабрика ещё не вступила в строй, а окрестные лесные массивы уже заметно поредели. И Алексей подумал тогда: что же будет через десять — пятнадцать лет, если теперь заготовители бумажного сырья — древесины — так глубоко шагнули в тайгу? Не слишком ли дорого будет стоить доставка леса издалека? Даже рекой. Всегда ли сырьё нужно доставлять к фабрике, нельзя ли, чтобы фабрика приходила к сырью? Приходила так же, как приходит комбайн, обрабатывающий своего рода сырьё, каким являются колосья. Не есть ли комбайн маленькая фабрика на колёсах? А драга? Разве драгу нельзя назвать самоходным заводом по добыче золота?

Иван Ермолаевич, слушая жаркий рассказ внука, загорался и сам. Ему была понятна суть идеи, её возникновение и развитие. И он сказал:

— Дельно, Алёша. Давай дальше.

Найдя благодарного слушателя, Алексей перешёл к описанию сухопутного корабля:

— Он так велик, дедушка, что даже самые высокие деревья по сравнению с ним не более чем колосья пшеницы по сравнению с комбайном. Вот лес... Вот бумажный корабль-фабрика на огромных гусеницах. Гусеницы шириной с нашу Старозаводскую улицу.

Ивану Ермолаевичу была показана страница альбома.

— Это ещё набросок, дедушка. Это ещё только эскизные поиски самоходной фабрики. Ты видишь, как она высится над тайгой. Видишь, как она сжинает, точнее, выкорчёвывает деревья, а потом проглатывает и перерабатывает их в бумагу. Как это будет происходить, мне пока во всех подробностях ещё не ясно... Но я знаю, что машины и механизмы фабрики, обрабатывая и сортируя древесное сырьё, превратят его в бумагу, а отходы станут

энергетической пищей фабрики. То есть топливом. Это корневища, ветви, кора. Тебе это понятно?

— Вот тебе и на! Полная картина. И нос и корма. А за кормой взрыхлённая земля, которая с годами порастёт лесом. Саженым или самосейным. Так, что ли?

— Так, дедушка. Именно так... — Алексей радуется. Его глаза светятся.

— Тайга будет сводиться не полностью, а полосами. Понимаешь, такими широкими просеками, чтобы оставшийся старый лес породил молодой.

— Об этом я и толкую. Значит, мы в одно с тобой думаем. В одно.

Рассказ продолжается:

— Ты представляешь, дедушка, как эта громадина движется все дальше и дальше, в недосыгаемые пока ещё лесные массивы, где на корню гибнут состарившиеся деревья, не принося людям никакой пользы, куда дорого и невыгодно прокладывать железную дорогу. А самоходной фабрике не надо дорог. Она сама себе стелет дорогу своими гусеницами. Для неё и река как ручей. Конечно, не Енисей и не Амур, а обычные средние реки.

— А люди? Где будут жить люди? — спросил Иван Ермолаевич, входя действующим лицом в мечту внука. — Где, скажем, буду жить я, когда приеду гостем на твою самоходную фабрику?

И внук отвечает:

— Большие морские корабли вмещают тысячу, две, три тысячи человек. Фабрике же достаточно двести — триста рабочих. Она должна быть автоматизирована до предела возможного. Современные бумажные фабрики требуют не так много рук. Фабрика на колёсах — это и жилища для тех, кто уходит в рейс. Как на кораблях. Но там вокруг вода. На земле всегда проще. Вот, посмотри.

Показываются новые листы эскизов и набросков. Голос Алексея не умолкает. Он, кажется, рассказывает не только деду, но и себе:

— Такие фабрики, дедушка, не только возможны, но и неизбежны. И не одни лишь бумажные, но и фанерные, химические, фабрики искусственного волокна, фабрики по прокладке дорог.

Шоссейных и железных. Фабрики по добыче полезных ископаемых и переплавке редких руд. Мало ли даров в этом ещё неоткрытом краю. Иногда ценнейшие месторождения бывают недостаточными по мощности... Ты это понимаешь?

— Понимаю, Лешка.

— И на их базе, ну, что ли, возле них, не имеет смысла возводить завод. Потому что ему месторождения может хватить на год, на два. А самоходному заводу это неважно. Он может прийти хоть на месяц. Взять, переработать и уйти на новое малое месторождение. Дедушка, веришь ли ты, чувствуешь ли ты, что я не фантазёр, а практик?.. Понимаешь ли ты, что передвижные фабрики — это новая страница в нашем народном хозяйстве? Не посмеёшься ли ты надо мной? Я ведь хорошо знаю твою смешинку и как ты иногда скрываешь её от людей, которых любишь.

Иван Ермолаевич нахмурил брови, поднялся с лавки и строго посмотрел на внука:

— Лешка, хитрить с тобой — значит врать себе. Я мало прошёл классов, и мне никогда не понять, скажем, устройства обыкновенного радиоприёмника. А уж про космический корабль нечего и говорить. Тут я чурка чуркой. Но это ни в каком разе не значит, что я не вижу, по возможности своих глаз, куда ведут и что дадут нам космические корабли и какими они будут лет через двадцать, а то и через пятьдесят лет. Для этого хватает и моего ума.

Иван Ермолаевич снова сел на скамейку рядом с Алексеем, обнял его и стал говорить, будто боясь, что его подслушают стены, фикус или кот Мурзей.

— Алёшка, я верю в твои фабрики, хотя и знаю, что это пока бумага. Мечтания. Я верю в них, потому что они в линии жизни. В линии, которая ещё не прочерчена, но не может не прочертиться. И то, что ты сказал про комбайны, про драги и про то, что многие фабрики неминуемо должны приходить к сырью и сойти со своих фундаментов, — для меня это как дважды два. А какой будет фабрика — гусеничной, или шагающей, или разборно-сборной, или вертолётной — это дело десятое. Если суть верна, она найдёт свою плоть. Эту ли, — Иван Ермолаевич ткнул пальцем в альбом эскизов, — или какую-то другую, судить не мне. Одно только беспокоит меня, Алексей. Ты!

— Я?

— Да. В тебе есть свой свет. Хороший свет. Но ты пока ещё тусклый фонарь.

— Почему же, дедушка?

И дед ответил:

— Ты боишься своего света. Тебе страшновато дать волю его лучам. И даже со мной, с твоим первым дружкой-товарищем, ты говоришь с какой-то опаской. Лешка! Разведчик должен быть осторожен. Это так. Осторожен, но смел. А смел ли ты? Нет, Лёша. Ты башковит и умел, но не смел. Если ты веришь своему кораблю, зачем тебе спрашивать, верю ли я ему? А если не верю, тогда что? Опустить руки? Отказаться? А вдруг я пень? А если на пути твоих фабрик встретятся ещё пни?..

Иван Ермолаевич, потеряв нить разговора, вспомнив, с чего начал и чем хотел кончить, стал говорить снова:

— Алёшка!.. Помни, Алёшка, дедов наказ. Живущий только сегодняшним днём, как, к примеру, твой дядька, Николай, живёт во вчерашнем дне. В сегодняшнем дне живёт только тот человек, который зашагивает в завтрашний день. Кто думает о нем. Кто желает его. Конечно, не всегда находит ищущий, но не ищущий — никогда ничего не найдёт. А ты ищешь. Ищешь... И в этом твоё счастье.

— Спасибо тебе, дед. Большое спасибо.

Алёша приник к тёплой груди старика. Тот стал гладить его кудри. Так сживали они годков двадцать, пятнадцать тому назад. Время прошло, а отношения между ними все те же.

Хорошо мечтается Алексею Векшегонову.

Как бы ни выглядела фабрика на колёсах — «кораблём» в одиночном плавании или «флотилией», состоящей из цехов на колёсах, это придёт, найдётся. Дедушка прав: если не думать, не мечтать уже сегодня, сейчас о завтрашнем дне, не заглядывать в него смело и дерзко, то во имя чего мне и всем нам жить сегодня?

Пусть эти корабли ещё не завершены и на ватмане. Но все-таки они уже есть. Разве не все, созданное человеком, было когда-то всего лишь мечтой?

После двух дней безделья Алексей Векшегонов решил показаться на люди и побывать на своём заводе.

Здесь началась его трудовая жизнь. Здесь знакомо и мило каждое строение, каждая труба, каждый перекрёсток заводских улиц. Дорог шум, и мил запах.

Деревья, в посадке которых участвовал Алексей ещё мальчишкой, стали большими. Появились новые здания цехов. Из сборного бетона. Теперь строили только так.

Не все узнают Алексея, а он не окликает их. Не хочет задерживаться и рассказывать, что да как. Ему нужно скорее пройти в заводоуправление к дяде Николаше.

И вот он у дверей его кабинета.

— Вы к кому? Как сказать о вас?

Знакомый голос Лидочки Сперанской вдруг умолкает, потом снова поёт, но уже на другой ноте, в которой слышится извинение:

— Алёша... Алексей Романович, я вас не узнала. Здравствуйте. С приездом. Вы совсем?

— Не... не знаю, — слегка заикнулся Алексей. — А вы теперь работаете секретарём?

— Нет, нет, — почему-то смутившись, ответила Лидочка. — Я референт по техническим новостям... Секретарь обедает, и я заменяю его... Проходите... Николай Олимпиевич один.

— Ба-а! — Николай Олимпиевич вышел из-за стола и облобызался с племянником.

— Здравствуй, дядя Николаша.

— Н-ну, рассказывай... Правда, я кое-что уже знаю... Садись.

Они уселись в кресла перед письменным столом. Гладышев с любопытством разглядывал Алексея.

Рассказ Алексея был кратким. Точным. Похожим на рапорт.

— Да что ты, право, как послужной список читаешь, — прервал племянника Гладышев. — Кроме заводского монтажа, было же у тебя ещё что-то в жизни?

— Кажется, нет, дядя Николаша.

— Так и не влюбился?

— Пробовал, — сознался Алексей и покраснел, — только все это было каким-то самообманом. Таким же, как тогда... Но не будем об этом.

— Почему же не будем-то? — спросил Николай Олимпиевич, придвигая кресло. — Даже я пока ещё не теряю надежды. Одиночество такого рода противоестественно и в мои годы.

— Наверно.

— Лешка, ты что-то скрываешь?

— Кажется, нет.

— А мне кажется — да. Лёш... ты можешь быть откровенным с твоим дядькой?

— Станный вопрос. В скрытности меня ещё никто не обвинял.

— Это верно. Курить ещё не научился на новостройках?

— Нет, не научился.

— А я не могу разучиться.

Николай Олимпиевич принялся неторопливо набивать трубку, потом раскуривать её. Он явно обдумывал вопрос, который хотел задать Алексею.

— Ты только не обижайся... Я, Лешка, не хочу вторгаться ни в чью жизнь. Но иногда приходится. Скажи, ты давно не видел Ийю Красноперову?

— С тех пор, как она уехала. А почему ты спросил вдруг о ней?

— Я потом отвечу тебе. И не переписывался с нею?

— Нет.

Николай Олимпиевич развёл руками, пустил клуб дыма.

— Странно, очень странно.

— Что же тут странного? Нужно знать Ийю.

— Знай, братец, не знай, но согласись: если спустя столько времени прямо вслед за тобой приезжает она, то едва ли это можно объяснить простой случайностью.

Алёша вскочил. Он не поверил услышанному:

— Она приезжает? Когда?

— Лидочка сказала, что Адам Викторович ждёт её завтра.

— Дядя Николаша, у меня, кажется, подкашиваются ноги. — Он снова сел.

— Это на самом деле очень странно. Мне часто казалось, когда я приезжал на новый завод, что встречу её. И теперь вдруг... Так неожиданно... А может быть, мысли каким-нибудь образом... Нет, это, конечно, мистика...

— Несомненно. Ларчик, наверно, открывается гораздо проще. Если ты ничего не знал о ней, то, может быть, она знала о тебе. Ведь переписывалась же она с дедом. С Адамом Викторовичем. И может быть, тебе следует поговорить с ним.

— Да, да, — ухватился за подсказку Алексей. — Я сейчас же к нему... — Потом он остановился. — Но столько лет я не видел его...

Раздался телефонный звонок. Он как бы напомнил Алексею о рабочем дне Николая Олимпиевича.

— Ты извини меня, дядя Николаша... Я хотел на минуту и по делу, а пробыл чуть ли не час...

— Да полно тебе, Лешка... Порасспроси Лидочку. Она разговаривала с Адамом Викторовичем... Бывай здоров!.. Нет, это я не вам, — сказал в телефонную трубку Гладышев.

Алексей уже был за дверью кабинета и спрашивал Лидочку о приезде Ийи.

— Точно! — подтвердила Лидочка. — Он их ждёт завтра.

— Вы сказали «их»? Кого их? Разве она приезжает не одна?

Лидочка еле заметно улыбнулась:

— По-моему, не одна. Если Адам Викторович назвал их «моими милыми, дорогими гостями»... Если он сказал: «Теперь я, наверно, переберусь к ним на жительство», значит, Ийя не одинока. Это вас огорчает?

— Я ещё не знаю, — ответил Алексей. — Это так неожиданно... И так приятно... Её муж, наверно, химик... А я чуть было не уехал вчера... А как вы, Лидочка? Ведь мы не виделись три года. Я все о себе да о себе. Как вы?

— Все так же. В моей жизни ничего не изменилось. Разве что стала старше. Но вам-то, Алёша, зачем знать обо мне? Учтивости ради?

— Нет, почему же... Я часто вспоминал о вас... Я ведь очень хорошо отношусь к вам... Лидочка, не обращайтесь на меня внимания, я как-то не в себе. Столько потрясений... Вы, очевидно, ещё не знаете, что происходит у нас в семье.

— Знаю, Алёша. Я все знаю.

— Тем лучше. Извините. Мне, кажется, нужно сейчас собраться с мыслями. В голове такая окрошка... Я пойду.

Лидочка проводила Векшегонова до входной двери. Потом вернулась и поняла, что она тоже должна собраться с мыслями. Ей всегда нравился Алексей Векшегонов, но в её голову никогда не приходила мысль о невозможном. А теперь она, подумав о Руфине, Ийе, спросила себя: «Мог ли быть счастлив со мной Алексей Векшегонов?» И оказалось, что мог бы.

Разве он не такой же одинокий в личной жизни, как и она? Разве она растеряла тепло и чистоту своего сердца?

Векшегонов ничего не знает о ней. Они, в самом деле встречаясь много раз, ни разу не встретились. А если бы встретились, если бы она хоть немного приоткрыла свою душу, то, как знать, может быть, он увидел бы её другой.

Так хорошо мечтается Лидочке. И так боязно ей мечтать.

Она смотрит в окно. Ярко светит солнце. И кажется, уже тепло-тепло, а на самом деле стужа. Иногда нужно вдумчиво и критически относиться даже к ярким солнечным лучам.

Серёжа не искал встречи с братом. Но город не так велик и тем более не так широка Старозаводская улица, на которой они жили. Встреча состоялась на улице.

— Здравствуй, Алёша, — первым поздоровался Серёжа. — Мне не на что сердиться, но я ревную, потому что она любит тебя. И во мне она любила тебя, Алёша. Поэтому пока не будем встречаться.

— Хорошо. Не будем.

Ответив так, Алексей залюбовался Серёжей. В нем он увидел прямого, открытого человека, который не разговаривал «полусловами». Он так просто, так сердечно и так коротко объяснил состояние своей души и отношение к нему, к своему родному брату.

Алексею хотелось вознаградить брата тем же. И он сказал:

— Сергунька, если тебе захочется разлюбить её, приходи ко мне, я сниму с тебя эти чары.

— Нет, мне, Алёша, поверь, не нужно этого. Я хочу любить её.

Поговорив так, они разошлись. Серёжа пошёл на завод, во вторую смену. Алексей направился домой. Сегодня приедет Ийя. Как-то они встретятся? Придёт ли она с мужем или одна? Лучше бы сначала одна. Оказывается, не так-то просто видеть рядом с нею другого человека. Нужно брать себя в руки. Нужно учиться этому у младшего брата.

Ийю ждали дед и бабка. Они, кажется, тоже волновались.

— А голосок у неё тот же. Как будто поёт по телефону, — рассказывал Иван Ермолаевич. — Весёлый голосок.

— Голос не волос, он не меняется, — заметила Степанида Лукинична. — А вот сама-то она какой стала?

Алексей смотрел на часы. Заглядывал в окно, вставая на стул, так как нижние стекла рам были заморожены. И вдруг кто-то бросил в стекло снежок.

— Ийя! Это Ийя!

Алексей побежал, чтобы встретить её у ворот. Но поздно, Ийя уже на пороге.

Она в беличьей серой шубке. Такой же серой, как и её большие глаза, сверкающие в окаймлении белых от мороза ресниц.

— Алёша! — зазвенел знакомый колокольчик. — Милый мой...

Мгновение — она у него на шее. Влага ли оттаявших ресниц или слезы радости сохнут на его лице? До этого ли теперь ему? Они встретились снова. И ни дед, ни бабка не мешают ему засыпать поцелуями её лицо и знакомые руки, обронившие на пол красные варешки.

Степанида Лукинична, не зная — радоваться, не зная — печалиться, смотрела на них из-за ситцевой занавески, а оробевший от буйства такой встречи Иван Ермолаевич спросил, чуть не подавившись своими словами:

— Ийя, а второй-то человек где?

А Ийя, не размыкая рук на шее Алексея, ответила:

— Я оставила его у тёти Кати в Челябинске. Там ему будет веселее. У них тоже мальчик, и они сразу же подружились...

Иван Ермолаевич, осмыслив сказанное, снова спросил Ийю:

— А где, Ийенька, твой муженёк?

Ийя уклонилась от прямого ответа:

— Я думала, что вы сначала скажете: «С приездом, Ийя Сергеевна», потом велите снять шубу. Потом посадите за стол и предложите чайку с горячим топлёным молочком или что-нибудь ещё с морозца, а потом уже начнёте расспрашивать обо всем прочем... Здравствуйте, Иван Ермолаевич.

— Прости меня, старого торопыгу.

Иван Ермолаевич обнял и троекратно поцеловал Ийю. Это же самое повторила и Степанида Лукинична и сказала:

— Щёчки-то у тебя после ребёнка как налились! Скидывай шубейку, дальше разглядим, какова ты молодая мать.

Алексей помог ей снять шубу. Она оказалась на двойном меху. Голубая сибирская белка снаружи и рыжий лисий мех внутри.

— Холодно, значит, девка, в тех местах, — заметила Степанида Лукинична.

— По-всякому случается... А мех там недорогой. Я же мерзлятина.

Ийя говорила так, вовсе не стремясь подчеркнуть перемены в своей внешности. А перемены были разительными. Она расцвела.

— Батюшки! — всплеснула руками Степанида Лукинична. — Ни кожи, ни рожи у тебя не было, а теперь смотри ты какая сдоба. Воздух, что ли, такой или пища не та, что наша... Куда косточки твои делись!

Алексей тоже не мог скрыть удивления:

— Как ты изменилась, Ийя... Что стало с тобой?

— Я стала старше и весомее.

Тут Ийя снова расхохоталась, подбежала к Алексею и прошла с ним в большую горницу.

— М-да... — вырвалось у Ивана Ермолаевича, и он принялся рассматривать Ийю, а потом, ни к кому не обращаясь, сказал. — Ничего не скажешь, складна. Моя Стеша в твои годы была вылитая ты. И плечи, и шея, и, как бы сказать, все остальное будто из одной опоки. Давай в таком разе со свиданьем по единой под рыжички.

— Давайте, Иван Ермолаевич!

— И я в таком разе маленькую, — присоединилась Степанида Лукинична.

Подняли рюмки. Чокнулись празднично, стоя. Выпили. Переглянулись и смолкли. Сказать и узнать нужно было так много, да как начать? Мужем Ийи интересоваться было неудобно. Может быть, она в разводе с ним или того хуже — и развода не понадобилось. А спросить что-то было нужно.

— Ну а дед-то как? Как Адам Викторович?

— Дедушка в науку пошёл. Книгу пишет.

— Ишь ты... О чем?

— О муравьях... Жаль, что у вас как-то нарушилась с ним дружба...

Тут Иван Ермолаевич с упрёком посмотрел на Алексея, потом, опустив голову, сказал:

— Не во мне тут вина...

На этом разговор оборвался. Иван Ермолаевич неожиданно вспомнил, что ему нужно непременно сходить к Роману за большим кривым шилом. И Степанида Лукинична, как оказалось, должна была, и тоже «беспременно», отнести сердечные капли горемычной старухе Митрохе Ведерниковой. А уходя, она посоветовала запереться на крючок, потому что уже были случаи, когда уносили шубы.

— Хорошо, бабушка, мы закрёмся крепко-накрепко и не услышим даже, если ты будешь стучать, — сказал Алексей, желая как можно скорее остаться вдвоём с Иией и сказать ей так много, а что — он не знал и сам...

12

Когда хлопнула входная дверь, Алексей растерял все слова. Он смотрел на Иию, будто все ещё не веря, что это она.

— Да что ты, право... Мне даже как-то неловко...

— И! Милая! И! Я ничего не хочу пока знать! И! Я нигде никогда не видал прекраснее женщины... Как же, проглядел тебя... И! Милая И!.. Как я мог потерять тебя?

— Ты? Меня? Потерять? Алёша, сейчас же выполощи рот и посмотри в зеркало, не почернел ли твой язык.

— Но у тебя же ребёнок. Сын, — упавшим голосом сказал Алексей.

— Ну и что же?

— Как это так: «Ну и что же?» Ведь я уже давно перестал верить, что детей находят на капустном листе или покупают на рынке... Кто твой муж?

— У меня его нет.

— Вы разошлись?

— И да, и нет. Он не считал себя моим мужем.

— Значит, порядочная дрянь.

— Нет, почему же... Он просто так был устроен.

— Странное устройство. Ну а сына-то хоть он признает своим сыном?

— Он ничего не знает о нем. Когда мы расставались, я не хотела омрачать его счастье моим предстоящим материнством.

— Он полюбил другую?

— Не думаю, но его родные и все окружающие не допускали, что мы можем быть счастливы.

Алексей негодовал:

— Ну а он-то, скотина, должен был допустить, что такого рода отношения для женщины кончаются материнством?

— Видимо, ему не пришло в голову...

Алексей густо покраснел и спрятал своё лицо в коленях Ийи. Потом тихо сказал:

— Я ничем не отличаюсь от этого подлеца. Я ведь тоже тогда не думал...

Ийя закрыла Алексею ладонью рот:

— Не надо вспоминать, Алексей. Что было тогда — того уже нет. Я тоже забыла Руфину. И если ты хочешь, чтобы я относилась к тебе с уважением, — пообещай не спрашивать меня о сыне хотя бы месяц. Нам нужно выяснить, во-первых, наши отношения.

— Мне не нужно их выяснять! — почти крикнул Алексей. — Я никого никогда не любил... Мне лишь казалось... Меня убеждали, что я...

Ийя опять закрыла рукой его рот:

— Не надо, не надо ни в чем меня убеждать. Я знаю все, совершенно все. Если бы я не знала всего, то разве бы я появилась здесь?!

— А кто рассказал тебе обо мне?

— Милый мой, у тебя на свете столько тайных друзей, что ты даже не можешь себе представить...

Ийя снова ушла от прямого ответа, глядя в беспокойную синеву его глаз, бездонных как небо. В них счастье и страдание. Веселье и отчаяние.

Такими раньше никогда не были его глаза.

— И если я увижу, поверю, — снова стала говорить она, — что ты любишь меня... то разве мой сын не станет твоим сыном, Алёша?

— Нужно завтра же отправиться в Челябинск и привезти его... Я полюблю его... Я уже люблю и называю его своим сыном. И он никогда не будет знать, что у него был другой отец... И я... И я позабуду об этом.

Ийя отвернулась и заплакала.

— О чем ты, родная моя...

— От счастья... Я верю, что ты будешь любить его. Но я мать. Я не могу, я не имею права быть торопливой... Нет, нет, не торопи меня. Пусть пройдет хотя бы месяц. Поедем навстречу весне. В Сочи, в Гагру... У меня длинный-предлинный отпуск...

Ийя снова оказалась в объятиях Алёши и снова принялась уговаривать его, теперь уже шепча ему на ухо о том, что сулит ему черноморская весна, которая может начаться для него через два дня.

В шёпote Ийи слышалось столько заманчивых радостей. В нем цвели мимозы по склонам южных гор, море плескалось у их ног, весенний ветерок напевал голосом Ийи песенку о первой и единственной любви Алексея, любви потерянной и найденной им, такой огромной любви.

— Весна там, где ты, моя И. Где ты!

Он поднял её на руках. И в доме зацвели мимозы. Ласково дохнуло море. Стены раздвинулись. Поднялся потолок. По нему плыли облака и тянулись стаи возвращающихся птиц...

Солнце припекало снег, а властная уральская зима тут же замораживала посмевающие таять белые равнины.

Зайцы, почуяв весну, забежали по солнечным угорам в торопливой заботе о потомстве. Серёжа, снова уйдя в охоту, не пропускал свободного часа. Пригодился теперь дедушкин-бабушкин подарок — широкие лыжи, подбитые оленьим мехом. Шагается как в волшебных сапогах, и не страшны никакие сугробы.

Чудесно раннее, едва заметное пробуждение весны. Зимующие здесь птицы и те оживились, чуя близкую передвижку к северным гнездовьям. Туда, поближе к тундре, в низкорослые леса, где скоро наступит круглый день, где будет вволю всякой живности, жужжащей и гнущей, болотной и таёжной.

Лес тоже как-то повеселел. Ели то и дело сбрасывают со своих зелёных лап потяжелевший снег. Полежал, и хватит. Падай на землю, чтобы потом растаять и стечь говорливыми ручейками в реки.

Хорошо бы Серёже повстречаться с волком. Для свидания с ним готов хороший свинцовый гостинец в левом стволе его ружья.

Конечно, куда лучше, если бы вместо волка встретился медведь-шатун, рано разбуженный в берлоге и шатающийся теперь по голодному лесу с пустым брюхом в поисках еды. Серёжа бы сумел выстрелить ему под левую лопатку из одного ствола, а из другого ослепить его дробью, как это сделал в молодые годы его отец, Роман Иванович.

Медвежью шкуру он бы подарил Ийе, чтобы показать всем людям и, конечно, Руфине, с каким уважением относится он к этой маленькой женщине, которую теперь во всеуслышание называет своей милой сестричкой. Он готов исполнить каждую её просьбу. Он уже преподнёс ей огромного зайца. Русака. Бабушка Стеша отлично умеет готовить зайца. Вообще Серёжа сделает все, чтобы на этот раз Ийя не разлучилась с его братом.

Не для себя. Не ради того, чтобы вернуться в покинутый домик с башней. Об этом не хочется даже вспоминать. Теперь он уже никогда не поверит Руфине.

Между тем он любил Руфину и радовался её успехам на семнадцатой линии. Эти успехи начались сразу же, чуть ли не на второй день после появления там молодёжной бригады и её

бригадира Дулесовой. Она работала не щадя себя, не считаясь со временем. Непосвящённому это могло показаться настоящим трудовым подвигом. Но Серёжа знал, что руководило Руфиной. Зачем ей снова понадобилась слава... Напрасные мечты. На свете нет сил, которые могли бы разлучить Ийю с Алексеем.

Однако Руфина рассуждала иначе. Ни время, ни Ийя не разоружили её. Она пойдёт на все, но не расстанется с Алёшей. Хоть кошкой, да при нем. Хоть тенью, да его тенью.

Для неё он не живёт теперь где-то «вовне». Он в ней. Живой, осязаемый, собственный, он для неё как никто мужчина. Земной. Чувственный. Заповедный. Рядом с ним она ощущала себя женщиной, матерью, ещё не ставши ею. И он уже был отцом не рождённых ею детей — кудрявого первенца Алёши и темноглазой девочки Жени. Их нет, но если остаться одной и закрыть глаза, они будут бегать около неё по полу и даже разговаривать.

И этого отца её детей, сильного и безвольного, забирает в свои руки какая-то блудливая сибирская бродяжка Ийка, прижившая на стороне ребёнка, а до этого перебежавшая своим кошачьим бесстыдством дорогу Руфине...

Не-ет! Нужно говорить полным голосом. И пусть, на худой конец, Руфина не сумеет из её когтей отобрать своё счастье, но она хотя бы откроет Алексею глаза.

Решив так, Руфина искала случая поговорить с Ийей. Случай этот вскоре представился. Руфина шла на завод. Ей встретилась Ийя с ворохом покупок, она явно шла к Векшегоновым.

— Ийя, извини меня, — остановила её Руфина, — я должна поговорить с тобой. Я должна сказать тебе, что твоё поведение, твоя охота за Алексеем вызывает возмущение.

— Чьё? — спросила Ийя.

— Очень многих... И моё, — ответила Руфина. — Я прошу тебя, если ты честный человек, оставить Алексея.

— Для кого? — снова односложно спросила Ийя.

— Для той, которая достойнее тебя и нужнее ему.

— Я такой не вижу, Руфина, — будто сожалея, ответила Ийя. — Такой могла бы стать ты, но для этого тебе нужно заново родиться.

Тут Ийя покосилась на башенку дома, торчащую за высоким дулесовским забором. Руфина теряла самообладание:

— В Сергее я тоже любила Алёшу. А не изменяла ему... Ты понимаешь это или не понимаешь?

— Нет, я этого не понимаю, Руфина, и не пойму, если ты не скажешь, что такое измена и с чего она начинается. С мысли ли, добродетельно обращённых к другому человеку... Например, к Мише Дёмину. С поцелуев ли, носящих самый безвинный характер. С обещания ли прекрасному юноше стать его женой и совместного строительства дома для своей будущей семьи... Я не знаю, с чего, по-твоему, начинается измена.

У Руфины побелели губы, и она сказала, цедя сквозь зубы:

— Ты уже видала виды, Ийя. Тебе лучше знать, что измена одному человеку — это брак с другим человеком. Каким бы ни был этот брак. Хоть вагонным.

— В таком случае, Руфина, Алексей женат на мне задолго до его предполагаемого брака с тобой. И не ты на меня, а я на тебя должна быть в обиде... Не так ли?

Руфина уже не могла далее сдерживаться. Её теперь не узнала бы и родная мать. Руки её дрожали. Она не помня себя крикнула:

— Мне хочется плюнуть в твоё бесстыдное лицо!

— Плюнь, если тебе будет легче, а не тяжелей, когда ты придёшь в себя.

Руфина отвернулась и заплакала. Ийя подошла к ней и сказала:

— Не надо так ронять своё достоинство. На улице ещё очень светло. Идут какие-то люди... Они плохо подумают о тебе... Рассмейся.

Мимо проходили соседи. У Руфины хватило ума, и она сказала:

— Ты рассмешила меня до слез. Прощай! — И, сверкнув глазами, пошла в сторону завода.

Отношения были выяснены.

Уличный скандал стал известен Степаниде Лукиничне, хотя о нем ничего и никому не сказала Ийя.

Не стала размышлять Степанида Лукинична, как быть и что надо делать. И часа не прошло, как она появилась у Дулесовых.

— Каким это ветром? — выбежала к ней навстречу Анна Васильевна.

— Худым, Анна, ветром, — ответила Степанида Лукинична и без «здравствуй» начала: — Анна, попридержи язык своей дочери. Жалеючи говорю. Ийя Сергеевна теперь моя внучка, а я за внуков умею стоять.

— Да о чем ты, Степанида Лукинична? Что такое сделала моя Руфочка?

— У неё спроси, если в самом деле не знаешь. Спроси, а потом скажи, что если она хоть одно худое слово молвит про Ийю Сергеевну, если хоть один раз вздумает заговорить с ней, тогда начну разговаривать я. А я старуха запасливая, памятливая. И если надо будет, у меня найдутся клейкие и несмываемые слова. И коли уж они скажутся, то, пожалуй, Руфине Андреевне трудно будет жить не только на нашей улице, но и в нашем городе.

Постояв у порога, поразмыслив о чем-то, Степанида Лукинична хотела было уйти, но задержалась.

— У сына Ийи Сергеевны будет наша фамилия. А ежели она будет наша, значит, и он наш. Вот это-то самое и внуши Руфине Андреевне. Да хорошо внуши! На этом, стало быть, и желаю здравствовать.

А тем временем наступление продолжалось... Руфина добилась встречи с Алексеем. Он пришёл к дяде Николаше. К Николаю Олимпиевичу. А дяди не оказалось дома. Её встретил Алексей.

— Ты-то зачем здесь? — спросил он.

А она:

— Не буду ничего придумывать. Я упростила Николая Олимпиевича позвать тебя. Другого места нет. К нам ты бы не пришёл. И к тебе я не могу прийти.

— Ну почему же...

— Не надо об этом... Зачем говорить о мелочах, когда не сказано главное.

— Главного уже нет, Руфина.

— Нет, есть, Алёша. Сядь. Сядь хоть на минуту. Я ни о чем не буду просить тебя. Я только хочу сказать тебе. Предупредить тебя.

Руфина провела Векшегонова в комнату и усадила. Это произошло так быстро, что тот не успел даже снять шапку.

— Алёша! Я очень много думала. Не о себе, а о тебе... Ты не бойся... Я ни о чем не буду просить тебя. Я только хочу сказать, что ребёнок, которого она боится показать тебе, ломает все, что ты напридумал, во что поверил...

— Руфина! Я прошу тебя... Ты не имеешь права...

Он не договорил. Руфина перебила его:

— При чем тут право? Кроме права есть правда. И я обязана её сказать. И ты выслушаешь её. Я умоляю тебя...

Руфина опустилась на колени и заплакала. Алексей растерялся:

— Что тебе нужно от меня, Руфина?

— Ничего. Я только хочу, чтобы ты выслушал меня. Сядь.

Он сел. Руфина села поодаль.

— Только не перебивай меня. Потерпи пять минут. Потом мы расстанемся.

— Говори...

— Алёша, Ийя удивительная женщина. Я готова молиться на неё. Я поражена её волей. Её умением держать себя. Такую, как Ийя, нельзя не полюбить. Но случилось непоправимое.

— Что?

— Между вами стал третий человек.

— Я не знаю его и не хочу знать, — раздражённо сказал Алексей.
— И если ты хотя бы товарищ, то не говори об этом неизвестном человеке. Я не хочу о нём знать. Ты слышишь, Руфина, я не хочу...

— Я могу замолчать. Но замолчит ли он, этот неизвестный третий человек? Он всегда, всю жизнь будет стоять между вами. Он будет сидеть с тобой за столом. Жить в одном доме. И днём и ночью. Он никогда не оставит тебя... Не выдумываю же я небылицы. Это сама правда. Жизнь. И как бы ты ни был счастлив сейчас, ты навсегда останешься несчастным вторым... Несчастливым вторым.

— Почему же вторым?

— Потому что он отец её сына, а ты отчим.

— А ты змея.

— Наверно. Но и змеиный яд бывает лекарством.

— Лечи им Серёжу.

Алексей попытался уйти. Но Руфина загородила дорогу. Она стала в дверях.

— Я не могу желать тебе зла. Хотя бы потому, что люблю. И любовь велит мне предостеречь тебя. Алёша, пусть она приведёт своего сына, и ты увидишь, кто придёт вместе с ним.

Руфина освободила дверь.

Алексей мог уйти, но не уходил. По всему было видно, что слова Руфины сеют в нём сомнения, а может быть, и боязнь. Его лицо никогда ничего не могло скрыть.

— Ты недобрый человек, Руфина.

— Как хочешь, так и думай обо мне, Алёша. И мне тоже позволь думать, как я могу. Тебе будет трудно, а потом невозможно жить с её прошлым. Ты никогда не примиришься с ним. Сначала ты будешь скрывать свои страдания, убеждать себя примириться, а потом не выдержишь, напишешь письмо и сбежишь.

— Остановись, Руфина. Хватит предсказывать... Этого не случится.

— Не обманывай, Алёша, самого себя. Я ведь вижу, что ты не веришь своим словам.

Алексей не хотел далее слушать Руфину. Он направился в переднюю и сказал на ходу:

— Я никогда не разлюблю её...

А оказавшись на улице, он продолжал не то убеждать себя, не то оспаривать Руфину:

«И если в самом деле вместе с её сыном придёт третий человек и мне будет и больно и трудно — я буду нести эту тяжесть, потому что не кто-то, а я был виновником всего этого. Я и должен за это расплачиваться».

Дома он не сказал, что видел Руфину. Тогда бы пришлось рассказывать обо всем. А как расскажешь об этом? Как поделишься с Иией боязнью встретиться с её сыном, потому что вместе с ним на самом деле придёт и этот третий человек, с которым Иия была так же близка, как и с Алексеем?

Как горько ему сейчас! Он хочет, он всеми силами стремится побороть в себе ненависть к этому неизвестному третьему, но это не в его силах.

Вот тебе и светлый человек Алексей Романович Векшегонов, поклявшийся жить для счастья других!

Векшегонов, вырви из своего сердца низменные чувства, посеянные Руфиной! Разве можно позволить зачёркнутому минувшему отравлять такое хорошее сегодня и завтра? А оно будет ещё лучше, хотя бы потому, что время затушует прошлое и заставит забыть его.

Это верно. Но сегодня-то, как жить сегодня? Как заставить себя улыбаться, когда стало трудно смотреть ей в глаза? Ведь это уже не та Иия, которую он знал три года тому назад.

Пусть уж лучше бы не расцвела она, а оставалась той же Опиской, только бы не было у неё этих двух «третьих». Да, теперь они оба «третьи», ставшие между ним и Иией. Это им она обязана первыми материнскими радостями и порождённым материнством красотой. Им, а не ему.

Ах, бабушка, милая бабушка, даже тебе не может рассказать твой внук о своих страданиях...

Уж не уехать ли, в самом деле?

Уж не уехать ли, чтобы ещё раз не разбивать её жизнь? Теперь даже две жизни. Вторая из них — ни в чем не повинная жизнь мальчика, который, конечно, полюбит отчима и поверит матери, что он и есть его найденный отец.

Но ведь это же ложь. Пусть благородная, неизбежная, но ложь. На ней нельзя строить семейных отношений.

Ах, бабушка, как тяжело, как неожиданно счастье повернулось другой, совсем другой стороной...

15

От бабушки Степаниды Лукиничны едва ли можно что скрыть. Алексей хотя и не признался ей во всем, но достаточно было и намёка.

— Вот что, Иваша, — обратилась она к Ивану Ермолаевичу. — Пора кончать нам в пряталки играть. Нужно вводить в дом правнука. И это должен сделать ты.

— А как? Ни адреса, ничего...

— Адрес не вопрос. К Адаму сходишь и расскажешь все как есть. Он человек умный. Поймёт, что такие дела тянуть нельзя.

— Это верно, Стеша, — согласился Иван Ермолаевич с женой. — Она, видимо, стесняется, а то и боится. А чего бояться? Мало ли пасынков родными сынами оказывались. А им ни гугу!

— Мы порознь одну думу думаем, Иван, — радовалась Степанида Лукинична.

— Надо подмогчи Ийечке. И Алёшке надо увидеть его. Полюбит он, я думаю, мальчика. Я все сделаю, чтобы он полюбил.

— Полюбит, — подтвердил Иван Ермолаевич. — И я слова найду, чтобы полюбил.

Иван Ермолаевич оживился и тут же принялся надевать новые валенки, Степанида Лукинична подала ему новую шубу и шапку.

— Удачи тебе, Иван...

И отправился Иван Ермолаевич на Шайтанову дачу. Легко дышится ему. Весёлый падает с неба снежок.

— Куда это вы так торопитесь, Иван Ермолаевич?

А он, задумавшись, и не заметил встретившейся ему Ийи.

— И не спрашивай, — ответил он ей. — Дело у меня беспременное есть. Вот и тороплюсь.

Ему не хотелось останавливаться с нею. Боялся, что глаза выдадут. Можно и хорошее дело спугнуть.

— Беги, беги... Там тебя бабка ждёт.

Любит Иван Ермолаевич Ийю, как родную внучку. Стыдится только выказывать свою любовь. Все-таки не своя кровь. Зато ручки-ножки, шейка-плечики и прочая стать ни дать ни взять как у молоденькой Степаниды Лукиничны. Тоже жарконько цвела...

Оно, конечно, не так радостно, что Ийя приходит к Алёше с чужим сыном. Но что сделаешь? Сам виноват. Сам тогда руки рознял, сам свою птичку-невеличку выпустил. Вот теперь и...

За все своя плата.

А женись бы он тогда на ней — бегал бы сейчас в векшегоновском доме мальчугашечка с золотыми кудерышками, с весёлыми василёчками под писаными бровками. Ножонки малость были бы тоже косолапенькими, а прыткими-прыткими...

Таким помнил Иван Ермолаевич выпестованного им внука Лёшу. Таким хотелось ему видеть правнука, сына Алексея. Да разве переспоришь жизнь, когда она своё кружево на своей пуге плетёт, и мало ей дела до Ивана Ермолаевича, коли она, как коклюшки, перебирает человеческие судьбы.

Разговаривая так с самим собой, Иван Ермолаевич оказался на перекрёстке двух просек и увидел Адама Викторовича.

Старик сосредоточенно рассматривал муравьиную кучу. Снег вокруг неё был аккуратно расчищен. Адам Викторович сидел на маленькой, видимо специально принесённой, скамеечке. Он был так увлечён, что и не заметил подошедшего Ивана Ермолаевича. А тот, боясь испугать Красноперова и не зная, как начать разговор, остановился в нерешительности.

Воспользуемся этими минутами молчания и скажем несколько слов о прошлом Адама Викторовича.

Адам Викторович был ровесником Ивана Ермолаевича и учился с ним вместе в церковноприходской школе. Происходя из рабочей семьи доменщика, горнового Виктора Красноперова, маленький Адам рано обнаружил любовь к знаниям. И его, не в пример старшим братьям, решено было учить «большой грамоте». Самым дешёвым по оплате за право учения в те годы было духовное училище. Туда и отдали Адама. Духовное начальство не отказало Красноперову, надеясь воспитать попа — выходца из рабочего класса. Но Адам Красноперов не оправдал надежд стратегов от богословия. Кончив духовное училище, а потом семинарию, доучиваясь самоуком, он стал лесничим огромных лесных массивов, казённых заводских дач. Поселясь в одной из них, в Шайтановой даче, где стоял дом лесничества, он прожил в нем всю жизнь. В этом доме он живёт и теперь.

Постояв минуту-другую, Иван Ермолаевич кашлянул, а потом поклонился Красноперову:

— Здравствуй, Адам Викторович.

Красноперов оглянулся:

— Здорово, Иван Ермолаевич. А я давным-давно тебя поджидаю.

— Значит, как бы чувствовал... Это хорошо... А что ты, позволь полюбопытствовать, делаешь? — спросил старик Векшегонов, чтобы не сразу объяснить причину прихода.

— Муравьёв проверяю.

— Ну и как?

— Все, как я и думал. А дальше о чем спросишь, Иван Ермолаевич?

— Не знаю, как и начать, Адам Викторович... Насчёт правнука хотел спросить.

— Какого правнука?

— И твоего и вроде бы как моего тоже... Дело-то ведь теперь ясное.

— Кажется, проясняется, — слегка нахмурившись, сказал Красноперов. — А что ты хотел спросить о нем?

Иван Ермолаевич снова замялся и не сразу объявил цель своего прихода.

— Да так, вообще... На кого хоть похож он? На неё или на этого, который... Ну как бы сказать, не то чтобы свинья, а боров порядочный. На кого он похож все-таки?

Адам Викторович хотел сначала отмолчаться, а потом, опустив голову, ответил:

— На борова.

— Ну да, конечно...

— Черноватый он волосиками? — осторожно задал Иван Ермолаевич новый вопрос.

— Не разглядел, Иван. В шапчонке его видел. Проездом. На станции. А разве суть в цвете его волос?

— Да нет. Я только к тому, Адам, завёл речь... Если он на Ийю похож, тогда ни у кого никакого вопроса нет. А то, сам понимаешь, вчерашний-то день только в календаре кончается, а в жизни за тобой тащится.

Адам Викторович снова хотел отмолчаться, но не утерпел:

— Вот что, Иван, ты Алексею дед, и я ей дед. Ты любишь своего, и я свою сироту люблю. Она не только без отца и без матери, но и без бабки на меня осталась. В военные годы Ийя росла. Недокормышем. Недосмотрышем. И никто на неё ласкового взгляда не кинул.

— А мой Алёшка?

— Взгляд ли это был? Может быть, только малиновый хмель да нежелание упустить то, что само в руки даётся... Я не виню за это внучку. Если солнышко в её душу не заглядывало, так пусть в ней хоть отблеск от чужого окна сверкнёт.

Иван Ермолаевич забеспокоился и стал упрашивать:

— Не надо так, Адам, казнить меня за внука. Хочешь, я тебе в ноги поклонюсь?

— Ты ей поклонись. Она стоит этого. Она большего стоит. И это не дедовское умилительное славословие. Это стих, не могущий быть рождённым немощью языка моего. Это сама правда, ослепляющая величием своим.

— Адам, ты попроще. Я ведь мало учен и не так чтобы много книг прочитал, — взмолился опять Иван Ермолаевич. — Прости, что я насчёт Ийиноного сыночка от всей души любопытствовал.

— Да что ты опять, Иван, у меня прощения просишь? В её судьбе я даже не пятое колесо. Но если бы случись при Алексее сын или дочь от Руфины Дулесовой или от какой-то другой разлучницы... Ийя не стала бы спрашивать, чёрен он, белобрыс или рыж, кривобок или горбат. Она бы прижала его к своей груди и назвалась матерью.

— Так и Алёшка то же самое говорит, — стал оправдываться Иван Ермолаевич. — Он давно его сынком своим называет. И мы его со Степанидой за родного полюбили заглазно. А Ийя даже поминать о нем не велит. Имечка не называет.

— И правильно делает, — твёрдо сказал Адам. — Малый дитенок не курёнок. Им нельзя играть. Нужно Алексею с Ийей о самих себе решить, а потом уж и...

— Самим о себе им решать нечего, — заговорил Иван Ермолаевич круто. — Все решено. И перерешения никакого не может быть. Это я говорю тебе. Ты меня знаешь, каков я в гневе. Если что не так, не пожалею и любимого внука от сердца оторвать. Они для меня четыре года муж и жена. Весной венчаны, любовью обручены, как и мы со Степанидой Лукиничной. Понял ты или нет этот стих?

— Да вроде начинаю понимать, — ответил все ещё насторожённо Красноперов.

— Как звать правнука, Адам?

— А как бы тебе хотелось, Иван?

— Мало ли как... — Иван Ермолаевич вдруг прослезился. — Не обо всем скажешь, чего хочешь, о чем думаешь.

— А ты не бойся своих желаний. Глядишь, они и сбудутся.

— Не морочил бы ты меня, Адам, дал бы ты мне челябинский адресок...

— А зачем он тебе? — спросил Красноперов, испытующе глядя из-под очков на присмирившего Ивана Ермолаевича.

— Хочу сам поехать туда. Сам его в дом ввести. Сам!

— Ну что ж, — поразмыслил Адам Викторович, — коли такое у тебя желание, я противиться не буду. Только адреса наизусть не помню. Улицу знаю, а номера запомнил. Зайди в дом, там я тебе его и запишу.

Адам Викторович поднялся, не торопясь взял скамеечку и, широко шагая, направился к дому. Векшегонов рысцой побежал за ним.

16

Давно не бывал в этом доме старик Векшегонов. Ничего здесь не переменялось. Те же чучела птиц, жуки и бабочки под стеклом на иголках. И тот же запах.

Проведя Ивана Ермолаевича в свою комнату, Красноперов прошёл в соседнюю. Это была комната Ийи. Вскоре, вернувшись, Адам Викторович сказал:

— Иваша, посиди здесь малость, а я сбегаю на трамвайную остановку. Что там ни говори, а ведь мы теперь каким-то боком родня. И хоть четвертинку, да надо распить.

— О чем разговор? Я ведь, Адам, сюда тоже к тебе не чужим человеком шёл. Не изволь беспокоиться, пол-литра при мне.

Это развеселило Адама:

— Спасибо, Иван. От души спасибо. Хорошо, что ты подумал об этом... Только уж ты извини меня, в своём доме гостевой водки не пью. Я сейчас... Да и не только ради этого я уйду. Ещё кое-что хочу.

Оставшись один, Иван Ермолаевич стал рассматривать стены, просевший от времени пол, старую кафельную печь. Все было ветхо. Отжил дом старого лесничего.

Думая о доме, Иван Ермолаевич не расслышал, как скрипнула дверь и как из Ийиной комнаты появился малыш.

— Ты кто? — спросил он.

Иван Ермолаевич оглянулся. В дверях стоял мальчик. На его головке вились крупными кольцами золотые кудри. Под писаными бровками цвели два синих василька.

«Не чудится ли?» — испугался Иван Ермолаевич и, проверяя себя, робко спросил:

— Ты тут живёшь?

И мальчик ответил голосом Ийи:

— Нет. Я тут не живу, а жду.

У Ивана Ермолаевича задрожали руки. Но это было не наваждение. Все же ещё раз нужно проверить:

— А чего же ты ждёшь тут, кудряш?

И опять зазвенел голос Ийи:

— Жду, когда мама поведёт меня к папе.

— А как звать твоего папу, красавчик?

Мальчик ответил отчётливо и заученно:

— Так же, как и меня, Алексей Векшегонов. Только он Романович, а я Алексеевич.

Этот ответ ничего уже не прибавил к увиденному и понятному минуте назад. Но как нужно было поступать и что делать дальше, Иван Ермолаевич не знал.

Схватить мальчика? Зацеловать его?

Но какое впечатление произведёт это на ребёнка? Не напугает ли он его своей трясущейся бородой? Нужно было спросить что-то ещё, чтобы сдержать душасщие Ивана Ермолаевича слезы. И он сказал:

— Хорошее у тебя имя — Алексей Векшегонов.

— А тебя как зовут?

Этот вопрос застал врасплох Ивана Ермолаевича.

— Меня? — замялся он. — А я, понимаешь, тоже, шут побери, Векшегонов.

Мальчик лукаво посмотрел на Ивана Ермолаевича и не поверил ему:

— Такие Векшегоновы не бывают.

— А какие же они бывают, Алешенька?

— Такие, которые никогда не плачут. Никогда-никогда. Хочешь, — сказал он, подбегая к Ивану Ермолаевичу, — щипни мою руку, больно-пребольно, и я не зареву. Щипай!

Иван Ермолаевич наскоро утёр рукой глаза и уже совсем по-свойски сказал:

— Зачем же мне испытывать тебя, дорогой товарищ Векшегонов? Я и без того вижу, что ты стойкий мужик.

Маленькому Алёше это очень понравилось:

— А мы, Векшегоновы, все такие... И папа, и дедушка, и пра.

— А пра-то кто? — спросил Иван Ермолаевич, усаживая мальчика на колени.

— Пра — это самый главный мой дедушка, Иван Ермолаевич.

Сердце старика сладко сжалось. Слезы опять были готовы хлынуть из его глаз. Но он боялся уронить своё достоинство перед маленьким Алёшей. Ему так хотелось сказать, что он и есть его пра Иван Ермолаевич. Но было страшно: вдруг да Алёша опять не поверит ему? И он спросил:

— А откуда ты так хорошо знаешь про этого самого пра?

— От мамы. У меня ещё и дядя есть. Дядя Серёжа. У него ружьё и собака. А у бабушки-пра вылеченная кошка. Мурзей.

— Это хорошо. Славная, стало быть, у тебя мамочка, Алешенька. Ну а папочку-то ты своего узнаешь, ежели встретишь его?

Алёша вытаращил глазёнки, как будто ему задали несуразный вопрос. Не отвечая, он спрыгнул с колен Ивана Ермолаевича и убежал в комнату. Оттуда он вернулся с альбомом.

— Вот смотри! — сказал он. — Это папа... Это тоже папа... И это папа... И это... А тут он маленький. Видишь, какой он похожий на меня.

Для переживаний Ивана Ермолаевича данных оказалось более чем достаточно. А маленький Алёша безумолчно щебетал, рассказывая о своём отце такие подробности, что трудно было поверить, что эти слова принадлежат ребёнку.

Послышались шаги. Это вернулся Красноперов. Войдя, он поставил на стол четвертушку и как ни в чем не бывало спросил:

— Ну как ты тут? Жив ещё?

Старики молча обнялись. Алёша смотрел на них, широко раскрыв глазёнки. Адам Викторович погладил мальчика по головке и весело сказал ему:

— Сегодня кончились твои ожидания, Алексей Алексеевич. Ты пойдёшь к отцу. Тебя твой дедушка-пра отведёт домой.

— Правда? — с дрожью в голосе спросил Алёша.

— Разве я когда-нибудь обманывал тебя, Алексей Алексеевич?.. Варвара Акимовна! — крикнул Красноперов.

Появилась знакомая Ивану Ермолаевичу старуха Веснина. Она будто ждала вызова, находясь где-то за дверью.

— Здравствуй, Ермолаевич.

— Здравствуй, Акимовна.

— Грибков подать? — спросила она. — Или ещё что?

— Да нет, Варвара Акимовна, — ответил Красноперов. — Одень, обуй Алексея Алексеевича. Сегодня он войдёт в свой дом.

— Это раз-раз, — заторопилась Варвара Акимовна. — Где ты, птенец?

— А я сам... Я сам, — послышался голос мальчика, силящегося надеть свою шубку.

У Ивана Ермолаевича вздрагивала в коленном суставе левая нога. Ему самому хотелось одеть Алёшу и как можно скорее взять его на руки. Да нельзя. Нужно блюсти чин.

Адам Викторович достал из шкафа банку с маринованными опятами и два стакана. Вышиб пробку. Разлил водку. Смерил, ровно ли налил. Потом сказал, кивнув на мальчика:

— Вот как оно бывает... Будь здоров, Иваша!

— И ты тоже! — чокнулся и поклонился Адаму Иван Ермолаевич.

Маленький Алёша притих. Он все ещё не верил, что его поведут к папе и маме.

Но его повели...

17

Адам Викторович проводил счастливого Ивана Ермолаевича до трамвая:

— Ты извини, но я не должен вводить его в твой дом. А вечером я наведаюсь. Прибереги свою поллитровку.

В вагон старик вошёл гордо через переднюю площадку. Он взял два билета, но занял одно место. Закутав и без того тепло одетого Алёшу в полы своей шубейки, он шептал ему:

— Счастье-то какое... Счастье-то какое, Алешенька...

В трамвае появились знакомые со станкостроительного завода. Они с любопытством смотрели на Ивана Ермолаевича, прижимающего к своей груди синеглазого мальчика. Перешёптывались. Недоумевали. Наконец одна из женщин, жена токаря Сударушкина, спросила:

— Кого ты и куда везёшь, Иван Ермолаевич?

А тот только и ждал этого вопроса. Ему так хотелось, чтобы все слышали его ответ. И он ответил громко. На весь вагон:

— Я везу домой своего правнука, Алексея Алексеевича Векшегонова.

И мальчик подтвердил сказанное:

— Да!

На улице ещё не начинало смеркаться, а Иван Ермолаевич так боялся, что он не успеет до сумерек. Ему хотелось пронести Алёшу на своих руках засветло по Старозаводской улице. И это ему удалось.

Старик медленно шёл мимо дулесовского дома, но, чувствуя, что этого недостаточно, остановился, спустил с рук маленького Алёшу и сказал:

— Теперь маленечко своими ножками пошагаем.

Алёше давно хотелось пробежаться по незнакомой дороге. И он побежал по ней.

— Товарищ Векшегонов, — нарочно громко предупреждал правнука Иван Ермолаевич, — не споткнись смотри, а то мне знаешь как на орехи от твоего папочки достанется.

Это слышали многие. Сегодня будет о чем поговорить на Старозаводской улице.

А Степанида Лукинична то и дело смотрела в окно.

— Да что ты, бабушка, ждёшь кого, что ли? — спросил Алексей.

— Дед где-то запропастился...

— Явится. Никуда не денется, — успокоил он бабуку и продолжал рассказывать Ийе о новом станке.

Иван Ермолаевич вошёл в дом так тихо, что никто и не слышал, как он раздел в прихожей Алёшу. Приведя мальчика в полный порядок, он торжественно ввёл его в большую горницу.

У Степаниды Лукиничны запал язык. Стоявшая спиной Ийя не заметила вошедших. Алексей, сердясь, через силу доедая третью котлету, тоже не обратил внимания на появившихся.

— Кто это, Алешенька? — спросил Иван Ермолаевич и указал пальцем на Алексея.

— Папа! — бойко ответил мальчик.

Алексей замер, из его рук выпала вилка.

— Здравствуй! — крикнул Алёша и подбежал к отцу.

Алексей был белее снега:

— И! Милая И!.. Этого не может, И...

Алексей схватил маленького Алёшу, а Ийя, еле удерживаясь на ногах, прошла за перегородку.

— Вот как оно бывает, — повторил Иван Ермолаевич слова Красноперова и пошёл вслед за Ийей.

Степанида Лукинична все ещё не обрела дара речи. Она сразу узнала живое повторение своего внука. Ей не надо объяснять, что и как. И это так взволновало её, что у неё не оказалось даже слез. Она целовала такие знакомые ручки маленького Алёши и, может быть, впервые неодобрительно посмотрела на большого Алексея.

А до него только-только начинало доходить все случившееся.

Маленький Алёша, обнимая отца, не переставал шептать ему на ухо, не то утверждая, не то спрашивая:

— Ты папа... Ты папа... Ты папа...

Громко хлопнула дверь. Это вбежал Серёжа. Снова хлопнула дверь. Появились отец и мать — Роман Иванович и Любовь Степановна Векшегоновы. Слухи быстрее телеграмм.

— Доченька моя милая! — бросилась к Ийе Любовь Степановна и залилась слезами.

— Он! Он! Как две капли, — твердил Роман Иванович, любуясь маленьким Алёшей.

А мальчик, пугливо прижимаясь к отцу, не знал, скольких людей он соединил сегодня и скольких — размежевал.

18

Счастливую пору переживал старый векшегоновский дом. Неожиданное отцовство заполнило всего Алексея. Радость была так велика, что он не мог поверить в неё. Особенно ночью. Просыпаясь, он спрашивал себя: «Правда ли это?» А потом, вскочив, Алексей подбегал к белой кровати. В ней спал его сын. Сколько теперь в нем заключено!

— Милый мой, — шептал Алёша, — как хорошо, что ты ничего не знаешь о своём отце... Милый мой, как мне стыдно...

Стоя на коленях у белой кровати, Алексей хотел и не мог найти себе хоть какое-то оправдание. Почему не пришло ему в голову то,

что сейчас так ясно? Ийя в первый же день встречи прямо намекнула ему... А он? Как он теперь презирает за это себя...

Он знает, что Ийя никогда ни о чем не напомнит ему. В её доброй душе нет места для злой памяти. Зато Алексей навсегда сохранит в себе свой позор и никогда не даст ему замолчать.

Никто не знает угрызений совести Алексея Векшегонова. Да и до неё ли теперь людям на счастливом повороте его жизни, который не может не радовать даже вчуже всякого хорошего человека...

В людской молве снова вспомнилось забытое и родилась устная повесть, которая с каждым пересказом обрастала новыми подробностями. Имена Ийи, Алексея, Руфины и маленького Алёши называли и те, кто их не знал.

Старуха Митроха Ведерникова стала желанной гостьей многих домов. Уж она-то не от кого, а от самой Степаниды Лукиничны знала чистую правду и своими глазами видела векшегоновского правнука.

Живёт в народе неодолимая потребность рассказывания и слушания «роковых историй», особенно тех, где героями оказываются знакомые люди, с которыми можно встретиться и поговорить, а затем прямым или окольным путём узнать, что будет дальше.

На все лады прославляют люди Ийю Красноперову, приписывая ей самые лучшие черты женщины, матери, человека. Особенно приятно людям, что после долгой разлуки, когда любовь Алексея так широко раскрыла свои объятия, Ийя не захотела воспользоваться самым главным. Она не привела своего малютку, не поставила сына самой тяжёлой гирей на весах своего счастья. Значит, хотелось ей, чтобы сама любовь, а не кто-то, ни даже самое дорогое в этой любви — их ребёнок, соединила её с Алексеем. И это даёт повод, особенно женским устам, называть Ийю «большой силы женщиной, не ищущей для своей любви никаких подпорок».

Восторгаясь Ийей, люди приписывают ей и то, чего не было. Так уж водится. Молва никогда не знает меры.

Серёжа Векшегонов, затенённый счастливой развязкой любви брата, оставался пока незамеченным даже близкими. Было как-то не до него. А железный петух-флюгер на штоке башенки недостроенного дома, поворачиваясь туда-сюда по ветру, как бы

напоминал о Серёже. Петух, широко раскрыв клюв, как бы спрашивал: а с ним-то что будет? Что будет с ним?

Благожелательные и простодушные люди всегда хотят лучшего. Многим теперь казалось, что ничто уже не мешает Сергею и Руфине открыть счастливую дверь и зажить в мире. Многие ждали, что вот-вот задымит труба дома с башенкой и дым оповестит людей, что в оставленные комнаты пришло тепло. И это казалось неизбежным.

Мало ли какие неурядицы ссорят любящие пары, а жизнь мирит их.

Но дым из трубы пока не появлялся. Не появлялась на людях и Руфина Дулесова. На завод она ходила дальней дорогой — берегом пруда, чтобы не выслушивать соблезнований, советов и поучений. До них ли ей?

А маленький Алёша ходил посередине улицы с отцом или с дедушкой-пра. Ходил в белых валеночках, в синей шубке, отороченной серым мехом, и радовал всякого, кто встречался с ним. И каждый раз, когда мальчик проходил мимо дулесовского дома, Руфина оказывалась у окна. Она задёргивала оконную занавеску, но от этого ничего не меняется. Все равно мальчуган идёт мимо. Идёт не по улице, а по ней, по Руфине. Идёт и ступает не по рыхлому белому снегу, а по её, Руфинину, сердцу, брошенному ему под ноги.

Какое могущество в этом ребёнке! Могущество, которому нечего противопоставить. Теперь уже не остаётся никаких надежд.

День ото дня становится все тяжелее. И кажется, нет в её жизни просвета. Мать и тётка говорят одно и то же: «Надо перетерпеть, перемяться, а потом полегчает... У жизни на все есть лекарства».

Пустые слова. Это же не головная боль. Не насморк. Принял порошки или вылежался, и все. Не смягчает страдания и сон. Наоборот, ночью все оказывается гуще. Из памяти не выходит скандальная встреча с Иией на улице. Руфине все ещё хочется ненавидеть Иию, а совесть внушает уважение к сопернице. Руфина сопротивляется, а уважение растёт помимо её воли. Иия стоит перед ней, уверенная, спокойная, величавая. Она кажется высокой-высокой. И не во сне, а наяву Руфина видит себя рядом с Иией шипящей кошкой. А Иие мало дела. Шипи. Пугай. Угрожай.

Как хочется забыть, не видеть себя такой. Отсечь все. Перемениться. Уйти от своего «я». Самоуверенного «я». Самого злого врага, сидевшего в ней и натворившего столько бед. А этот враг, это ненасытное неизбывное «я» живёт в ней и теперь. И кажется, на семнадцатой линии она и теперь борется не за благополучие всех и для всех, а за благополучие своего «я». И звание линии — линия коммунистического труда, — которое рано или поздно будет присвоено, тоже должно украсить её «я», хотя она и пытается изо всех сил убедить себя, что не стремится к славе.

Себя не обманешь. Разум утверждает одно, а чувства — другое. Коммунистический труд исключает притворство. Видимо, в её душе ещё не родилось то, чем живёт Алексей и, конечно, Ийя, а теперь, может быть, и Серёжа. Их труд — смысл их жизни, а не способ существования. Они не кичатся, а наслаждаются сделанным. У Ийи семь или восемь новых синтетических материалов, созданных ею на химическом комбинате. Это огромный успех для молодого химика. Ийя могла бы назвать множество вещей и продающихся в магазинах, и пришедших на завод, а она всего лишь, как-то между прочим, сказала Николаю Олимпиаевичу: «Да, я принимала в этом участие».

Она всего лишь «принимала участие» в том, что принадлежит её уму и настойчивости. Об этом так определённо напечатано и в наших и в зарубежных журналах. Можно очернить и эту скромность, назвав её «скрытой гордыней». И Руфина уже пробовала искать в ней пороки, а нашли их в себе. Чего стоит история с «неизвестным сыном» Ийи. Как тогда она очернила её... А не ради ли счастья Алексея и Руфины скрыла Ийя в ту весну памятного школьного бала ожидаемое материнство и, уехав, не осталась даже тенью между Руфиной и Алексеем? Она не напоминала о себе все эти годы. Скрыла адрес. Похоронила себя для них. И теперь, спустя столько лет, когда не кто-то, а сама Руфина сломала свою первую свадьбу, Ийя не торжествовала.

Могла бы так поступить Руфина и хотя бы десятой долей походить на Ийю?

Нет, не могла.

Ийю можно ненавидеть, но не уважать её нельзя.

Томительны дни. Мучительны тёмные ночи. Но где-то в сознании Руфины брезжат просветы. Пусть отражённые, но брезжат.

Как хочется Руфине уйти от самой себя...

19

Николай Олимпиевич и на этот раз оказался добрым волшебником. И в это его появление у Дулесовых им, наверно, руководило не одно сострадание к Руфине, но и другие соображения.

Снова начала прихрамывать семнадцатая линия, от которой зависел ритм сборки малых, но очень нужных токарных станков.

Упадок духовных сил Руфины сказался на её работе. Промахи случались и там, где их невозможно было ожидать. Большинство участников бригады семнадцатой линии составилось из сверстников Руфины. Многие учились с нею в одном классе. Следовательно, в одном классе с младшим Векшегоновым. Серёжа ещё до назначения Руфины бригадиром стремился попасть на отстающую линию. Он постеснялся сказать об этом. А потом, когда там оказалась Руфина, ему не захотелось приходить в её бригаду. И она и другие могли в этом увидеть желание Серёжи встречать Руфину, работать с нею бок о бок. Мало ли как могли истолковать люди...

А вскоре получилось так, что работающие в бригаде сначала меж собой, а потом и на собраниях стали поговаривать о новом бригадире — о Серёже Векшегонове, за которым пойдут все ребята.

Сергей всегда был на хорошем счёту. Особенно теперь, после разлада с Дулесовой, ребятам хотелось его приободрить, поднять и зажечь большим делом.

Николай Олимпиевич решил убить сразу двух зайцев. Он пришёл и сказал Руфине:

— А не взять ли тебе отпуск да не махнуть ли в Москву?

В иных обстоятельствах такое предложение едва ли нашло бы отклик. В Москву? Одной? Зачем? Как и где устроиться?

А сейчас не возникло никаких вопросов. Николай Олимпиевич, прежде чем предложить что-то, всесторонне продумывает и обосновывает сказанное. Так было и на этот раз.

— Ты остановишься у Радугиных. Они будут рады. Они встретят тебя, Руфина.

Семья Радугиных знакома Руфине. Они гостили у Гладышева. Нина — молоденькая жена почтённого Модеста Михайловича Радугина — произвела очень хорошее впечатление на неё. Руфина и Анна Васильевна, сидя в гостях у Николая Олимпиевича, заметили, как Николай Олимпиевич старается обратить внимание Руфины на жену своего друга, словно роняя этим какую-то подсказку или желая оправдать приглашение в этот вечер Лидочки Сперанской.

Хоть и прост Николай Олимпиевич, да не всегда его легко понять. Вот и сегодня есть что-то такое в его заботе о Руфине, а что — не скажешь. Но об этом пусть размышляет мать, а Руфине не до того. Она рада пожить в большой квартире на Новопесчаной улице, увидеть Москву, побывать с Ниной в театрах, в Кремле, в прославленной Третьяковской галерее и... и не видеть ни Алексея, ни его сына, ни Ийю.

— А как же семнадцатая линия? — спросила Руфина.

— О, не беспокойся, друг мой... Была бы линия, а кому вести её, найдётся, — успокоил Николай Олимпиевич. — Решай.

И вопрос был решён. На другой день Руфина получила очередной отпуск. Сборы были недолгими, а проводы и того короче.

За окном вагона бежали сосны и ели. Горы все ниже и ниже. Выемки реже. И наконец последний тоннель. Урал позади.

Теперь позади, кажется, все. И люди, с которыми она в разладе, и улица, по которой стало трудно ходить, и семнадцатая линия, где она не очень прижилась...

А Серёжа был доволен переходом на семнадцатую линию. Она сулила что-то очень хорошее. Серёжа пока ещё не разобрался, в чем заключается радость его новой работы. Да и надо ли разбираться в этом? Какие бы чувства ни руководили им, он во всех случаях постарается оправдать доверие и надежды ребят, с которыми он учился.

В скобках нужно сказать, что в его бригаде появилась девушка по имени Капа. Та самая Капа, которая все ещё хранит бумажную ромашку с подклеенными лепестками.

Многим, и в том числе Николаю Олимпиевичу, кажется, что возвращение Руфины, работа в одной бригаде сдружит её и Серёжу. Но Капа так не думает. У неё свои суждения. Она в бригаде самая юная, а её голос звучит. К нему прислушиваются.

Капа предложила проводить ежедневные итоговые летучки после смены. И это было принято бригадой.

На одной из летучек она сказала очень коротко, но внятно:

— Мы станем линией коммунистического труда вовсе не с того дня, когда нас назовут так другие. Мы станем линией коммунистического труда с той минуты, когда каждый из нас почувствует, что мы стали такой линией. Потому что коммунистический труд в нас. В каждом и во всех вместе.

Серёжа слушал её и думал об Ийе. Думал не только потому, что у Капы с Ийей были схожи голоса. У них были схожи мысли. Наверно, не случайно Капа привязана к Ийе. Наверно, также не случайно Ийя оказывает так много внимания Капе, считая её чуть ли не своей подругой. И это очень подымает авторитет Капы в Сережиных глазах.

20

Маленькому Алёше первое время было трудно разобраться в новой родне. Очень много появилось родни. Легче всего ему было с бабушкой-пра. У неё столько сказок. И однажды была рассказана сказка о Фениксе.

Оказывается, маленького Алёшу, как и его отца, принесла в своём клюве сильная птица Феникс. Пока ещё сказка рассказывалась сокращённо и упрощённо. Она с каждым пересказом будет дополняться новыми подробностями, главную из которых он уже слышал.

Бабушка-пра шепотком сообщила Алёше, что светлая птица Феникс, улетаая, наказывала: «Если маленький Алешенька хочет вырасти таким же, как его отец, то он должен быть правдивым, добрым и работающим мальчиком».

Как он мог не хотеть вырасти похожим на папу? Он обязательно будет таким. В этом он был уверен до встречи с ним. Но что значит быть правдивым и добрым, мальчик ещё не понимал. Для этого ему нужно было узнать, что такое ложь и зло. Поэтому прабабке пришлось объяснить пока, что значит быть работающим.

А быть работающим — это значит помогать отцу, матери и обоим пра. Как помогать, Алешенька тоже ещё не знал. А помогать ему хотелось немедленно. Поэтому Степанида Лукинична стала давать своей новой «виноградинке-ненаглядинке, трудовой родовой дедовой косточке» первые поручения. Нитку вдеть в иголку. Налить кошке молочка. Не дать засохнуть старому фикусу и поить его каждое утро кружкой воды.

Не налюбуется Адам Викторович воспитанием Векшегонихи, глядя на мальчугана, выполняющего свои первые трудовые обязанности.

— Как ты только расстанешься с ним, Степанида Лукинична, когда Ийка увезёт его в Сибирь?

Степанида Лукинична ответила шуткой:

— Нынче разлука невелика доука. Сел на «Ту» — и ту-ту-у! Поехали с орехами к маленькому Алешеньке в гости... Так, что ли, шёлковая головушка?

— Да-да! — серьёзно ответил мальчик. — Мы с папой домой тоже на «Ту» полетим.

Домой? Значит, дом у него там, а не здесь?

Адам Викторович задумывается. Сказать легко «сел на „Ту“ — и ту-ту-у»...

— А не дорогонько ли будет на «Ту» летать туда и обратно? Да и годы наши в багаж не сдашь.

— За годы на самолёте денег не берут. Всех по одной цене возят. Ну а если цена окажется не по карману, то можно годок-другой и в Сибири погостить. Нам что? Мы с Иваном лёгкие на подъем. Было бы ради чего подыматься.

Адам Викторович больше не задавал вопросов. Закурил. Задумался.

Столько лет он прожил на одном месте. Знает каждую ёлку вокруг, каждую муравьиную кучу. Приезд Ийи с правнуком скрасил его одиночество. А уедут — что тогда? Он да кот. А худо ли посмотреть, как велика наша земля, как проснулся и зацвёл богатый край, где будут жить Алексей с Ийей и это маленькое кудрявое существо, которое ездит сейчас на красном трехколесном велосипеде и кричит на весь дом: «Ту-ту-ту-у!», воображая себя летящим на самолёте.

Прощай, Шайтанова дача, здравствуй, матушка-Сибирь!

О Сибири думает и Алексей. У него теперь одна радость рождает другую. Химический комбинат — лишь звено большого индустриального узла. Уже поднялись корпуса громадного завода нового машиностроения. Может быть, этот гигант и станет отцом первых самоходных фабрик. Алексей не пожалеет ни дней, ни ночей. Он приложит все силы, чтобы люди поняли, поверили в его замысел. Пусть для этого нужно отдать полжизни. Пусть!.. Лишь бы только зажечь людей. И если это случится, тогда не один ум, а сотни умов конструкторов, механиков, как один человек, как дружная бригада семнадцатой линии, осуществят то, что не под силу одному.

Коллективный коммунистический труд, где каждый человек как клеточка единого разума, становится в наши дни единственно возможным трудом. Минуло время, когда одиночка мог создать знаменитую прялку «Дженни» или сконструировать огнедействующую машину, построить первый паровоз и даже соорудить простейший самолёт. Века потребовались бы одиночке, чтобы запустить в небо космический корабль, для расчётов и конструирования «умных» кибернетических машин. Привычный для нашего глаза современный самолёт и тот обязан своим полётом конструктору-коллективу, создающему по частям и частицам единое целое в сложнейшем и творческом взаимодействии.

Сложны детища новой техники, будь то атомный ледокол, электрическая станция, автоматическая производственная линия или маленький карманный приёмник, — в каждом из них усилия многих умов. И если какой-то из них оказывается первенствующим, то все же не становится единственным.

Этими мыслями живёт Алексей Векшегонов, не чувствуя себя одиноким открывателем. Новое всегда впервые приходит в чью-то

голову, но это первенство открытия для Алексея тоже относительно. Мир, состоящий из миллионов мыслящих людей, насыщен идеями, которыми люди взаимно обогащают друг друга.

И в этом великом взаимном обогащении в чьём-то разуме происходит наиболее счастливое скрещение идей и рождается открытие. Открытие, принадлежащее всем, потому что и самый талантливый открыватель всегда обязан обществу всем — от первой буквы букваря, которую он познал, до гениальных свершений в науке, технике, искусстве... Везде и всюду.

Сибирь — молодость. Это край молодых. Это неоглядный простор для поисков. Сибирь вся в завтрашнем дне, и его место там, на переднем крае технических дерзаний.

Он уже рвётся туда, он готов отправиться хоть завтра, но, оказывается, это теперь не так просто. У него семья. Ийя продолжает напоминать ему о Гагре. Адаму Викторовичу необходимо распродаться. Дед тоже хочет поехать и пожить вместе с правнуком месячишко-другой. А бабка, Степанида Лукинична, сделав серьёзное лицо, вчера сказала за вечерним чаем:

— Я думаю, Алексей Романович, не худо было бы после четырех-то-летней проверки супружество-замужество оформить, если, конечно, другой у тебя на примете нет.

Это вызвало взрыв смеха. Засмеялся даже маленький Алёша. Засмеялся потому, что смеялись все. И отец, и мать, и дедушка-пра.

Иван Ермолаевич, видимо обсудив с женой заранее, сказал так:

— В это воскресенье готовьтесь к венцу. Свадьба будет малой и пешей. Других предложений нет?

— Нет, — ответил маленький Алёша.

Снова хохот.

— Ну, тогда так и запишем.

Далее выяснилось, что все разработано, предусмотрено и оговорено.

Пешая свадьба когда-то была очень распространённой в уральских рабочих семьях. Иван Ермолаевич считал её самой правильной и самой красивой. Такая свадьба была у его отца, у него самого, у сына Романа. Все на виду. Все на народе. Такая свадьба будет и у Алексея.

Пусть видит Старозаводская улица, как они пойдут в загс.

Ийя будет регистрироваться в фате. При коммунизме тоже неплохо сохранить фату и белое платье невесты. Свечи — это другое дело. А кольца? Как можно без колец! Хмелем, конечно, не обязательно осыпать, но бить посуду не помешает. Не ах какие тарелки у Векшегоновых. Давно от них избавиться пора, да не бьются, шут бы их побрал.

С ними пойдёт и Алёша. Он пойдёт впереди. Так решила бабушка. Пусть все смотрят. Скрывать нечего, а показывать есть что.

И вот пришло воскресенье. Из ворот вышли жених с невестой.

За женихом с невестой вышли отец и мать, Роман Иванович и Любовь Степановна. Потом появились двое стариков Векшегоновых и Адам Викторович в новой тройке довоенного шитья. В смысле — до первой империалистической войны.

С боков жениха и невесты шли их друзья.

Митроха Ведерникова из любопытства пристроилась было в хвост. Но её вскоре оттеснили. Пристала бригада семнадцатой линии.

Старозаводская улица хоть и не так длинна, но короткой её тоже назвать нельзя. Семь кварталов.

Маленький Алёша устал. Бригадники семнадцатой линии его несли по очереди на руках. Он помахивал ручкой и говорил всем: «С Первым маем». А на улице ещё не растаял снег. Разве он понимает, что это не демонстрация, а свадьба его отца и матери...

Акт регистрации происходил во Дворце бракосочетаний. Дворца пока никакого не было. Его только строили, а как учреждение он уже существовал и занимал временно маленький лекционный зал и три примыкающие к нему комнаты во Дворце культуры металлургов и станкостроителей. Потребность в свадебном ритуале не могла дожидаться окончания строительства нового здания. И старикам и

молодым не хотелось обычной загсовской регистрации. Расписался — и все. Хотелось обрядности. А обрядность ещё только-только рождалась. Её искали. Ездили в Ленинград. Там было что перенять. И переняли.

А вечером собралась в старом дедовском доме вся векшегоновская родня.

Теперь Ийя стала Векшегоновой, законной женой, при всем народе венчанной, дорогой снохой, милой внученькой, белой птицей Фениксом, принёсшей второго Алёшу из предбудущих времён.

По этому поводу Иван Ермолаевич произнёс загодя заготовленную здравицу:

— Да не будет переводу нашему старому рабочему роду, как не будет конца жизни Фениксу, сгорающему в огне и возрождающемуся из своего пепла, согласно старым легендам, а также согласно Большой Советской Энциклопедии, том сорок четвёртый, страница пятьсот девяносто восьмая...

Адам Красноперов обливался слезами счастья. Пусть окостенеет тот язык, который скажет, что в нем плакала водка. Она всего лишь дала волю слезам, а слезы были настоящими солёными слезами давнего горя за свою неприметную, сухопаренькую внучку, обернувшуюся теперь такой красавицей-счастливицей.

22

Свадьба продолжалась и на второй день, и на третий. Иван Ермолаевич старик хлебосольный и широкий, а дом у него рублен не по масштабам круга знакомых дружков и приятелей. Поэтому пришлось свадьбу разбить на три вечера, на три очереди. В первый вечер коренная родня, потом — дальняя и ближние соседи и, наконец, цеховой «пензион», то есть товарищи по цеху, вышедшие на пенсию.

Жених и невеста терпеливо высидели все три сеанса, исправно целуясь, когда кричали «горько», и терпеливо выслушивали длинные здравиты, напутствия и солоноватые присловицы.

Ничего не поделаешь, все это делается от чистого сердца, да и нельзя обидеть дедушку с бабушкой и старика Красноперова. Потому что свадебные торжества молодой четы Векшегоновых были торжествами стариков.

Степанида Лукинична каждый раз надевала новое платье, а в последний вечер дважды сменила свой туалет. Возраст не помешал ей наряжаться в яркое и светлое, а быстрые ноги позволили пройтись белой утушкой в «барыне» и уморить своего кавалера Макара Петровича Логинова в «полечке». Он франтовато подстриг свои седые усы, как две зубные щётки, а бороду клинышком и показывал, «какие кренделя ещё могут выводить его циркуля в остроносых чибриках».

Вспомнились и старые игры. Старики садились на пол, как в лодку, и гребли вместо весел ухватами, помелом, хлебной лопатой и пели «Из-за острова на стрежень...». Ийя не отказалась быть княжной. Её схватил в охапку тот же Макар Логинов, изображая Разина. Он театрально пропел «и за борт её бросает в набежавшую волну» и бросил Ийю на руки Алексею.

Помниться будет дорогим гостям векшегоновская свадьба. Будет что рассказать старикам о весёлом пиршестве. Да и молодые не забудут о трехдневном пире, где метровые пироги тягались румянностью да сладостью с шаньгами всех сортов и видов, а шаньги никли перед горой блинов, а гора блинов пятилась со стола, когда появлялись разукрашенные ранней зеленью тетерева и глухари, гуси и утки, а потом заправские мёды, добытые в далёкой кержацкой деревне, где все ещё хранились тайны приготовления древних питий.

Повытряхнула стариков Векшегоновых эта свадьба. А им горя мало.

— С голоду не помрём, по миру не пойдём... А если нехватка случится, старую баню на дрова продадим, и опять гулять можно, — шутит Иван Ермолаевич.

Помниться будет Алёшина свадьба и Лидочке Сперанской.

Нарядный и молодцеватый Николай Олимпиевич Гладышев весь вечер танцевал с Лидочкой. Танцевал «вальжно и марьяжно», как справедливо заметил Роман Иванович Векшегонов. Заметив так, он взял бутылку шампанского и сказал:

— А нет ли в тебе, Николай, какой-то схожести с этим вином?

— В чем же, Роман, такая схожесть? — мягко, но заинтересованно спросил Николай Олимпиевич.

— А ты сам догадайся, — сказал Роман Иванович и улыбнулся Лидочке. — И чего вы только смотрите на эту «бутылку при белом жилете»? Взяли да и свернули бы головку вот так...

Тут Роман Иванович освободил от проволоки бутылку шампанского. Раздался хлопок. Тёплое вино хлынуло наружу. А Роман Иванович, довольный этим, снова обратился к Лидочке:

— И кто бы мог подумать, что в этой бутылки столько силы, столько игры? Позвольте вам налить, Лидия Петровна, и предложить выпить вместе со всеми дорогими гостями за то, что всем нам давно в голову приходит, да на язык перейти побаивается.

— Спасибо за тост, Роман Иванович, — сказала Лидочка и повернулась к Николаю Олимпиевичу: — За благополучное выполнение плана нашего завода в этом месяце!

Такой поворот всем очень понравился. Добрый смех прозвучал за столом, а Роман Иванович, далее не сумев удержаться на высоте изящной словесности, сказал Николаю Олимпиевичу:

— Не играл бы в прятки сам с собой. Да не боялся бы осуждения, которого нет. Погляди людям в глаза — и увидишь, что все тебе, байбаку-вдовцу, хотят счастья.

И все захлопали, закричали «правильно», а кто-то потребовал даже проголосовать предложение Романа Ивановича.

Николай Олимпиевич хотя и пытался свести это на шутку, но это ему не удалось.

— Теперь тебе и провожать Лидию Петровну, — сказал в конце вечера Роман Иванович.

— Я бы и сам догадался, Роман, — оправдывался Гладышев.

Николай Олимпиевич и Лидочка оказались на улице. Он взял её под руку. Дома спали. На улицах ни души. Он да она. Он — такой притихший, боязливо вздыхающий. А она — лёгкая, уверенная, посмелевшая.

— Не обращайтесь внимания, Николай Олимпиевич... Мало ли что болтают на свадьбах...

— Разумеется, это так, Лидочка... Но если болтовня находит отклик в твоей душе и ты хочешь повторить её всерьёз, то что тогда?

Сердце Лидочки затрепетало, а она спокойнехонько сказала:

— Я, право, не знаю, что тогда.

— И я не знаю...

— Тогда спросим у других, — слышался упавший голос Лидочки, а потом она как-то строго и наставительно сказала: — Но во всех случаях не стоит ходить в расстёгнутом пальто.

Лидочка остановилась и принялась старательно застёгивать на все пуговицы пальто Николая Олимпиевича.

И кажется, все уже было ясно. И кажется, ничто не мешало Николаю Олимпиевичу продолжить начатое сегодня Романом Ивановичем Векшегоновым. Лидочка так была готова к этому. Одно движение, одно слово и...

Этого не произошло. Застенчивость и, может быть, что-то более значительное не позволяли Николаю Олимпиевичу признаться в своих желаниях.

— Благодарю вас, Лидочка, — сказал он после того, как Лида застегнула последнюю пуговицу его пальто. — Мне так приятны ваши заботы. Мне так льстит ваше внимание ко мне, и я так счастлив возможности идти с вами рядом. Иногда я рисую себе таким вероятным наше...

Тут он, не договорив, принялся раскуривать потухшую трубку. А раскурив её, потерял течение своих мыслей и кратко заключил:

— Люди должны быть благоразумны!

— Несомненно, — согласилась Лидочка и, подняв у своего пальто воротник, ушла в него.

Была Лида, и нет её.

Может быть, он и прав. Может быть... Но хочется, так хочется думать, что Николай Олимпиевич не верит своей «правоте».

Ийя настояла на своём. Алексей согласился отправиться в Гагру. Билеты заказаны. Укладывается багаж. Маленький Алёша сидит, притихший, на скамеечке за старым фикусом.

Ему оба пра и дядя Серёжа внушили, как необходимо маме и папе поехать в Гагру, куда не пускают маленьких. Алёша пообещал не плакать и не скучать. Пообещав все это, он старается теперь держать своё обещание. Но он еле сдерживает себя.

Почему он должен остаться с холодным стеклом в рамке, откуда смотрит его папа? Он уже достаточно нагляделся на этот портрет, когда не знал и не видел живого папу. А теперь он встретился с ним и узнал, какие у него тёплые и чуть колюченькие щеки и какой большой и такой гладкий лоб. Зачем же он снова должен жить с неживым отцом в рамке и слюнявить холодное стекло?

Неужели мама не понимает, что ему трудно ждать, когда папа уходит даже на минутку? Она купила медведя, который рычит, и электрический фонарик... Зачем ему этот фонарик и этот медведь без отца?

Невесело было в кудрявой головке Алёши. Он долго крепился, а потом спросил:

— Мама, а ты не можешь поехать одна?

Ийя ответила сыну звонким смехом и поцелуями. Алексея же не рассмешило это. Он подошёл к сыну и спросил его:

— Алексей Алексеевич, тебе хочется, чтобы я остался с тобой?

Мальчик не ответил. Он опустил голову.

— Сын, я тебя спрашиваю: хочешь ли ты, чтобы я остался с тобой?

— Нет, — тихо ответил маленький Алёша. — Мне не велели хотеть...

У Алексея опустились руки. Он оставил чемодан. Потом взял на руки сына и сказал:

— Мальчик мой, ты ещё очень мало знаешь своего отца. Сейчас ты узнаешь его немножечко больше.

В непонятных словах отца слышалась какая-то надежда.

Алёша обвил ручонками шею Алексея.

Вошла Степанида Лукинична, слышавшая в кухне этот разговор.

— Как это ты, Лешенька, — стала она увещевать мальчика. — Обещал, а теперь на попятную?

— Молчи, сын! — предупредил Алексей. — Ты умеешь держать своё слово. Молодец. А я... Я не давал никому никакого слова. Ийя, или мы остаёмся, или едем вместе с Алёшей.

Ийя не стала спорить. Её очень растрогало решение Алексея. И она хотела взять на руки сына и порадоваться вместе с ним. Но тот не пошёл к ней.

Это задело мать. Но не обидело. Сын был прав. Нельзя было разлучать с отцом мальчика, так недавно нашедшего его.

Векшегоновы, решив ехать втроём, уехали вчетвером. Степанида Лукинична, пораздумав, прикинув, сказала:

— Хороша троица, а без четырех углов дом не строится. Замаетесь вы там без меня с мальцом.

Это очень обрадовало Ийю. А об Алексее нечего и говорить. С бабушкой он везде дома.

Иван Ермолаевич с гордостью рассказывал потом старикам:

— В мягком, стало быть. Все четыре полки ихние. Только своя семья... И я бы мог, да как-то родной лес дороже. Давно уж моё ружьишко по боровой птице плачет... Самая золотая пора.

Любил Иван Ермолаевич начало весны, с первых сосуллек, с первого ручейка. На Урале самобытная, пугливая весна. Покажется, улыбнётся, дохнет теплом, а потом как будто и не бывало её. И проталины заметёт, и небо затемнит. Но все равно, коли уж ей приходиться пора, то темни не темни, а никуда не денешься — посветлеешь, потеплеешь и сдашься.

Редкий день не ходит по лесу Иван Ермолаевич. Есть теперь о чем ему с лесом поговорить. Каждому дереву хочется рассказать, как пришли к нему радости в старости.

Все хорошо, с Серёжей только бы наладилось. Хоть и не пример Алексею, ближе к отцу с матерью, а все равно внук.

Не хочется Ивану Ермолаевичу, чтобы Сергей вернулся под крутую крышу пряничного домика. Нельзя прощать кривой игле, Руфке Дулесовой, сердечных обид. Наверно, не зря в Москву уехала. Явится после разлуки в хитром наряде, в модном окладе и заведёт опять по весне молодого тетерева в тёмный лес. Красота — самый сильный капкан. А Руфка — ничего не скажешь, картина. У старого человека глаз ломит, на неё глядячи, а уж про Серёжу и говорить нечего.

Напрасно горюет о втором внуке Иван Ермолаевич. Сходить бы ему на семнадцатую линию да посмотреть, чем живёт теперь Сергей Векшегонов, как горят его глаза, какая весна у него на душе. Коротким кажется рабочий день. Малым кажется двойное перевыполнение норм. И это всего лишь начало, только начало. Что ни день, то новое ускорение. Иногда совсем незначительные усовершенствования тянут за собой пересмотр привычных операций, а затем и узлов сборки. И нет на линии ни одного успокоенного человека. Нет и не может быть для них последней ступени лестницы, последнего достижения, за которым стоит черта и слово «стоп».

Семнадцатая линия не из главных на заводе. Она всего лишь приток притока большой реки сборки. Малый ручей, а громко журчит. Эти кем-то сказанные слова перешли с уст на уста, и линию стали ставить в пример.

Слава коллектива — это не слава одиночки. У неё иной аромат. Счастливые дни переживает бригада. Полным-полны новыми замыслами горячие головы. И не одной своей линией живут они. На них смотрит завод. Они впереди. Они ведут. Поэтому им, как никогда, нужно было работать собранно, не упускать даже малейшей возможности сделать больше, лучше, скорее. И для этого были все основания, но произошло нечто неожиданное.

В цехе появилась Руфина. Она ещё не вышла на работу. У неё ещё не кончился отпуск. Она пришла просто так. Увидеться.

Посмотреть. В этом нет ничего ненормального. Ненормальное заключалось в том, как она пришла.

— Ну как вы тут без меня? — спросила Руфина. — Говорят, получается?

Капа выронила гаечный ключ. И он громко звякнул. Это заставило Руфину улыбнуться:

— И ты теперь у меня в бригаде?

Капа, ничего не ответив, посмотрела на Серёжу. И Серёжа ответил Руфине:

— Да, Капа в нашей бригаде. — Он выделил слово «нашей». И это было замечено Руфиной.

— Наше может быть и моё. Страна тоже наша. Но и о стране можно сказать «моя». «Широка страна моя родная», например.

Никто не отозвался. Руфина сделала вид, что не заметила этого, обратилась к Сергею:

— А ты выполняешь обязанности бригадира?

— Нет, — сказал он. — Сегодня не я исполняю обязанности бригадира, а Катя. Мы по очереди исполняем обязанности бригадира, как дежурные в классе.

Такой ответ удивил Руфину:

— Странно! А кто же отвечает за линию?

— Все, — односложно сказал Серёжа, продолжая работать.

— Интересно. Очень интересно...

Руфина почувствовала, что ей лучше всего не продолжать расспросов. Но нужно было как-то «закруглить» не очень складный разговор. И она сказала:

— Не буду вам мешать. Желаю успехов, друзья!

Как будто ничего не произошло. Бригада работала дружно, как всегда. Когда же окончилась смена и был подведён, как всегда, итог сделанному, он никого не обрадовал. Бригада сделала очень мало. Видя огорчение товарищей, Катя Шишова, исполнявшая сегодня обязанности бригадира, сказала:

— Секретарю комитета комсомола нужно сказать сегодня же все как есть.

Катю никто не переспросил, что значат слова «все как есть», потому что каждому было совершенно ясно, что стоит за этими словами. Потому что бригада состояла из людей, которые были связаны не только производством.

— Хорошо, я исполню ваше желание, — отозвалась Капа, хотя её никто не попросил об этом. Но ведь кроме языка есть и глаза. А глаза, много глаз дали ей это поручение.

И когда она, вымыв руки, сняв комбинезон, отправилась выполнять поручение, Катя Шишова остановила её:

— Подожди! Мы должны пойти вместе. А тебе не надо туда ходить, — сказала она Серёже. — Не надо.

Как жаль, что нет Ийи. У неё всегда находятся для Сергея нужные слова и точные советы. Вспомнив об Ийе, Серёжа подумал о Капе. «У Капы тоже найдутся нужные слова».

Бригада разошлась. Ушёл и Серёжа. Шёл он медленно, думая о Руфине. О выражении её глаз. Она, кажется, оправилась от всех потрясений. Как у неё все просто.

Он завидовал её характеру, её умению владеть собой. Если бы он мог так. Нет, не нужно ему хотеть этого. Он ни над кем не хочет главенствовать. Он в бригаде равных. В бригаде чутких и добрых товарищей. Дорогих и близких людей. Такой никогда не станет Руфина. Поэтому она должна уйти из этой бригады. Ей будет трудно в ней. Ей не понять и не принять тех чувств, которые связывают бригаду. Она будет чужаком и, не желая, разрушит то, что ещё только-только рождается.

Серёжа плохо ел, был рассеян за столом. Это заметила мать и сказала:

— Теперь тебе нужно взять отпуск!

— Хорошо, я подумаю, мама, — сказал он, знай, что отпуск сейчас невозможен.

Вечером пришли Капа и Катя.

— В комитете сказали, — начала Катя, — что нужно не избавляться от таких, как Руфина, а перевоспитывать их в коллективе хорошей бригады.

— А ты что сказала на это?

— Серёжа, это правильно, — ответила Капа. — Это правильно. Мы признали это... Признали и сказали, что Руфина должна жить по законам бригады. Сменное бригадирство. Подчинение большинству. Правдивость. Забота. Помощь... Ну, ты же знаешь, о чем я говорю.

— Кажется, ты права, Капа.

— Ну вот видишь, Серёжа... И больше не будем об этом говорить.

— И не будем, — согласился Серёжа. — Спасибо тебе. Ты умеешь вносить ясность...

Капа громко расхохоталась.

— Какие милые и редкие слова — «вносить ясность»... Пойдём, Катя, и внесём ясность для остальных. Они же переживают.

Кате Шишовой нужно было забежать домой, а может быть, она хотела оставить Серёжу и Капу наедине. Вернее всего, что это было именно так.

И когда Капа и Серёжа оказались с глазу на глаз, она взяла его руку и начала так:

— Серёжа, тебе, наверно, уже мала та косоворотка, которую я вышила тебе давным-давно? В восьмом классе...

— Да нет, Капа... Она, оказывается, была сшита с запасом. Я недавно примерял её. И она, понимаешь, ничуть не тесна.

Капа не скрыла счастливой улыбки. Она ничего и никогда не скрывала и не будет скрывать от Серёжи.

— Я очень рада, Серёжа, что косоворотка мною шилась с запасом и ты не вырос из неё.

Как любила Капа прибегать к иносказаниям и находить слова двойного и даже тройного звучания!

— А почему ты, Капа, заговорила о косоворотке?

И та ответила:

— Кажется, искала зацепку, чтобы поговорить о Руфине. Тебе, наверно, понятно, Серёжа, что ни я, ни Ийя не можем любить Руфину.

— Конечно, понятно.

— Но понятно ли тебе, Серёжа, что не любить ещё не означает ненавидеть, желать зла, неудач... Ведь мы на семнадцатой линии объединились не только для того, чтобы работать по-коммунистически, но и жить... Или хотя бы стремиться жить как можно правильнее.

— Что значит правильнее, Капа? Руфина тоже по-своему правильно живёт.

— Я говорю — правильно по-нашему, а не по-Руфининому. Правильно жить, я понимаю, — быть внимательнее к людям. Ко всем людям. Заботливее. И главное — снисходительнее. А так ли мы отнеслись сегодня к Руфине? По-коммунистически ли поступили мы, ощетинившись и отмолчавшись, когда она пришла в цех? А потом? Каким мы чувствам позволили командовать нами, когда она ушла? Когда мы, нервничая и негодуя, из рук вон плохо работали. Серёжа, не кто-то, а ты должен пойти к Руфине.

— Этого ещё не хватало. Зачем? Ты что? — возмутился Сергей. — И это говоришь ты? Ведь ты понимаешь, Капитолина, — назвал Серёжа Капу впервые этим полным именем. — Для меня же Дулесова не просто соседка.

— Тем более. Тем более ты должен встретиться с нею и поговорить так, как будто она — не она, а твоя родная сестра, а ты её брат. Или «человек человеку друг, товарищ и брат» ты признаешь только напечатанным в газетах и не носишь в своём сердце как первую заповедь нашей жизни?

Тут Серёжа, почувствовав, что власть доводов Капы, сила её убеждений неоспоримы, неуверенно согласился.

— Конечно, я могу... Конечно, я не считаю, что Руфина какая-то закостенелая, и вообще... Но где мне взять слова? Я же знаю, какая в ней сила.

Капа на это сказала:

— Сила, Серёжа, это мы. И только мы. И нет на земле силы сильнее нас.

Серёжа не поверил, что это говорит Капа. Он посмотрел на неё и задумался.

Где та девочка в белом фартучке с букетиком фиалок? Неужели это она? Личико то же. И те же тоненькие пальцы. И тот же тонкий голос. Но перед ним другой человек. Человек, который утверждает себя главной силой на земле. И этому он верит.

— А если у тебя не найдётся или не хватит слов, — вдруг совсем по-девчоночьи наивно защебетала Капа, — то возьми их у меня. Я отдам тебе их все, до последнего слова...

Капа подошла к Серёже и, коснувшись своими губами его губ, прошептала:

— Пусть перейдут к тебе мои слова...

Губы Капы дрожали. Вздрагивали и плечи. Она страшилась встречи Сергея и Руфины. Но эта встреча была нужна. Только Сергей мог повлиять на Руфину. И Капа повторила:

— Ты как можно скорее должен встретиться с нею, Серёжа...

26

Исправно работает Руфина Дулесова на семнадцатой линии. Подчиняется её неписаным правилам, и со стороны кажется, что она многое поняла. И это так. Многое поняла Руфина. Поняла, но не приняла. Сердцем. Нутром.

Ей нравились скромность, самоотверженность, спаянность коллектива, борьба за общий, а не личный успех. Но в эти хорошие черты бригады она не могла поверить, как и в её идейную сущность, в моральные основы. Руфина видела в них показную условность, некий гипноз самовнушения. Повторялась старая история

внутреннего разлада, но на этот раз не с одним человеком, которым был Алексей, а с коллективом «Алексеев». И, уж конечно, из всех этих «Алексеев» выделялся Сергей. Несомненно, Сергей — душа бригады, и все идут за ним. Не называя себя бригадиром, он остаётся им.

Руфина не допускает, что Сергей сознательно ввёл сменное бригадирство, желая этим устранить Руфину и не дать линии называться «семнадцатая дулесовская», как она уже называлась кое-кем. Пусть он не хотел этого, как не хотел и его брат Алексей, вводя автоматическую приставку, зачеркнуть славу Руфины. Это ничего не меняет. Равноправный делёж успехов бригады не устраивает Руфину, но как об этом сказать?..

Кому?

Ведь она по своему желанию приняла приглашение Гладышева и пошла на отстающую линию, чтобы сделать её передовой. Теперь она стала такой. Более того, все считают её коммунистической. Так чем же ты недовольна, Руфина Дулесова? Чего ты хочешь? Тянуть линию назад? Отвести её на прежние рубежи? Засушить, дать увянуть тому, что должно расти и стать цветом времени, смыслом всей жизни тружеников и твоей жизни, если ты дочь, а не падчерица своего народа?

Разговор с Алексеем, оказывается, продолжается. Продолжается в ней самой. В её сознании, ломая незыблемое, сокровенное, взлелеянное.

Нет страшнее разлада, чем внутренний разлад. Ей нужно, ей хочется теперь поговорить с Серёжей. Поговорить и хотя бы очиститься перед ним. Виновата она или нет в своей любви к Алексею, но все же она принесла много страданий Сергею, сломав его счастье в домике с башенкой. Начав с этого, она, может быть, и спросит его, как ей быть дальше. Не враги же они. С этих слов она и начнёт.

«Серёжа! Мне нужно поговорить с тобой. Ты, по законам нашей бригады, не можешь мне отказать в этом. Я жду тебя дома в шесть часов вечера.

Руфина».

Записку Серёжа показал Капе. Капа сказала:

— Очень хорошо. Не растеряй мои слова.

И Серёжа пришёл. Он пришёл в косоворотке, сшитой Капой, и сел возле Руфины на ступени недостроенного крылечка их дома.

— Серёжа, мы все-таки не враги. Мы просто жертвы самообмана...

— Руфина! — прервал её Серёжа. — Не «самообманываешься» ли ты, когда говоришь о самообманах, самовнушениях, самогипнозах...

— Не думаю. Мне кажется, мы не любили друг друга. Нам хотелось любви, и мы выдумали её, а потом поверили в выдуманное.

— Я опять повторяю то же самое. Не выдумываешь ли выдумку о нашей любви? И если выдумываешь, то выдумывай о самой себе, а не обо мне.

— Серёжа, неужели ты до сих пор любишь меня?

— Нет, Руфина, — сказал он, — у меня, кажется, уже нет любви к тебе, но я не могу побороть в себе обиду. Ты не захотела тогда хотя бы немножечко смягчить наш разрыв. У тебя не нашлось сострадания ко мне... Помнишь, как ты повернулась ко мне спиной, стала смотреть в окно и не оглянулась, когда я... когда я так неуверенно уходил?

Руфина не оправдывалась:

— Да, это было бестактно с моей стороны.

— Нет, Руфина, «бестактно» — это не совсем подходящее в данном случае слово. Но я не хочу искать подходящие слова. Ты поступила тогда в тот тягостный день по крайней мере не по товарищески.

— Да, Серёжа. Я тогда думала только о себе. Иначе я и не могла тогда, Серёжа...

— Иначе ты не можешь думать я теперь, Руфина. И в этом все твои беды. Все, Руфа. Ты всегда, Руфина, думала о себе. И работая на «АВЕ»... И собираясь выйти замуж за Алёшу... Потом — за меня... Потом — переходя на семнадцатую линию. Ты ведь тоже думала не о линии, а о себе.

Руфине было стыдно признаться, но солгать она не могла:

— Да, Серёжа. Мне хотелось счастья.

Горестная улыбка пробежала по Серёжиному лицу. Много слов осуждения береглось у него для Руфины. Гневных, заслуженных ею слов. Но Сергей не воспользовался ими. Не пригвождать её, а убедить хотелось ему. Так требовали законы бригады. Так хотела Капа.

— Ты искала счастья, Руфина. И я понимаю тебя. Но разве человек может быть счастлив сам по себе, в одиночку? Его делают счастливым только другие. Человек не может быть согрет только своим теплом. Его согревает тепло других. Но для этого нужно, чтобы и ты тоже излучал тепло. Это великий закон взаимного излучения теплоты...

Серёжа остановился. Его щеки залил румянец.

— Ты меня извини. Я сейчас повторяю слова брата. Но чьи же слова, Руфина, повторять мне, как не его. Ведь он отдаёт все своё тепло людям. Я хочу походить на него. А быть таким, как он, — значит быть правдивым. Очень правдивым! Руфина, у меня нет ничего спрятанного от тебя. Хочешь ли ты мне ответить тем же? Правдивостью? Так лучше для тебя. Легче. Ты же сейчас очень несчастна и одинока.

— Я постараюсь, Серёжа. Говори. Мне нужно знать, что ты думаешь обо мне. Говори все.

В её голосе звучала готовность выслушать слова правды и понять их.

— Конечно, мне тоже нелегко говорить то, что есть, — признался Серёжа.

— Но я теперь не просто Сергей Векшегонов, а и они. Бригада. И каждый из нас — это мы. А ты — нет. В тебе нет бригады, и тебя нет в бригаде.

— Кто же меня исключил из неё, Серёжа?

— Тот же закон взаимного излучения теплоты.

— Как же мне быть?

— Реши сама. Никто не может распоряжаться теплом другого человека. Но ты можешь прийти в бригаду. Можешь, если этого захочет твоё сердце.

Несколько минут они сидели молча на крылечке. Нагретая солнцем ступень была тёплой. Давно не сидели они вдвоём.

— А Капа? — спросила Руфина. — Как она собирается распорядится своим теплом?

— Об этом нужно спросить у неё.

Руфина прищурилась, улыbnулась, осветила зелёными лучами своих глаз Серёжу, крылечко и, кажется, все окружающее.

— Спасибо, Сергей, за то, что ты пришёл и посидел со мной на этом крылечке, которое не стало нашим крыльцом. Но я ещё подумаю о крыльце и, может быть, верну его нам.

Серёжа побледнел:

— Это теперь не в твоих силах.

— Если в твоих словах испуг, значит, в моих силах. Но ты не бойся, Серёжа. Я не сделаю это крыльцо нашим крыльцом. Поцелуй меня на прощание! Пожалей и уйди.

— Руфина! — чуть ли не взмолился Серёжа. — Я боюсь выполнить твою просьбу даже на прощание... Пожалей лучше ты меня, Руфа...

Руфина торжествующе улыbnулась доброй, почти материнской улыбкой. Потом подошла к Серёже, привлекла его голову к своей груди и сказала:

— А я, оказывается, все-таки любила тебя, мой мальчик... Теперь иди.

Она проводила его до ворот и закрыла калитку на засов.

Серёжа не спал всю ночь.

Новыми друзьями Руфины стали одиночество и размышления. Вот и теперь ей не хочется вставать с сундука и подходить к телефону. Но звонки настойчивы. Она взяла трубку.

— Алло, Руфа? Это я, Лида. Не узнала? Значит, быть богатой или счастливой.

Лидочка Сперанская, заговорив о платьях, туфлях, о новой клетчатой ткани, которую она купила себе и Руфине, кажется, позвонила просто так...

Мы знаем, что нередко желающие поговорить о Фоме начинают разговор о Ереме. Перейдя с клетчатой ткани на расспросы «как ты?» и «что ты?» и каковы планы на будущее, Лидочка несколько раз назвала имя Николая Олимпиевича. Один раз в связи с переходом на новый рабочий день. Другой раз она, распекая «заплесневевшую в безделье» экономку Гладышева Аделаиду Казимировну, удивлялась терпению Николая Олимпиевича.

Руфина отлично понимала, что главным в телефонном разговоре Лидочки Сперанской была не клетчатая ткань и, конечно, не Аделаида Казимировна, а желание узнать, как Руфина отнесётся к тому, что Николай Олимпиевич считал находящимся за пределами благоразумия, а Лидочка — наоборот. Думая так, Лида все же боялась предпринять какие-то более решительные шаги. Зная, что от этих шагов зависит теперь все, она искала поддержки и сочувствия на стороне. И такой «стороной» была для неё Руфина. Пусть её суждения не станут решающими, но все же небезынтересно знать, как она думает.

Руфина, узнав от матери в день приезда из Москвы о том, что Роман Иванович Векшегонов не то шутя, не то серьёзно убеждал два сердца соединиться в одно, отнеслась к этому безразлично. А теперь, после разговора с Лидой, вдруг задумалась...

Тут нам надо очень тщательно, вдумчиво и осторожно разобраться в клубке чувств и мыслей Руфины, чтобы не обидеть её там, где она этого не заслуживает.

Руфина вспомнила чету Радугиных. Молодую Нину Радугину и одногодка Гладышева Модеста Михайловича Радугина. Вспомнив о них, Руфина стала думать о Гладышеве и Лиде. И ей показалось, что их счастье может стать обоюдным на долгие времена.

И это очень хорошо. И Руфина будет рада за Лиду. Но что-то, а что именно — Руфина не знает и сама, мешает ей радоваться.

Зависть?

Нет. Ну что вы? Это чувство оскорбительно в данном случае. Руфина не может даже хотя бы на миг представить себя на месте Лиды. Об этом не следовало бы даже и думать. Но мысли, как и сны, — над ними не властен человек. Не властна над ними и Руфина. И коли мысль пришла, то её, как говорила тётя Женя, не вытащишь из головы, подобно седому волосу.

Короче говоря, Руфина сделала уступку коварной или, точнее, коварно-озорной мыслишке: «А ведь и я могла бы, как и Лида, если бы захотела...» И началось...

Руфине вдруг захотелось проверить: а могла ли бы она?

В эти годы озорство нередко берет верх над здравым смыслом, и человек, проверяя свою храбрость или силу, испытывая свои нервы, волю, бывает, пускается в предприятия, которые потом его смешат, а то и ужасают.

Озорство и что-то соседствующее с ним, может быть, желание невозможное представить возможным, чтобы выкинуть его из головы, заставили Руфину сегодня, сейчас же представить себя на месте Лиды, которое она ещё не заняла и, может быть, не займёт.

Скажите, разве это не волнующий спектакль для Руфины, в котором она может стать и зрителем, и главной героиней? Скажите, кто из нас не был участником или зрителем таких спектаклей?

Не будем чрезмерно строги к нашей героине. Займём у Ийи и Капы как можно больше добрых чувств и дадим Руфине представить себя в невероятной роли. Что там ни говори, а пережитое ею, пусть она была тому виной, достойно сожаления. К тому же не во всем она одна была автором своих несчастий.

— Ты куда это, Руфочка, на ночь глядя? — спросила Анна Васильевна, не узнав свою строго одетую и по-серьёзному причёсанную дочь, будто ей не двадцать один, а за тридцать...

Руфина не скрыла от матери своих намерений:

— Хочу сходить к Николаю Олимпиевичу, мама.

— Зачем?

— Не бойся, мама, я не наделаю ошибок.

— А что мне бояться? — ответила мать дрожащим голосом. — Я знаю, куда бы ты ни шла, свою голову в сундуке не оставляешь. Только зачем это тебе, Руфочка?

— Чтобы не думалось. Я хочу видеть и понять, как это бывает.

Мать проводила дочь до входной двери. На улице уже смеркалось. Сумеречно было и на душе Анны Васильевны.

Сумеречно...

28

Медленная, величавая, знающая силу своих чар, идёт Руфина по набережной заводского пруда. Чапаевская набережная, когда-то называвшаяся Господский односторонок, все ещё сохраняла облик улицы, где жила заводская знать старого железодельного завода. Казённые строения с пристройками для господской челяди стоят и поныне. Теперь эти дома населены рабочими завода, и давно уже нет даже и памяти господ, начальников цехов, смотрителей, надзирателей и всех тех, кто в минувшие времена олицетворял заводскую власть казённых заводов.

Только чопорные фасады домов да старые липы напоминают о прошлом Господского односторонка.

В одном из этих домов квартира Гладышева. После смерти жены Николая Олимпиевича печать одиночества и запустения лежит на тёмных окнах, на закрытых уличных дверях, на ступеньках крыльца, усеянного прошлогодними листьями.

Однако внешнее впечатление, которое производит дом или человек, бывает и ложным. Неожиданность — мать сюрпризов. А настоящие сюрпризы приятны в любом обрамлении. Кто может предположить, что сегодня произойдёт за дверью старой квартиры Гладышева? Возможно, в этот день можно будет сказать, что жизнь сжалась над своей строптивой дочерью.

Дверь, как и следовало ожидать, открыла Аделаида Казимировна.

— Николая Олимпиевича нет дома, — проскрипел голос Аделаиды Казимировны, и дверь готова была закрыться перед носом Руфины.

Обиженная таким тоном, Руфина попридержала дверь и сказала:

— Ничего, я его подожду! — И прошла в дом.

Наверно, во всяком другом случае так не поступила бы она, но сегодня её спутником было озорство. Оно и провело её в комнаты.

И когда Аделаида Казимировна удалилась на кухню, Руфина попыталась представить себе, как бы могла она теоретически перепланировать квартиру. Как бы (опять же теоретически) мог сюда переселиться истосковавшийся на сеновале старого сарая новый гарнитур. И теоретически все размещалось хорошо. Невероятно, но хорошо.

Руфине скоро наскучила эта перепланировка. В ней хотя и было нечто реальное и допустимое, но не было и тени здравого смысла. Спектакль рушился, не начавшись. В него уже не верила Руфина ни как играющая главную роль, ни как единственный зритель. И она, довольная нелепостью своей затеи примерить себя в этом доме, решила оставить Николаю Олимпиевичу весёлую записку и уйти. Но в это время она услышала чей-то тихий голос, а затем еле слышное пение.

Догадавшись, что «заплесневевшая в безделье» Аделаида не выключила телевизор, Руфина решила пойти в комнату Николая Олимпиевича и сказать Аделаиде, что электрическую энергию нужно беречь.

Открыв дверь в рабочую комнату Николая Олимпиевича, она увидела там спящего в кресле офицера. Он сладко спал, запрокинув голову.

Это был инженер-капитан третьего ранга Виктор Николаевич Гладышев.

Слегка качнулись стены, потом потолок. Кажется, хотел было закружиться ковёр, но Руфина не позволила этого сделать ковру, потому что она была сильным и волевым человеком...

Инженер-капитан третьего ранга Виктор Николаевич Гладышев, демобилизованный с флота, приехал к отцу, чтобы провести отпуск, а затем начать новую, береговую жизнь.

Он прилетел днём. Бессонная дорога, пересадка на другой самолёт, плотный поздний обед, три рюмки коньяку и тихая симфоническая музыка, передаваемая по телевизору, усыпили его.

Это был тот самый Виктор Гладышев, курсант морского училища, у которого ещё совсем маленькой Руфина сидела на коленях и спрашивала, трогая то погончики, то нашивки: «А это что? А как называется это?» А потом, когда Руфина училась в седьмом классе, она уже танцевала с настоящим морским лейтенантом.

Она тогда приколола к его кителю белого голубка и сказала: «Виктор, это почтовый. Он будет приносить в своём клювике письма». И письма приходили. Но потом переписка прервалась. Призрачный образ далёкого «тихоокеанского офицера» затмил Алексей Векшегонов. До переписки ли было ей! Руфина, как мы помним, освещённая лучами славы, даже не ответила на признание Виктора Гладышева.

А теперь он появился на перепутье её дорог. Узнав Виктора, она хотела удалиться, но, споткнувшись о кромку ковра, задела плечом старую этажерку с книгами. Этажерка скрипнула. Виктор проснулся, вскочил как по тревоге и молниеносно надел китель.

— Руфа! Не сплю ли я! Как любезен отец! Он позвонил тебе. Как любезна ты... Спасибо тебе. Мне так хотелось увидеть тебя. Я так много думал о тебе.

Он кинулся к Руфине и, не раздумывая, перецеловал ей руки. Ошеломлённая Руфина не сразу пришла в себя:

— Виктор, как хорошо, что мы встретились... Как это хорошо. Бывает же так...

Руфина заплакала.

Слишком давно копились у неё слезы. Слишком много ей пришлось пережить, передумать. Виктор ни о чем не расспрашивал

её. Аделаида Казимировна в первый же час приезда Виктора пересказала ему повесть Старозаводской улицы. А его отец, как бы резюмируя сказанное Аделаидой, коротко посоветовал сыну: «Не зевай и не тяни».

29

Поздним вечером Николай Олимпиевич, подойдя к дому, увидел двери гаража открытыми. Догадку Гладышева с превеликим удовольствием распространённо подтвердила Аделаида Казимировна:

— Нынче девицы недолго раздумывают. Она уехала с ним кататься. Ночью.

— И в добрый час, Аделаида Казимировна, — воскликнул Гладышев и повторил: — В добрый час.

Дальнейшее Николай Олимпиевич и не думал выяснять.

Руфина и Виктор ехали по большаку. Сосны как розовые свечи. Темно-зелёная тишина, посеребрённая светом луны. Молчит мир. Только о чем-то перебраниваются в лесу маленькие совки.

После молчания Виктор, отвечая на рассказанное Руфиной и слышанное до этого от Аделаиды Казимировны, сказал коротко:

— Это бывает, Руфина. У меня тоже кое-что было и прошло. Не надо вспоминать. Посмотри, Руфочка, какая чудесная вырубка.

Виктор притормозил машину и остановился на обочине.

— Как здесь хорошо! Мы да звезды!

— Хочешь, Руфа, посидим на пнях? — предложил Виктор.

— Хочу.

И они вышли.

Зябкая прохлада апрельской ночи. Далёкий дым проходящего поезда. Сладкие запахи смолы и земли.

Виктор выбрал пень и предложил Руфине другой. Но на нем, ещё борющемся за жизнь, проступила смола. Янтарная, сверкающая при свете луны.

— Ты что? — спросил Виктор. — Ищешь пень, который получше?

— Да нет. Ищу, который поближе.

— Тогда садись на мой, рядом.

— Тесно.

— Тогда на колени.

— Удержишь ли? Я ведь не из лёгких, — сказала она, ничуть не жеманясь.

Удивительно, как легко и просто ей с этим человеком! Она его не видела столько лет, а в их отношениях ничего не изменилось. Он вызывает какое-то огромное чувство доверия. В его глазах ни одной хитрой искорки. В его голосе только то звучание, которое соответствует сказанным им словам.

Руфина села на колени к Виктору. Ища наиболее удобного положения, она обняла его шею правой рукой.

— Теперь уселась?

— Да.

— Ну вот и хорошо. Будем смотреть на небо. А вдруг да пролетит над нами спутник... Сегодня день неожиданностей. Пусть будет такой же и ночь...

— Виктор, мне так стыдно, что я не ответила тебе тогда на твоё письмо. Тогда так много приходило таких писем. Если хочешь, я покажу их тебе.

— Обязательно, Руфа. Обязательно найдём и моё глупое письмо и перечитаем.

— Тебе хочется взять его обратно, Виктор?

Тут её голос немножечко упал, и она оказалась в объятиях Виктора.

— Нет, я ничего никогда не беру обратно и не отдаю своего. Никому. Я в этом смысле собственник.

— И я...

— Ну вот видишь, какая мы мелкобуржуазная стихия. Тебе не кажется, Руфина, что ты меня обняла первой?..

— Мне теперь ничего не кажется, Виктор. Но только странно, что все так неожиданно и быстро.

30

Ещё не было пяти утра, когда двухцветная «Волга» подкатила к дому Дулесовых.

— Мама, — сообщила, входя, Руфа, — я вышла замуж. Вот мой муж.

Как никогда, Анне Васильевне было трудно скрыть волнение. И она сказала:

— Я так и поняла, когда узнала от Аделаиды, что вы уехали.

Отец Руфины спросонья никак не мог натянуть на себя рубашку. Наконец, кое-как одевшись, он выбежал и крикнул:

— А я как, Анна, женился на тебе? Не при луне ли? Здравствуй, зять!

Старозаводская улица просыпалась рано, и спешащие кто на рынок, кто на пруд, чтобы захватить утренний клёв леща, проходя мимо дулесовского дома, удивлялись, глядя на машину: почему в такую рань к ним пожаловал Николай Олимпиевич?

Старик Векшегонов направлялся в лес. Он не обратил бы внимания на «Волгу» и прошёл мимо дулесовских окон, но его окликнула Анна Васильевна:

— Иван Ермолаевич! Дорогой... Зашёл бы. У нас обручение в доме.

И он зашёл к Дулесовым.

— Витька!

— Дедушка Иван!

— Когда успели?..

— Моряки — народ быстрый!

Объятия. Чарка водки.

Отцу Виктор сообщил по телефону кратко:

— Папа! Поздравь меня и извини, что я так долго задержал твою машину. Если есть время поздравить лично, то я в доме моей жены Руфины Андреевны... пока ещё Дулесовой.

Прибежала и Любовь Степановна Векшегонова:

— Вот и нашлись жильцы для домика с башенкой.

Не прошло и недели, как Дулесовы и Векшегоновы договорились о взаимных расчётах. Не ах какие деньги. Дружба дороже. На одной улице жить. К тому же родня. Гладышевы как-никак по женской линии Векшегоновы.

Серёжа наотрез отказался получать вознаграждение за труд, который он вложил в этот домик. Деньги выглядели обидной платой. Зато подарок, от души купленный счастливым Виктором Николаевичем, очень обрадовал Серёжу. Виктор приехал на новеньком мотоцикле и сказал:

— Сергей! Уж мы-то с тобой никаким боком недругами не можем быть.

— Конечно, — ответил Серёжа.

— А если «конечно», то вот тебе конь-огонь, и давай обнимемся на виду всей Старозаводской улицы.

И они обнялись.

Это видел из окна Алексей, не высидевший в Гагре и трех недель. Ему приятно было видеть брата, достойно развязывающего примирением путаный узел больших и малых обид.

Вскоре Серёжа снова пришёл в дом с башенкой. Отрезок трубы для сгона и муфта с контргайкой по-прежнему лежали у батареи, рядом с газовыми клещами. Сурик в консервной банке высох, но на дне ещё сохранился слой краски, пригодной в дело.

Не прошло и десяти минут, как Серёжа сказал Руфине:

— Теперь все, Руфина Андреевна. Присоединена последняя батарея.

Улыбаясь, Серёжа подмотал льна между муфтой и контргайкой, подмазал суриком, и затем, как говорят сантехники, он законтрил последний сгон.

— Спасибо, Серёжа. — Руфина протянула руку. — Не сердись и прости меня...

— А я и не сержусь. Я даже доволен за тебя. Ты из всего возможного нашла самое лучшее. Только ты не думай, Руфина, что так прост и податлив твой муж. Тебе ещё многое придётся пересмотреть, чтобы он любил тебя не только сердцем, как я, но и... — Серёжа не нашёл слова и постучал себя по лбу.

— Я постараюсь, Серёжа.

— Руфина! Я и Капа и все мы будем ждать тебя на семнадцатой коммунистической. Мы встретим тебя как сестру. И если ты даже придёшь на такую же другую линию, мы все равно встретим тебя и будем с тобой. Потому, что мы теперь всюду. Нас много. А будет ещё больше. Ты понимаешь это? — шёпотом спросил Серёжа, а потом ещё тише сказал: — Мы — сила. Мы — главная сила на земле...

Серёжа позволил Руфине поцеловать себя. Затем вскинул на плечи клещи и зашагал к воротам.

Нет вражды между ними. Векшегоновы все-таки очень хорошие люди. И если у Руфины года через два, через три родится девочка, которую она назовёт Ийей, то, может быть, случится так, что она и маленький Алёша, сын Алексея, понравятся друг другу...

Когда-то же соединятся два старых рода. Не рок же, в самом деле, мешает породниться столько лет Векшегоновым и Дулесовым!

Подумав так, Руфина услышала знакомый голосок Алёши. Он возвращался с Ийей из булочной. Голос маленького Алёши сейчас не только не резанул слух Руфины, а она даже обрадовалась, услышав его.

Есть ли на свете большая очищающая сила, нежели любовь? Она пришла к Руфине. Пришла и сожгла в её сердце все мешавшее заглянуть в него солнцу. И кажется, что любовь к Виктору и есть её первая любовь.

Так что же она медлит? Не выбежать ли ей на улицу и не зацеловать ли маленького Алёшу?

Она так и сделала.

Схватив мальчика, Руфина прижала его к сердцу и принялась целовать — к изумлению смотревших из окон соседей.

В ней рождалось ещё не изведанное материнство. В ней бушевали прощение и уважение. Уважение к людям, которых нельзя не уважать и не любить...

— Спасибо тебе, Руфа. Я так счастлива, что ты любишь нашего Алёшку. Спасибо, Руфина. Я всегда верила и надеялась...

Ийя не закончила начатого. И так ясно. Она пожала руку Руфины и взяла из её объятий вспотевшего от ласк сына.

31

За окном был май, а заморозки давали ещё о себе знать.

Рано за Омском проснулись Ийя и Алексей. Дед и бабка Векшегоновы, провожавшие внука и внучку, проведут это лето в Сибири. Сейчас они ещё спят. А старик Адам Красноперов ушёл курить в тамбур. Стесняется дымить своим самосадом. Да и кроме Алёшки в вагоне немало детей. А самосад ой-ой какой крепкий!

Алёша и Ийя стоят у окна вагона. Солнце уже поднялось, но его лучи не столь тёплые, чтобы прогнать белесую изморозь на траве.

— О чем ты задумался, Алёша?

— Да как тебе сказать... — ответил он Ийе. — Символика, понимаешь, одолевает.

— Какая?

— Смотрю на иней и думаю. Когда-то на земле было очень холодно. Снег да льды. А потом стала оттаивать земля. Стало теплеть и теплеть. И земля стала зацветать. Но царство стужи и льда не хочет сдаваться. Оно ещё побивает первые цветы. И все ещё дают о себе знать заморозки. Я говорю не только о Руфине, но главным образом о других. И о себе, — сказал задумчиво Алексей. — Но все равно это последние заморозки. Последние. Разве солнцу скажешь: «Стой!»

Он умолк. Пытливо заглянул в глаза Ийе. Потом махнул рукой:

— Ты не слушай меня. Видимо, я моей бабкой пожизненно ушиблен сказками. Кому уж что дано, то и дано.